

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 5 • 2019 • СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Черненко В.Г. Семантика изображений животных-защитников на геммах и перстнях Нижнего Дона	3
Аксаньян К.Э. Разрядные книги как источник для реконструкции служилых биографий представителей русской аристократии: на примере князя В.И. Шуйского	16
Князев П.Ю. Проблема англо-шотландской унии в сочинениях Чарльза Дэвенанта (1656–1714).	26
Шимбирёва О.А. «Письма черносотенцев и других лиц»: проблемы интерпретации текстов	37
Родин Д.В. Веймарская республика и «Северное Локарно» Рафаэля Эриха	54
Малыгин В.В. Заметки о современной критике концепции России-Евразии.	70
Вергазов Р.Р. Садово-парковое искусство Ахеменидского Ирана. К проблеме реконструкции и типологии древнеперсидских парадизов	89
Хлебников Д.В. К уяснению значения эпитета «в Силах» в названиях некоторых русских иконографий	108
Дроздов А.А., Долженко В.Д., Андреев М.Н., Лунин В.В. Технология производства смальтовых стекол на Усть-Рудицкой фабрике М.В. Ломоносова	140
Грызунова А.А. Портреты Томаса Лоуренса из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве	159

CONTENTS

Ch e r n e n k o V.G. Semantics of Apotropaic Animals' Images on Gems and Finger Rings from the Lower Don region.	3
A k s a n ' y a n K.E. The Books of Ranks as a Source for Reconstruction of the Careers of the Russian Nobility: Prince V.I. Shuisky's Case	16
K n y a z e v P.Yu. The Problem of Anglo-Scottish Union in the Works of Charles Davenant (1656–1714)	26
S h i m b i r e v a O.A. "Letters of the Black Hundreds and Other Persons": Problems of Text Interpretation	37
R o d i n D.V. Weimar Republic and Rafael Erich's "Northern Locarno"	54
M a l y a v i n V.V. Notes on Current Criticism of the Concept of Russia-Eurasia	70
V e r g a z o v R.R. The Landscape-Gardening Art of Achaemenid Iran. On Reconstruction and Typology of Ancient Persian Paradises	89
K h l e b n i k o v D.V. Considering the Meaning of the Epithet "in Powers" in the Titles of Some Russian Iconographies	108
D r o z d o v A.A., D o l z h e n k o V.D., A n d r e e v M.N., L u n i n V.V. The Technological Studies of Smalt Glass Manufacture at M.V. Lomonosov's Ust'-Ruditsa factory	140
G r y z u n o v a A.A. Portraits by Thomas Lawrence from the Collection of The Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow	159

В.Г. Черненко*

**СЕМАНТИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ ЖИВОТНЫХ-
ЗАЩИТНИКОВ НА ГЕММАХ И ПЕРСТНЯХ
НИЖНЕГО ДОНА**

V.G. Chernenko

**SEMANTICS OF APOTROPAIC ANIMALS' IMAGES
ON GEMS AND FINGER RINGS FROM THE LOWER
DON REGION**

Аннотация. Литые перстни из бронзы и драгоценных металлов с изображениями на щитках и вставках (камеи и инталии) встречаются на городских и сельских некрополях многих регионов античного мира. Изделия данного типа известны среди находок преимущественно эллинистического и римского времени (историками они датируются III–II вв. до н.э. и I–IV вв. н.э. соответственно), но встречаются и в более ранних слоях. Все изделия, описанные в настоящей работе, происходят из раскопок античных памятников Нижнего Дона. Несмотря на условное объединение рассматриваемых предметов определенной территорией, они не разделялись на памятники греческой и варварской культур. Танаис (III в. до н.э. — V в. н.э.) и Елизаветовское городище (VI–III вв. до н.э.) были местом контактов оседлого и кочевого населения, что определило черты местной культуры. Торговые и политические контакты с поселениями Северного Причерноморья объясняют наличие аналогий, что также позволяет уточнить семантику изображений. Главной целью исследования стал анализ символики изображений животных-защитников на перстнях. Изучение античных перстней, сравнение их с изделиями других поселений позволяет проследить общие черты иконографии мифологических персонажей. «Унификация» изображений не является случайностью, так как все они должны были восходить к единому оригиналу. Актуальность темы обусловлена отсутствием обобщающих работ, посвященных перстням из региона Нижнего Подонья и, в частности, защитным функциям изображений на перстнях. Автором было установлено, что животные-защитники, особую популярность среди которых приобрели львы и грифоны, согласно представлениям местного населения, могли за-

* Черненко Виктория Геннадьевна, аспирант кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Chernenko Viktoria Gennadyevna, PhD Student, Department of the History of the Ancient World, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-928-771-40-19; victoriagent.chernenko@gmail.com

щитить умершего в загробном мире, а его погребение от разграбления. Часть представленного материала публикуется впервые. В контексте вопроса о семантике изображений животных-защитников все находки рассматриваются впервые. В результате исследования была установлена функция перстней в качестве апотропеев и выявлена общность иконографии с изображениями на других предметах материальной культуры античного мира.

Ключевые слова: глиптика, торевтика, Северное Причерноморье, Танаис, Елизаветовское городище, апотропей.

Abstract. Cast rings, made of bronze and precious metals, with images on shields and inserts (cameos and intaglios) are found on urban and rural necropolises in many regions of the ancient world. Products of this type are known among finds of predominantly Hellenistic and Roman periods (scholars date them respectively to the 3rd–2nd centuries BCE and the 1st–4th centuries CE), but they also occur in earlier layers. All the items characterized in this article come from the excavations of ancient Lower Don sites. Despite the objects in question were concentrated in a certain area, they were not separated into the items of Greek and barbarian cultures. Tanais (3rd century BCE – 5th century CE) and Elizavetovskoe settlement (6th–3rd centuries BCE) were contact sites of the settled and nomadic population, and this determined the features of the local culture. Trade and political links with the Northern Black Sea settlements explain the existence of analogies and allows us to clarify the semantics of images. The main objective of the study was to analyze the symbolic meanings of apotropaic animals' images on rings. The study of ancient finger rings, their comparison with the products of other settlements allows us to trace common features in the iconography of mythological characters. The “unification” of images is not accidental, since all of them had to go back to a single original image. The relevance of the topic is due to the lack of generalizing analysis of the Lower Don rings and, in particular, protective functions of their images. The author revealed that according to the beliefs of the local population, apotropaic animals, especially very popular lions and griffins, could protect the deceased in the afterlife and his burial from plunder. Part of the material is published for the first time. All finds are also for the first time considered in the context of the semantics of apotropaic animals' images. The study shows that the finger rings functioned as apotropes and have similar iconography with different objects of the ancient material culture.

Keywords: glyptic, toreutics, Northern Black Sea region, Tanais, Elizavetovskoe settlement, apotropaic magic.

* * *

Нижнее Подонье — регион, ставший в эпоху раннего железного века местом расселения и контактов кочевых и оседлых народов¹. В начале второй четверти V в. до н.э. там возникают Елизаветовское

¹ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 5–6.

городище и могильник². Одна из курганных групп, включающая 14 курганов, носит название «Пять братьев» и датируется около IV в. до н.э. Находки из курганов «Пять братьев» хранятся в Ростовском областном краеведческом музее. Курганы Нижнего Дона были оставлены, скорее всего, сарматами или савроматами³. В первой четверти III в. до н.э. боспорскими греками была основана древнегреческая колония Танаис (Strabo. VII, IV, 5). Античный город был одним из торговых центров Северного Причерноморья и состоял из городища и обширного некрополя, на котором в последние годы ведутся основные работы⁴.

К настоящему времени в ходе раскопок античных поселений было обнаружено большое количество различных находок, способных дать исследователям новую информацию о памятниках. В их ряду стоят металлические перстни со стеклянными вставками с изображениями. Среди сюжетов, распространенных в глиптике и торевтике, особой популярностью пользовались изображения защитного характера, в частности — животных с охранными функциями. Отсутствие обобщающей работы по перстням и геммам Нижнего Дона и накопление нового материала обусловили необходимость данного исследования. Главной его целью стал анализ символики изображений животных-защитников на перстнях. Изучение античных перстней, сравнение их с изделиями других поселений позволяет проследить общие тенденции в мифологии персонажей животного мира. В статье рассмотрены два металлических перстня из раскопок некрополя Елизаветовского городища, а также стеклянная вставка и металлический перстень из коллекции Археологического музея-заповедника «Танаис». Предварительная публикация двух изделий из Танаиса была сделана нами в тезисах к докладам, но подробно и в контексте анализа защитных функций предметов мы к ним обращаемся впервые⁵.

² Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону // Pontus Septentrionalis II. Tanais 2. М., 2000. С. 68–70.

³ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа // Прага; Ленинград, 1966. С. 77.

⁴ Выражаю благодарность сотрудникам археологического музея-заповедника «Танаис», в частности С.М. Ильишенко, за предоставление необходимых материалов и возможность опубликовать находки.

⁵ Черненко В.Г. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из некрополя Танаиса эллинистического времени // VIII Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» / Материалы конференции. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2013; Черненко В.Г. Сюжеты на геммах римского времени из Танаиса // IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии

Изображения львов

Гемма из синего стекла с изображением льва была обнаружена во впускном погребении 11 кургана № 138 в ходе спасательных работ на территории западной группы курганов Елизаветовского могильника в 2013 г. Ко времени погребения (не позднее третьей четверти IV в. до. н.э.) инталия использовалась в качестве пронизи⁶. На вставке мы видим крупное животное с гривой, мускулистым телом и кошачьими лапами. На конце хвоста резчик изобразил кисточку, являющуюся характерной чертой животного (опубликовано в: *Копылов В.П.* Греческие перстни с изображениями из памятников скифского времени устьевой области р. Танаис. Армавир, 2015).

Лев олицетворял собой разного рода светлые и мрачные мотивы. Он относился к культу Зевса и к области чисто хтонической. В мифологии и фольклоре многих народов Африки, Западной, Южной и Восточной Азии лев является символом высшей божественной силы, мощи, власти и величия, в то же время, символизируя огонь и солнце⁷. Так, в качестве атрибута солнечных богов львы часто сопровождают Аполлона, мы встречаем их статуи на территории его храмов в Дидиме, на Делосе (терраса львов) и пр. Хтоническая сторона подчеркивается львами в культе фригийской богини-матери Кибелы, покровительницы произрастающих сил природы, олицетворявшей идею бессмертия⁸. Шкура льва встречается на рельефах, монетах и статуях в качестве атрибута Геракла⁹. Вступая в поединок с чудовищами, герой входит в непосредственное столкновение с хтонической стихией и побеждает ее. Мотив борьбы Геракла со львом особенно часто встречается в погребальной скульптуре и погребальном инвентаре¹⁰.

Восточной Европы» / Материалы конференции. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2014.

⁶ *Копылов В.П.* Греческие перстни с изображениями из памятников скифского времени устьевой области р. Танаис / Виноградовские чтения // Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир, 2015. С. 21–24.

⁷ *Богацова О.В.* Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности: К проблеме религиозного синкретизма в античности. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 82.

⁸ *Горнчаровский В.А.* К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н.э. // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 224.

⁹ *Захарова Е.А.* К вопросу о культе Геракла Сотера в Северном Причерноморье // Исседон – ΊΣΣΕΔΩΝ: Альманах по древней истории и культуре. Т. 3. Екатеринбург, 2005. С. 109–110.

¹⁰ *Граков Б.Н.* Скифский Геракл // КСИИМК. Вып. XXXIV. М., 1950. С. 7–18. Рис. 1.

Лев был символом силы и неустранимости. Древнее искусство изображало его преимущественно в двух видах — как хищного зверя, нападающего на разных животных, либо как спокойно сидящего или стоящего стража. Изображение льва в торевтике наиболее широко представлено по находкам в кургане Куль-оба, современных курганам Елизаветовского городища (в сцене терзания на золотой чаше, золотой обкладке меча и знаменитой пластине-накладке на щит или колчан)¹¹. Характер изображений на этих предметах явно указывает на восточное влияние. Миниатюрные изображения льва, часто находимые в Керчи — амулеты из смальты и гипсовые или алебастровые львы, украшавшие стенки саркофагов, обладали защитными свойствами. Употребление апотропеев могло быть связано с участвовавшими случаями разграбления могил. Боспорские некрополи дают громадное количество редких апотропеев, среди которых лев занимает выдающееся место¹².

Несмотря на неоднозначность семантики образа льва в разные периоды и в разных регионах, основной функцией этого животного была охрана покоя погребенных, в частности, представителей скифской и боспорской знати. Изображения львов помещались в погребения в качестве амулетов, что вполне оправдывает нахождение перстня из Елизаветовского некрополя среди погребального инвентаря.

Лев входил в круг изображений, относимых к культуре богини-матери. Бронзовый перстень с рельефным изображением богини на троне (Т-08-НЗ пл. XVIII/4, п.о. № 67 / АМЗТ КП 452/55) был обнаружен в 2008 г. в ходе исследования некрополя античного города Танаис (рис. 1)¹³. Изделие находилось в детском погребении № 51 вместе с прочим инвентарем, включавшим стеклянные бусы, краснолаковый сосуд и еще один перстень с вдавленным женским профилем, который относится к «птолемеевским перстням»¹⁴. По-

¹¹ Fedoseev N.F. The Necropolis of Kul Oba and Juz Oba / Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. II // BAR International Series 1675(II). Oxford, 2007. P. 982. Fig. 4. 5.

¹² Кучеревская Н.Л., Федосеев Н.Ф. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 160–164.

¹³ Ильяшенко С.М. Отчет об археологических исследованиях на территории грунтового некрополя городища Танаис в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2008 г. (раскоп XVIII, площадь 4, 5). Архив ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”». Ростов-на-Дону, 2012.

¹⁴ Boardman J. Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. London, 1970. P. 352–372.

Рис. 1. Бронзовый перстень с рельефным изображением богини на троне

гребение датируется II–I вв. до н.э. Бронзовый литой перстень имеет довольно распространенную форму: у него крупный овальный щиток, на который нанесено изображение. Богиня восседает на троне и находится в храме, по правую руку располагается львенок, левая рука покоится на подлокотнике. Изображение примитивно в деталях: простой головной убор, отсутствие атрибутов.

Изображения Кибелы на троне встречаются во многих областях древнего мира и датируются достаточно широко, о чем свидетельствует обширный корпус памятников культа богини¹⁵.

Существует мнение, что в греко-скифском искусстве абсолютно доминировал образ женского божества¹⁶. Культ Кибелы, которая по функциям близка многим местным женским божествам и часто отождествлялась с ними, быстро распространился среди греческого и варварского населения¹⁷. «Богиня на троне», или «богиня со львами» пришла в Причерноморье из Фригии, и ее культ получил широкое распространение в эпоху эллинизма¹⁸.

Иконография Великой Матери (Кибелы) имеет ярко выраженные особенности. Почти во всех случаях богиня сидит на троне со львенком на коленях или у ног. Специалисты отмечают, что в коропластике, в отличие от каменных рельефов, далеко не всегда воплощались все атрибуты Кибелы. Часто даже одного из них было достаточно, чтобы отличить фригийскую богиню от Деметры. С этим мы сталкиваемся при анализе изображения на перстне Танаиса, где мастер сохранил лишь один ее атрибут — львенка. Во Фригии, Пафлагонии и других районах Малой Азии животные, а именно

¹⁵ *Vermaeren M.J. Corpus Cultus Cybelae Attidisque (CCCA) VI. Leiden, 1989.*

¹⁶ *Шайб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007. С. 413–414.*

¹⁷ *Skorpil V. Kybelin Kult v risi Bosporske // Sbornik praci filologických dvornímu radcovi profesorů Josephu Kralovi k Sedesátým Narozeninám. Praha, 1913. S. 190–203.*

¹⁸ *Богатова О.В. Указ. соч. С. 124–133.*

львы, олицетворяли силу природы¹⁹. С древнейших времен лев являлся неизменным спутником Великой Матери богов Кибелы либо символически олицетворял ее на различных предметах, в том числе на монетах²⁰.

Во многих греческих городах Кибела считалась охранительницей умерших, покровительницей производительных сил природы, зверей, растений и т.д., выступая в образе Верховной богини всего сущего. Все эти функции могли разделять и ее священные животные²¹.

Изображения грифонов

К изображениям на щитках и вставках перстней относятся не только реальные представители флоры и фауны, но также животные, не существующие вне мифов и легенд. Одним из таких животных был грифон, изображения которого были обнаружены на изделиях Нижнего Дона. Золотой литой перстень с изображением орлиного грифона на щитке входит в перечень находок из богатого погребения скифского воина Кургана 8 Елизаветовского могильника (рис. 2). Инвентарь включал парадное оружие, культовые сосуды, бронзовые наколенники, другие украшения и предметы роскоши²². На перстне изображено лежащее животное с туловищем льва, крыльями и головой орла, на длинной шее отчетливо видна грива. Клюв грифона широко раскрыт, в передних лапах он держит голову козла или барана. Грифона мы встречаем также на стеклянной вставке из Танаиса. Гемма для перстня из темно-синего стекла с изображением лежащего грифона была найдена в 2005 г. на территории Нижнего города, в куль-

Рис. 2. Золотой литой перстень с изображением орлиного грифона (Копылов В.П., Шелов-Коведяев, Ф.В. События второй половины IV в. до Р.Х. в устьевой области реки Танаис. Письменные источники и археологическая данность // Исторические исследования. 2017. № 8)

¹⁹ Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Тула; М., 2009. С. 226.

²⁰ Богатова О.В. Указ. соч. С. 81.

²¹ Durugoniil S. The Sculpture of a Lion in the Amasya Museum // Anatolian Studies. 1994. XLIV. P. 150.

²² Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. Ленинград, 1979. С. 116–118.

турном слое (рис. 3)²³. Нахождение геммы вне комплекса делает ее датировку весьма условной. Из-за большого количества фрагментов кружалной и лепной керамики слой относится примерно к I–IV вв.

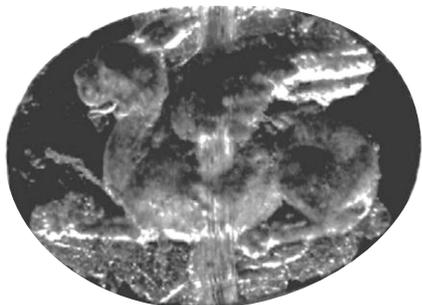

Рис. 3. Гемма из темно-синего стекла с изображением лежащего грифона

н.э. Но возможно, из этого же слоя происходит пантикапейский обол последней четверти III в. до н.э., что предполагает очень широкую датировку найденных в нем предметов. Грифон львиноголовый, у него отсутствуют рога и гребень, но выделяются длинные уши.

Упоминания о грифонах можно встретить у многих античных авторов. Геродот говорит, что грифоны обитают где-то на севере Европы и там стерегут золото, которого много в тех краях (Herod. III. 116). Гай Юлий Солин, автор «Собрания достопамятных сведений», также сообщает, что грифоны — ревностные защитники золота, полудрагоценных и драгоценных камней и уточняет область их расселения в Скифии (Solin. XV.22). Изображения грифона появляются еще в VII в. до н.э. и затем получают достаточно широкое распространение в искусстве Северного Причерноморья (раннегреческий и ахеменидский типы). Пик популярности сюжета приходится на IV–III вв. до н.э., к этому времени относятся в основном грифоны позднегреческого типа²⁴. Скифскому и сарматскому искусству присущи изображения синкретических животных. Известны разные грифоны — орлиные, львиные и даже козлиные. Однако некоторые исследователи относят такие предметы, как золотой перстень из кургана, датированные IV–III вв. до н.э., к боспорскому производству²⁵. В эмблематике Боспора грифон занимает видное место²⁶. К тому же все элементы изображения, а именно торчащие вверх большие звериные уши, поднятый гребень, свирепо раскрытый клюв с жаловидно торчащим языком, являются основными признаками иконографии грифона в восточном и гре-

²³ *Ильяшенко С.М.* Указ. соч.

²⁴ *Погребова Н.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. Вып. XXII. М., 1948. С. 62–65.

²⁵ *Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // Археология СССР. Свод археологических источников. Д4-5. М., 1978. С. 59–64.

²⁶ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Ленинград, 1949. С. 581.

ческом искусстве²⁷. Изображение на золотом перстне из Кургана 8 Елизаветовского могильника следует отнести к так называемому поднегреческому грифону по классификации Н.Н. Погребовой²⁸.

Изображения грифонов позднегреческого типа проникают в восточноевропейский скифский звериный стиль в эпоху «скифской классики» — в V–IV вв. до н.э. Как указывает А.Р. Канторович: «Помимо греческих репродукций этого мотива на целом ряде вещей, сделанных специально для скифов, но без элементов, присущих скифскому звериному стилю, имеется целый ряд спорадических и узколокальных вариаций позднегреческого орлиноголового грифона, выполненных в скифской стилистике» Описываемый тип получил широкое распространение в Нижнем Поднепровье, Приазовье, Среднем Поднепровье, Среднем Подонье, Прикубанье, в Крыму — основных местах распространения восточноевропейского скифского звериного стиля²⁹. Затем изображения кошачьих хищников и орлиных грифонов были заимствованы сарматами³⁰. Позднегреческий грифон в некотором смысле наследует семантику и отдельные черты архаического типа. В архаическом греческом искусстве фигура грифона почти всегда изолирована, он также орлиноголовый, с разинутым яростно клювом и острыми торчащими ушами. Среди изображений архаического типа наибольшую значимость для нашего исследования составляют характерные для этого стиля сочетания головы грифона с бараньими головами. Также грифоны, вероятно, выступали в роли магических апотропеев для охраны покойного³¹. В нашем случае полноразмерный грифон держит голову барана лапой. Несмотря на то что это изображение позднегреческого типа и более позднее, традиционные представления о его защитной символике оставались неизменными длительное время. Подобное изображение, положенное в богатую могилу, должно было защитить погребение от разграбления или защитить владельца перстня.

Слияние многих образов грифона, например, орлиноголового скифского типа с причерноморским, произошло, в первую очередь,

²⁷ Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // Советская археология. 1965. № 1. С. 88.

²⁸ Погребова Н.Н. Указ. соч. С. 62–65.

²⁹ Канторович А.Р. Синкретические образы в восточноевропейском скифском зверином стиле: статистические показатели и базовые иконографические тенденции // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 3 (21). С. 291–292.

³⁰ Мордвицева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. В 3 т. Т. 1. Симферополь: Бонн, 2007. С. 226.

³¹ Погребова Н.Н. Указ. соч. С. 62–65.

на территории Боспора. Оттуда происходит больше всего «импортных» грифонов, явившихся продуктом разнородных — западных и восточных — культовых представлений³². Боспор остается главной территорией распространения изображений грифона и в последующую эпоху, когда наряду с дальнейшим развитием его орлиноголового типа на переднеазиатской иконографической основе создается своеобразный облик боспорского львиноголового грифона. Это происходит уже в V–IV вв. до н.э.³³

Существует точка зрения, согласно которой грифон с длинными ушами и мордой кошачьего хищника мог заимствоваться из Урарту или Ассирии³⁴. Вавилоняне, в свою очередь, также изображали крылатого льва с длинными заостренными ушами, орлиными лапами и хвостом. К комплексу Амударьинского клада 600–300 гг. до н. э. относятся две нашивки с изображением льва-грифона. Это сидящее животное (голова повернута назад) с поднятой передней левой лапой³⁵.

Несмотря на то что аналогии к львиному грифону обнаруживаются во многих областях, бросается в глаза различие в позах животных, либо включение дополнительных элементов. Почти все изображения «алтайских» грифонов являются сценами борьбы³⁶. Среди предметов из раскопок скифского кургана «Толстая могила» на золотой обложке ножен меча-акинака выделяется крупное изображение мирно лежащего грифона с мордой льва³⁷. Однако, по желанию мастера или заказчика, ему были приданы такие элементы как рога и хвост-змея, которые, несомненно, имеют свою семантику³⁸.

Стоит отметить, что исследователи считают рога характерной чертой ахеменидского (греко-персидского) звериного стиля³⁹. В связи с этим изображение на гемме из Танаиса не вписывается в классификацию Н.Н. Погребовой, но отличия так называемых «крылатых львов» от львиноголовых грифонов представляются незначительными. Однако образ крылатого кошачьего хищника гораздо ближе

³² Федосеев Н.Ф. Боспорский грифон // Древности Боспора. Т. 19. М., 2015. С. 377–385.

³³ Погребова Н.Н. Указ. соч. С. 62–65.

³⁴ Ильинская В.А. Указ. соч.

³⁵ Зеймаль Е.В. Амударьинский клад / Каталог выставки. Ленинград, 1979. С. 43 (29–30).

³⁶ Марсадолов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратных курганов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 28. Ленинград, 1987. С. 30–37.

³⁷ Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. С. 69–73.

³⁸ Брашинский И.Б. Указ. соч. С. 133.

³⁹ Канторович А. Р. Указ. соч. С. 290.

к семантике изображений львов, нежели к классическим орлиным грифонам. Львы, как известно, часто изображались на стенах склепов и на предметах погребального инвентаря, олицетворяя собой силу и защиту⁴⁰. Грифон из Танаиса был изображен мастером в спокойной лежачей позе, как молчаливый страж. Есть основания полагать, что гемма находилась в погребении, о чем свидетельствует символика изображения.

Обнаружение подобных изделий в погребениях либо на территории некрополя подчеркивает их связь с почитанием умерших, а защитная роль предметов согласуется с семантикой изображений на их щитках и вставках. Предметы с изображениями львов и грифонов призваны были уберечь погребение от осквернения и разграбления, а владельцев таких перстней от невзгод. Элементы звериного стиля на геммах могут быть свидетельством активных контактов греков с негреческим населением. На этой основе начали создаваться новые оригинальные предметы искусства, отмеченные ярким своеобразием форм и самобытностью стиля. Как итог, изображения грифонов в разных стилях иконографии значительно отличаются друг от друга, их дополняли различными элементами и деталями.

References

Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Treasures of Scythian Mounds in the Collection of the State Hermitage]. Prague; Leningrad: Artia; Sovetskiy khudozhnik, 1966. 120 p.

Boardman J. *Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical*. London: Thames & Hudson, 1970. 480 p.

Bogatova O.V. *Kul't Velikoy Materi bogov Kibely v greko-rimskoy drevnosti: K probleme religioznogo sinkretizma v antichnosti* [The Cult of Cybele, the Great Mother of the Gods, in Greco-Roman Antiquity: On the Problem of Religious Syncretism in Antiquity]. PhD Candidate in History Diss. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1998. 255 p.

Chernenko V.G. *Bronzovyye perstni s izobrazheniyami na shchitkakh iz nekropolya Tanaisa ellinisticheskogo vremeni* [Bronze Rings with Images on Shields from the Tanais Necropolis of the Hellenistic Time] // *VIII Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov "Problemy arkheologii Vostochnoy Yevropy"* [The 8th International Archaeological Conference of Students and Postgraduates "Problems of Archeology of Eastern Europe"]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2013, pp. 126–129.

Chernenko V.G. *Syuzhety na gemmakh rimskogo vremeni iz Tanaisa* [Representations on the Gems from the Roman Tanais] // *IX Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov "Problemy arkheologii Vostochnoy Yevropy"* [The 9th International Archaeological Conference of Students

⁴⁰ Кучеревская Н.Л., Федосеев Н.Ф. Указ. соч. С. 160–164.

and Postgraduates “Problems of Archeology of Eastern Europe”]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2014, pp. 61–64.

Durugoniil S. *The Sculpture of a Lion in the Amasya Museum // Anatolian Studies*. 1994. XLIV, pp. 149–152.

Fedoseev N.F. *Bosporskiy grifon [The Bosphorus Griffin] // Drevnosti Bospora [The Bosphorus Antiquities]*. Vol. 19. 2015, pp. 377–385.

Fedoseev N.F. *The Necropolis of Kul Oba and Juz Oba // Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. Vol. II / Ed. by D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. BAR. International Series 1675 (II). 2007, pp. 979–1022.

Gaydukevich V.F. *Bosporskoye tsarstvo [The Kingdom of Bosphorus]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 579 p.

Goroncharovskiy V.A. *K voprosu o kul'te Kibely na Bospore v pervyye veka n.e. [On the Cybele Cult on the Bosphorus in the First Centuries AD] // Stratum plus*. 1999. № 3, pp. 224–227.

Grakov B.N. *Skifskiy Gerakl (Doklad, pročitannyy na zasedanii sektora skifo-sarmatskoy arkheologii IIMK 10 dekabrya 1949 g.) [Scythian Hercules (Report Read at a Meeting of the Scythian-Sarmatian Archaeology Department of the IIMK on December 10, 1949)] // KSIIM. XXXIV. 1950, pp. 7–18.*

Ilyinskaya V.A. *Nekotoryye motivy ranneskifskogo zverinogo stilya [Some Motives of the Early Scythian Animal Style] // Sovetskaya arkheologiya*. 1965. № 1, pp. 86–107.

Kantorovich A.R. *Sinkreticheskiye obrazy v vostochnoyevropeyskom skifskom zverinom stile: statisticheskiye pokazateli i bazovyye ikonograficheskiye tendentsii [Syncretic Images in the Eastern European Scythian Animal Style: Statistical Indicators and Basic Iconographic Trends] // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2014. № 3 (21), pp. 285–306.

Kopylov V.P. *Grecheskiye perstni s izobrazheniyami iz pamyatnikov skifskogo vremeni ust'yevoy oblasti r. Tanais [Greek Rings with Images from Sites of the Scythian Time in the Tanais Estuary Region] // Vinogradovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (11 aprelya 2015 g.) [Vinogradov Readings. The Acta of the International Academic and Practical Conference (11 April 2015)]*. Armavir: Dizayn studiya B, 2015, pp. 20–28.

Kucherevskaya N.L., Fedoseev N.F. *Lev v iskusstve drevnego Bospora Kimmeriyskogo [The Lion in the Art of the Ancient Cimmerian Bosphorus] // Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Materialy IV bosporskikh chteniy [The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World during Antiquity and the Middle Ages. The Acta of the 4th Bosphorus Readings]*. Kerch': [s. e.], 2003, pp. 160–164.

Maksimenko V.E. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu [The Sauromats and Sarmatians in the Lower Don]*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1983. 224 p.

Marchenko K.K., Zhitnikov V.G., Kopylov V.P. *Elizavetovskoye gorodishche na Donu [Elizavetovskoye Settlement on the Don] // Pontus Septentrionalis II. Tanais 2*. Moscow: Paleograf, 2000. 281 p.

Mordvintseva V.I., Treister M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. II v. do n.e. – II v. n.e. [Toreutic and Jewelry Art*

Works in the Northern Black Sea Region in the 2nd Century BCE – 2nd Century CE]. In 3 vols. Vol. 1. Simferopol'; Bonn: [s. e.], 2007. 870 p.

Mozolevsky B.M. *Tovsta Mogila*. Kiev: Naukova dumka, 1979. 247 p.

Petrenko V.G. *Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.e.* [Ornaments of Scythia in the 7th–3rd Centuries BCE] / *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archeology of the USSR. A Collection of Archaeological Sources]. D 4–5. Moscow: Nauka, 1978. 145 p.

Pogrebova N.N. *Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomor'ya v epokhu arkhai-ki* [The Griffin in the Art of the Northern Black Sea Region in the Archaic Era] // *KSIIMK*. XXII. Moscow: Nauka, 1948, pp. 62–65.

Saprykin S.Yu. *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [The Religion and Cults of the Pontus in Hellenistic and Roman Periods]. Moscow; Tula: Triumf Print, 2009. 430 p.

Shaub I.Yu. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'ye (VII–IV vv. do n.e.)* [Myth, Cult, Ritual in the Northern Black Sea Region in the 7th–4th Centuries BCE]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. Filologicheskiy fakul'tet, 2007. 483 p.

Skorpil V. *Kybelin Kult v risi Bosporske // Sbornik praci filologickykh dvornimu radcovi professoru Josephu Kralovi k Sedesatym Narozeninam*. Praha: [s. e.], 1913, s. 190–203.

Vermaseren M.J. *Corpus Cultus Cybelae Attidisque / CCCA*. VI. Leiden: Brill, 1989. 221 p.

Zakharova E.A. *K voprosu o kul'te Gerakla Sotera v Severnom Prichernomor'ye* [On the Cult of Hercules Soteris in the Northern Black Sea Region] // *Issedon – IΣΣΕΔΩΝ: Almanakh po drevney istorii i kul'ture*. Vol. 3. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, 2005, pp. 108–114.

Поступила в редакцию
25 апреля 2018 г.

К.Э. Аксаныян*

**РАЗРЯДНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ
РЕКОНСТРУКЦИИ СЛУЖИЛЫХ БИОГРАФИЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ:
НА ПРИМЕРЕ КНЯЗЯ В.И. ШУЙСКОГО**

К.Е. Aksan'yan

**THE BOOKS OF RANKS AS A SOURCE FOR
RECONSTRUCTION OF THE CAREERS
OF THE RUSSIAN NOBILITY:
PRINCE V.I. SHUISKY'S CASE**

Аннотация. Статья представляет собой пример использования разрядных книг при реконструкции военных карьер представителей военно-политической элиты русского государства в XVI–XVII столетиях. Разрядные книги являются важнейшим источником при биографических исследованиях указанного периода, так как содержат информацию о наиболее крупных назначениях на должности в полки действующей армии и крепости. Князь В.И. Шуйский, будущий царь, привлекал внимание историков в основном как политический деятель эпохи Смутного времени. До настоящего момента нет специальных работ, посвященных начальному этапу карьеры князя и его военной деятельности. Задачей исследования является реконструкция военной службы князя В.И. Шуйского в последней трети XVI в. и ликвидация этого пробела за счет обращения к данным разрядных книг. В работе описано служебное положение рода Шуйских, занимавших важное место в воинской иерархии. Возвышение князя И.А. Шуйского после Полоцкого похода показывает рост влияния средней ветви рода. Проведен анализ ранней службы князя В.И. Шуйского, информация о которой содержится только в разрядных книгах. Сделан вывод о значительном отставании князя в карьерном росте, показана взаимосвязь между получением служебных назначений и службой предков и родственников. Резкое изменение служебного положения князя произошло, вероятнее всего, по воле царя. Подчеркивается взаимосвязь получения воинских должностей и политической борьбы в годы правления Федора Ивановича и Бориса Годунова. Князь В.И. Шуйский

* *Аксаныян Карен Эдуардович*, соискатель кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Aksan'yan Karen Eduardovich, PhD Seeker, Department of Source Studies, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-916-567-62-40; akskaren1992@gmail.com

обладал значительным военно-организационным опытом, был востребован на военной службе, но не входил в число наиболее активных в этой сфере аристократов. Несмотря на высокую знатность и последующую судьбу князя, информация о первых годах жизни и его деятельности, не связанная с политикой, содержится в основном в разрядных книгах, что диктует необходимость использования их как основы в биографических исследованиях предшественников русской аристократии.

Ключевые слова: князья Шуйские, Василий Шуйский, военная история, воевода, разрядные книги, командный состав русской армии в XVI в.

Abstract. The article provides an example of the use of the *Books of Ranks* for reconstruction of military careers of the Russian military and political elite in the 16th–17th centuries. The *Books of Ranks* are the most important source for biographical studies of the period in question, since they contain the information on the most significant appointments to the positions in army regiments and fortress garrisons. Prince V.I. Shuisky, the future czar, attracted the scholarly attention mainly as a political figure of the Time of Troubles. There is still no research on the initial stage of the prince's career and his military activities. The objective of this article is to reconstruct the military service of Prince V.I. Shuisky in the last third of the 16th century and to fill the gap through studying the *Books of Ranks*. The work characterizes the official position of the Shuiskys, who occupied an important place in the military hierarchy. The Rise of Prince I.A. Shuisky after the Polotsk campaign shows an increase in the influence of the middle branch of the family. The author analyzes the early years of Prince V.I. Shuisky's service, represented only in the *Books of Ranks*, and concludes that the prince fell behind in his career growth. The study reveals the relationship between the prince's official appointments and the service of his ancestors and relatives. A sharp change of the prince's official position occurred, most likely, at the will of the czar. The author stresses the link between the military ranks and involvement in the political struggle under Feodor Ivanovich and Boris Godunov. Prince V.I. Shuisky possessed significant military and administrative experience and he was in demand by the army, but did not belong to the most active noblemen in the military service. Despite his high noble status and the subsequent fate of the prince, the information on the first years of his life and activity unrelated to politics is contained mainly in the *Books of Ranks*, and they have to be deployed as a principal source for biography studies of Russian nobles.

Keywords: The Shuiskys Princes, Vasily Shuisky, military history, *voivode*, *Books of Ranks*, 16th-century Russian army's command staff.

* * *

Биография Василия Шуйского получила широкое освещение в исследовательской литературе¹, однако его военная деятельность,

¹ Линд М. Царь Василий Шуйский М., 1913; Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Ленинград, 1991; Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. М., 2002; Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007.

в отличие от политической, изучена относительно слабо. Ярлык «лукавый царедворец», брошенный А.С. Пушкиным, затмевал прочие направления деятельности князя². Насколько подобные оценки соответствуют действительности? Ведь к началу Смутного времени В.И. Шуйскому было почти 52 года, это был пожилой и опытный по меркам русского Средневековья человек, состоявший на военной службе около тридцати лет.

Необходимо отметить, что биографии аристократических родов Русского государства изучены, в целом, относительно слабо. Так как военная служба была одним из основных направлений деятельности аристократии в силу того, что Русское государство практически непрерывно вело боевые действия сразу на нескольких направлениях, историки в последнее время пытаются закрыть эту лакуну³. Мы сочли необходимым обратиться к ранним этапам военной карьеры князя В.И. Шуйского, анализ которых позволит сделать вывод об уровне возможной его компетенции в военной сфере в период царствования.

Для того чтобы решить поставленный вопрос, следует обратиться к наиболее ценной в информационном плане группе источников по командному составу и тактической работе вооруженных сил России — разрядным книгам. В последние десятилетия в научный оборот был введен обширный корпус разрядных книг⁴. Уникальность разрядных книг как источника состоит в том, что они позволяют с большой точностью и полнотой реконструировать служебную деятельность конкретного лица или целого рода, чего не позволяет сделать ни один другой источник данного периода. Разрядные книги могут быть использованы для изучения кадровой политики русского государства, социального состава воеводского корпуса, организации управления боевыми действиями, непосредственно истории войн, а также местничества. Что касается военно-политической деятельностью В.И. Шуйского, до настоящего момента они использовались в специальной литературе недостаточно, можно сказать, эпизодически⁵.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3. М., 1988. С. 33; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 193–201.

³ Борисов Н.С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993; Володихин Д.М. Иван Шуйский. М., 2012; Каргалов В.В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002; Подчасов Н.А. Воевода князь Ф.М. Трубецкой при наследниках Ивана IV: царях Федоре Ивановиче и Борисе Федоровиче // Русская военная элита. Севастополь, 2015.

⁴ Огромный вклад в публикацию разрядных книг внесли В.Ю. Буганов и Ю.В. Анхимюк, исследовавшие их источниковедчески. Им удалось провести сравнительный анализ различных редакций разрядных книг.

⁵ Козляков В.Н. Указ. соч.

В первую очередь нужно обратиться к истории рода Шуйских, чтобы определить место князя В.И. Шуйского в воинской иерархии. Положение предков, в том числе из боковых ветвей рода, их службы и заслуги напрямую влияли на место и возможный диапазон назначений на воинской службе. Только изучив место рода в сложной иерархической системе местничества, можно определить то место, которое должен был занимать князь по праву рождения.

В.И. Шуйский родился в 1552 г. и происходил из рода Суздальско-Нижегородских князей. Шуйские перешли на службу к великим князьям Московским в конце XV в., заняв высокое служебное положение. Тогда же род Шуйских разделился на три ветви⁶. Долгое время при дворе господствовала младшая ветвь, представители которой многократно командовали самостоятельными армиями, и служили наместниками — в Новгороде, Смоленске, Пскове⁷. Князья В.В. и И.В. Шуйские первенствовали в Боярской думе, боролись с князьями Бельскими и играли важнейшую роль в управлении государством после смерти Елены Глинской⁸.

В период боярского правления разряды начинают упоминать представителей средней ветви. Дед Василия Шуйского, князь А.М. Шуйский, с 1524 по 1542 г. регулярно появляется в разрядах как полковой воевода и однажды возглавлял самостоятельную армию⁹, но в основном в источниках он упоминается в связи с интригами и заговорами. В 1543 г. он назван первым в списке бояр, но после учиненного по его инициативе избиения боярина Ф.С. Воронцова князь был убит по приказу Ивана Грозного¹⁰. Его сын князь И.А. Шуйский, получивший царское прощение, сильно задержался в развитии карьеры: он поздно начал службу, притом с относительно невысоких должностей — рынд и воинских голов, вынужден был отбиваться от местнических нападков других аристократов¹¹. Летопись доносит до нас сведения, указывающие на причину подобного отставания в карьерном развитии: после смерти отца молодой князь скрывался на Белоозере, где вел жизнь простого крестьянина¹². Всё изменилось по-

⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. М., 1988. С. 68–69.

⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 93, 99, 114, 121, 125, 135, 138, 139, 145, 157, 159.

⁸ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40 годов XVI века. М., 2010. С. 284–290.

⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 190, 229, 288, 300.

¹⁰ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 180.

¹¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 11–12, 55, 63.

¹² Пискаревский летописец. С. 195–196.

сле Полоцкого взятия в 1563 г. — карьера князя И.А. Шуйского резко пошла в гору. На протяжении десятилетия он каждый год получает воеводские назначения, возглавляя полки в крупных полевых соединениях¹³. В 1566 г. он впервые назван боярином, а в 1570 г. указан первым среди опричных бояр¹⁴. Князь погиб в 1573 г. в битве при Коловерях¹⁵, оставив после себя пять сыновей.

Во время правления Ивана Грозного служебное положение рода Шуйских не претерпело изменений — на службе одновременно находились несколько представителей рода, имевших боярский чин и командовавших во время военных кампаний полками или полевыми соединениями. Несмотря на громкие обвинения в адрес рода¹⁶, выдвинутые царем в своей знаменитой переписке с князем Курбским, ни один из Шуйских не подвергся казни во время опричнины¹⁷. Более того, средняя ветвь династии смогла упрочить свое положение, благодаря деятельности князя И.А. Шуйского. Таким образом, князь В.И. Шуйский относился к числу наиболее знатных лиц, имевших высочайший местнический статус, возвышавшихся над остальными служилыми родами, а члены рода Шуйских были востребованы на военной службе. По праву рождения князь имел право рассчитывать на определенный диапазон возможных воинских назначений — от поста первого воеводы в полках до командующего воинским соединением. Кроме того, князь мог рассчитывать на место в Боярской думе.

В.И. Шуйский начинает свою службу в составе Государева двора: в 1574 г. он впервые расписан рындой с большим саадаком в государевом походе. На этой «ступеньке» князь задерживается — подобное назначение он получал еще трижды в ходе государевых походов 1576, 1577 и 1579 гг.¹⁸

Карьерный взлет молодых князей Шуйских начался в 1580 г. на свадьбе Ивана Грозного¹⁹. Первое же самостоятельное воеводское назначение князь В.И. Шуйский получает в 1581 г. Он был расписан первым воеводой Большого полка в трехполковой рати, отправленной «на берег»²⁰. Самостоятельное командование таким соединением — это

¹³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 11, 55, 64, 146, 152, 183, 206, 208, 211, 224, 227, 281–283, 303, 327.

¹⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 243.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 326.

¹⁶ Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С.45–47.

¹⁷ *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и российский трон. Ленинград, 1991. С. 108.

¹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 362, 403, 439; Т. 3. Ч. 1. С. 92.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. Т. 3. Ч. 1. С.169.

²⁰ Там же. С. 189.

почти вершина военной карьеры, выше по условиям того времени стояла только должность командира более значительного полевого соединения — армии из пяти-шести полков. Первый воевода сторожевого полка князь М.Н. Одоевский затеял местническое дело против князя, но боярская комиссия признала претензии необоснованными²¹. Положение князя стало соответствовать тому, на которое он мог претендовать по праву рождения.

В 1583 г. В.И. Шуйский назначен первым воеводой полка правой руки в пятиполковой армии под командованием знатнейшего Ф.И. Мстиславского. Позднее ситуация будет неоднократно повторяться²². В разряде «на берег» руководить армией будет Ф.И. Мстиславский, а В.И. Шуйский будет возглавлять полк правой руки, т.е. займет второй «по чести» пост в действующей армии. Это назначение соответствует его местническим правам, которые никто не пытается оспорить, в отличие от назначения двухгодичной давности.

Проанализировав первый этап развития военной карьеры князя В.И. Шуйского, можно сделать ряд выводов. Разрядные книги фиксируют отставание князя в получении воинских назначений. Он очень поздно начинает карьеру относительно других аристократов; долгое время он не входит в чины, положенные по праву рождения, — не получает назначения на командные посты даже небольшим соединением. К моменту первого боевого назначения князю Василию было около 29 лет. Уместно провести сравнение с таким «выдвиженцем» Ивана IV, как Борис Годунов. Последний, будучи ровесником князя, уже в 1578 г. получил боярство как брачный свойственник царя²³, хотя его знатность и заслуги рода не шли ни в какое сравнение со службами Шуйских. Подобная задержка могла быть связана с личным выбором царя. Возможно, царь хотел присмотреться к внуку опального боярина, а также не допустить резкого усиления рода, так как в тот момент в зените своей карьеры находился князь И.П. Шуйский²⁴.

Смерть Ивана IV в 1584 г. привела к активизации политической борьбы при дворе, в которой князья Шуйские приняли активное участие. Им удалось укрепить свои позиции. Не позднее 20 мая 1584 г. Василий Шуйский получил чин боярина²⁵. Вскоре ему поручают ведать Московской судной палатой. Уже 25 июля он разбирает дело некогда влиятельного дьяка Андрея Шерефединова, бывшего одним

²¹ Там же. С. 190.

²² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч.2. С. 184. Т. 3. Ч. 3. С. 105, 148.

²³ Козляков В.Н. Борис Годунов. М., 2011. С. 57.

²⁴ Володихин Д.М. Указ. соч. С. 244.

²⁵ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 31.

из руководителей «особого двора» Ивана Грозного, где служил и сам князь Василий²⁶. Пожалования сопровождались раздачей земель²⁷.

1 апреля 1585 г. князю поручают «годовать» воеводой в Смоленске, где он пробудет полтора года. Назначение вторым воеводой Б.Ю. Сабурова, родственника Бориса Годунова, позволяет поставить вопрос о недоверии последнего князю²⁸. Смоленск мог стать главной целью атаки польского короля Стефана Батория, война с которым откладывалась дипломатическими ухищрениями Думы и деятельностью воевод приграничных крепостей²⁹. Подобное назначение давало всему роду серьезный местнический козырь и могло свидетельствовать о росте влияния князей Шуйских в военной сфере. В.И. Шуйский же получал опыт управления крупным городом и важнейшей крепостью.

В 1586 г. противостояние Шуйских и Бориса Годунова достигло апогея³⁰. После 15 сентября В.И. Шуйский отозван с воеводства. В 1587 г. все князья Шуйские находятся в опале³¹. Проигрыш означал утрату политического и военного влияния рода. На следующие пять лет князья пропадут из разрядов. В опале двое влиятельных членов рода — князья А.И. и И.П. Шуйские — скончаются «нужной» смертью³².

После опалы князь В.И. Шуйский появляется в источниках как глава комиссии по делу об убийстве царевича Дмитрия. Первое после опалы военное назначение В.И. Шуйский получает в Новгород в конце 1591 г. В следующем году князь Василий назначен первым воеводой Большого полка в армии из трех полков, собранной в Новгороде, но о действиях армии разряды не сообщают, вероятно, это была оборонительная операция на случай активизации шведских сил на этом направлении. К 21 ноября 1592 г. князь Василий возвращен с Новгородского воеводства в Москву, где он «ел у царя», что было знаком возвращения к придворной жизни и восстановлению его высокого статуса при дворе. Однако за князем, несомненно, «приглядывали», о чем свидетельствует запрет вступить в брак³³.

²⁶ Козляков В.Н. Василий Шуйский. С. 44.

²⁷ Володихин Д.М. Указ. соч. С. 254.

²⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 54, 60, 88.

²⁹ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 160.

³⁰ Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 120.

³¹ Павлов А.П. Указ. соч. С. 31–33, 35–37.

³² Пискаревский летописец. С. 195.

³³ Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 183, 190.

Следующие четыре года разряды не фиксируют военной деятельности Василия Шуйского. Перерыв в военной карьере князя не связан с опалой, так как разрядные книги фиксируют его участие в придворной деятельности в полагающемся ему статусе второго по старшинству члена Думы, но не проливают свет на возможные причины перерыва в военной карьере. Учитывая дальнейшую активность князя на военной службе, предположение о возможном нездоровье князя на столь длительный срок выглядит маловероятным. В 1596 г. В.И.Шуйский расписан первым воеводой передового полка в береговую армию князя Ф.И. Мстиславского, но разряд не был реализован. В состоявшихся походах 1597 и 1598 гг. князь также занимает уже привычную должность воеводы полка правой руки³⁴.

В 1600 г. Шуйские получают целый ряд ударов со стороны других аристократов³⁵. В том же году В.И. Шуйский второй раз становится городовым воеводой Новгорода — традиционного места городской службы князей рода Шуйских. На новгородском воеводстве он остается надолго, до 25 мая 1602 г.³⁶ Назначение князя на воеводство в Новгород, вероятно, было связано с болезнью Бориса Годунова и делом Романовых. Очевидно, государь не желал, чтобы второй по чести боярин Думы имел возможность общаться с польским посольством Льва Сапеги и приобретать политически вес в столице, пользуясь болезнью царя³⁷. Очередной раз военная карьера князя Василия Шуйского оказалась крепко переплетена с придворными интригами.

Позднее князь участвовал в работе Думы, что зафиксировано разрядами, но не получал воеводских назначений до момента битвы при Добрыничах³⁸.

Подведем итоги: за тридцать лет службы князь В.И. Шуйский трижды служил рындой, дважды возглавлял боевое соединение, четыре раза занимал второй по влиятельности пост в большой армии из пяти полков и около пяти лет прослужил воеводой в важнейших крепостях государства. Он ни разу не участвовал в крупных боевых действиях (получивших отражение в источниках). Его нельзя отнести к числу самых востребованных воевод, но он имел серьезный опыт организационной работы, а то, что в преклонном возрасте он получает назначения, свидетельствует о его влиянии в военной иерархии.

³⁴ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 266, 279, 286, 303, 312.

³⁵ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 121.

³⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 107,133.

³⁷ Козляков В.Н. Борис Годунов. С.209.

³⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч.1. С. 132; Т. 4. Ч. 2. С. 61, 64.

Разрядные книги дали возможность реконструировать развитие карьеры и военной деятельности конкретного представителя аристократии на протяжении значительной части его жизни. Благодаря жесткой систематизации, достоверности и подробности в вопросах служебных отношений, разрядные книги позволяют выявить закономерности в развитии военной карьеры, а также факторы, которые могли на нее влиять. Как показал анализ военной карьеры Василия Шуйского, зачастую информация о раннем периоде жизни и службы даже знатнейшего аристократа содержится лишь в разрядных книгах.

Вместе с вышеуказанными достоинствами данного источника, разрядные книги имеют и ряд ограничений. Среди них — отсутствие любых сведений о военных способностях воевод, их личных качествах. Разрядные книги эпизодически содержат информацию о подробностях боевых столкновений и о конкретных действиях военного командования. Также в разрядных книгах фрагментарно присутствует информация о подробностях службы, таких как возраст начала и конца службы, о ранениях, о причинах назначения человека на должность и т.д. Все это диктует необходимость привлечения других источников для реконструкции конкретных боевых действий, биографий и установления причинно-следственных связей между событиями.

Таким образом, на примере военной карьеры князя В.И. Шуйского мы проследили указанные особенности разрядных книг как источника. Поздний выход князя на службу и долгий «вход» в чины, последующий резкий взлет карьеры до назначений, соответствующих его местническому статусу мог быть связан, на наш взгляд, исключительно с царским вмешательством, что подтверждается предварительным взлетом в придворной службе.

References

Abramovich G.V. *Knyaz'ya Shuyskiye i russkiy tron* [The Shuisky Princes and the Russian Throne]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991. 189 p.

Eskin Yu.M. *Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv. Khronologicheskii reyestr* [Mestnichestvo in the 16th–17th-centuries Russia. A Chronological Register]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1994. 263 p.

Kozlyakov V.N. *Boris Godunov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 311 p.

Kozlyakov V.N. *Vasily Shuisky*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2007. 301 p.

Krom M.M. “*Vdovstvuyushcheye tsarstvo*”: *politicheskiy krizis v Rossii 30–40 godov XVI veka* [A Widowed Tsardom: The Political Crisis in Russia in the 1530s and 1540s]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 888 p.

Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove* [The Sovereign's Court and the Political Struggle under Boris Godunov]. Saint Petersburg: Nauka, 1992. 278 p.

Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* [Essays on the History of the Time of Troubles in the Muscovite State in the 16th and 17th Centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1995. 470 p.

Skrynnikov R.G. *Vasily Shuisky*. Moscow: Istoricheskaya biblioteka, 2002. 400 p.

Volodikhin D.M. *Ivan Shuisky*. Moscow: Veche, 2012. 352 p.

Zimin A.A. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vtoroi poloviny XV – pervoi treti XVI v.* [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia from the Second Half of the 15th to the First Third of the 16th Centuries]. Moscow: Nauka, 1988. 350 p.

Поступила в редакцию
31 октября 2018 г.

П.Ю. Князев*

**ПРОБЛЕМА АНГЛО-ШОТЛАНДСКОЙ УНИИ
В СОЧИНЕНИЯХ ЧАРЛЬЗА ДЭВЕНАНТА (1656–1714)**

P.Yu. Knyazev

**THE PROBLEM OF ANGLO-SCOTTISH UNION
IN THE WORKS OF CHARLES DAVENANT (1656–1714)**

Аннотация: В историю Великобритании Чарльз Дэвенант (1656–1714) вошел не только как публицист, историк и государственный деятель, но и как участник англо-шотландских переговоров об унии в начале XVIII в. Цель данного исследования — охарактеризовать его отношение к проблеме объединения Великобритании. До настоящего момента эта тема практически не затрагивалась ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. В статье рассмотрена эволюция отношения мыслителя к проблеме англо-шотландской парламентской унии, а также выявлены основные аргументы, использованные Дэвенантом при формулировании его позиции. Представляется также важным сравнить взгляды публициста с отношением к проблеме унии его английских и шотландских современников. На основании проанализированных источников можно судить, что позиция Дэвенанта по проблеме унии менялась под влиянием политической конъюнктуры и собственных карьерных соображений. В конце XVII в. Дэвенант, примыкавший в тот период к торийской оппозиции правительству, был противником унии. Однако в начале следующего столетия он возвращается на государственную службу и поддерживает проект объединения. Новая позиция мыслителя нашла отражение в тексте «Меморандума об унии между Англией и Шотландией», написанного им накануне заключения унии. Сравнение воззрений Дэвенанта с работами современников свидетельствует о том, что его взгляды в целом вписываются в определенную тенденцию в британской общественной мысли начала XVIII в., для которой характерно обращение к идее экономической целесообразности англо-шотландского объединения. Мыслитель считал возможным «привязать» Шотландию к Англии экономически, интенсифицировав торговые и миграционные связи между севером и югом Великобри-

* *Князев Павел Юрьевич*, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Knyazev Pavel Yuryevich, PhD Student, Department of Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and Americas, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-916-255-18-40; pavkneazev@yandex.ru

тании и укрепив таким образом политическое единство двух стран. Взгляды Дэвенанта отличались и своеобразием: единство Британии, по мнению публициста, можно было обеспечить не только посредством экономической интеграции, но и путем активной печатной пропаганды, нацеленной на население обеих частей острова.

Ключевые слова: объединение Британии, уния 1707 г., англо-шотландские отношения, экономическая интеграция, унионизм, английское Просвещение, территориальная унификация, политическая мысль Англии.

Abstract. Charles Davenant (1656–1714) went down in the history of Great Britain not only as a publicist, historian, and statesman, but also as a participant in Anglo-Scottish negotiations on a union treaty in the early 18th century. The purpose of this study is to characterize the theorist's attitude to the problem of the unification of Great Britain. Until now domestic or foreign historiography has barely touched this topic. The article considers the evolution of the theorist's attitude to the problem of the Anglo-Scottish Parliamentary Union, and also identifies the main arguments used by Davenant in formulating his position. It also seems important to compare the views of the publicist with his English and Scottish contemporaries' approach to the problem of the union. On the basis of the analyzed sources, it can be judged that Davenant's attitude to the issue of the union changed under the influence of the political situation and his own career considerations. In the late 17th century Davenant, who at that time aligned himself with the Tory opposition to the government, was an opponent of the union. However, at the beginning of the next century, he returned to public service and supported the union project. The theorist's new standpoint was reflected in the text of the Memorial relating to a Union between England and Scotland, written by him on the eve of the conclusion of the union. A comparison of Davenant's views with the work of his contemporaries suggests that his beliefs generally fit into a certain trend in the British public thought of the early 18th century, which characteristically appealed to the idea of economic feasibility of the Anglo-Scottish association. He considered it possible to "tie" Scotland to England economically, with intensified trade relations and migration between the north and south of Great Britain, which would strengthen the political unity of the two countries. Davenant's views were also original, as he believed that the unity of Britain could be ensured not only through economic integration, but also through active print propaganda to the people of both parts of the island.

Keywords: unification of Britain, union of 1707, Anglo-Scottish relations, economic integration, unionism, English Enlightenment, territorial unification, English political thought.

* * *

История Королевства Великобритания берет свое начало в 1707 г. как результат принятия парламентами Англии и Шотландии Акта об унии. «Слияние» обоих королевств стало следствием долгого и непростого их сближения, формально начавшегося с «унии корон»

1603 г. Акт 1707 г. укрепил давно существовавшие культурные, экономические и политические связи между Англией и Шотландией¹.

В историографии существует несколько направлений изучения истории парламентской унии 1707 г. Часть историков сосредоточила свое внимание на роли социально-политических противоречий при подготовке унии². Другая группа исследователей стремилась раскрыть значение объединения двух королевств в контексте формирования национальной идентичности³. В работах зарубежных ученых было уделено особое внимание социально-экономическим последствиям унии⁴, а также роли общественного мнения в эволюции англо-шотландских отношений начала XVIII в.⁵ В связи с этим представляется важным обратить внимание на позиции английских и шотландских современников по проблеме унии не только после ее принятия, но и в период, предшествовавший возникновению единого Британского государства⁶.

Задача данной статьи — рассмотреть отношение к англо-шотландской унии Чарльза Дэвенанта (1656–1714) — английского политического деятеля, философа, историка и публициста. Известность Дэвенанту принесли его памфлеты на политические и экономические темы, написанные в самом конце XVII — начале XVIII в. Современники считали мыслителя экспертом в области экономики и финансов⁷, его произведения пользовались большой популярностью в рассматриваемый период. Широкая эрудиция, полученный Дэвенантом на государственной службе опыт и связи в среде английской и шотландской элит стали причиной успеха его сочинений.

¹ Подробнее о последствиях англо-шотландской унии см.: *Ерофеев Н.А.* Англо-шотландская уния 1707 г. // Новая и новейшая история. 1975. № 6. С. 55–68; *Макарова Е.А.* Национальная мысль и национальное сознание Англии в Новое время // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Под ред. В.С. Бондарчука. М., 2005. С. 56–73.

² См., например: *Kidd C.* British Identities before Nationalism. Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 2004; *Macinnes A.* Treaty of Union: Voting Patterns and Political Influence // *Historische Sozialforschung*. 1989. Vol. 14. 3 (51). P. 53–61.

³ *Riley P.* The Union of England and Scotland. A study in Anglo-Scottish politics of the Eighteenth Century. Manchester, 1978.

⁴ *Whatley C.A.* Economic causes and consequences of the union of 1707: a survey // *Scottish Historical Review*. 1989. N 68. P. 150–81.

⁵ *Smyth J.* The Making of the United Kingdom 1660–1830. London, 2001. P. 91–102; *Апрыщенко В.Ю.* Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб., 2016.

⁶ *A Union for Empire* / Ed. by J. Robertson. Cambridge, 2006.

⁷ К их числу принадлежали такие влиятельные люди, как английский государственный деятель Роберт Харли. Подробнее см.: *Dickey L.* Power, commerce and natural law in Daniel Defoe's political writings, 1698–1707 // *A Union for Empire*. P. 70–71.

Анализ позиции Дэвенанта по вопросу англо-шотландской унии отсутствует в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей, за исключением краткой заметки британского историка Д. Уэдделла⁸. При изучении отношения публициста к проблеме унии представляется важным проследить эволюцию его взглядов и обратить внимание на ключевые аргументы, которые он приводит для обоснования своей позиции. Необходимо также рассмотреть препятствия, которые могли бы затормозить процесс объединения Британии, и возможные способы их преодоления, предложенные Дэвенантом.

Эволюция отношения Дэвенанта к проблеме унии связана с непростой карьерой мыслителя. С 1678 по 1689 г. он был сотрудником английских налоговых органов, однако в период правления Вильгельма III Оранского лишился своей должности и связанного с ней дохода. Попытки Дэвенанта вернуться на работу в налоговые ведомства в 1690-е гг. не увенчались успехом, и в середине десятилетия он примкнул к торийской оппозиции правительству⁹. В этот период публицист входил в число противников идеи унии¹⁰. Дэвенант утверждал, что Шотландия и Англия, подобно Арагону и Кастилии, представляли собой разные государства, объединенные лишь общим монархом. Он полагал, что Шотландия должна находиться на положении «союзника», которого английское правительство обязано защищать как «более слабого соседа»¹¹, однако не переводить на прямое управление. Дэвенант отмечал, что процесс централизации имел и негативные стороны, так как в ходе складывания единого государства усиливались противоречия между высокоразвитыми и «бедными» регионами¹². Возможные пути смягчения этих противоречий мыслитель связывал с отказом от «полного» слияния британских королевств в единое государство.

В начале XVIII в., на фоне переговоров между Англией и Шотландией о возможном объединении, позиция Дэвенанта по вопросу унии изменилась в связи с открывшимися перед ним перспективами карьерного роста. В 1702 г., уже после восшествия на престол королевы Анны, его шансы получить выгодную должность существенно возросли. В обращении к палатам парламента в марте 1702 г. королева обозна-

⁸ Waddell D.A.G. An English Economist's View of the Union, 1705 // The Scottish Historical Review. 1956. Vol. XXXV. N 120 (2). P. 144–146.

⁹ Ibid. P. 144–145.

¹⁰ *Davenant Ch.* An Essay upon the Probable Methods of Making a People Gainers in the Ballance of Trade. London, 1699. P. 116.

¹¹ Ibid. P. 116–117.

¹² Ibid. P. 120–122.

чила две важных политических цели своего правления: «уменьшение непомерного могущества Франции» и поиск приемлемых условий для унии с Шотландией¹³. В сентябре 1702 г. начались встречи английских и шотландских представителей в рамках комиссии, задачей которой была разработка основных положений готовившейся унии. Вскоре после начала заседаний вышеупомянутого органа Дэвенант написал письмо лорду казначейства С. Годольфину, который и помог ему стать секретарем при комиссии, о чем было объявлено 19 октября 1702 г. в “The London Gazette”¹⁴. Заседания английских и шотландских «комиссионеров» продолжались до февраля 1703 г.¹⁵ В марте того же года Дэвенант стал генеральным инспектором по делам экспорта и импорта¹⁶ и оставался в этой должности до своей смерти в 1714 г.¹⁷

В 1705 г. он направил лорду Годольфину «Меморандум об унии между Англией и Шотландией»¹⁸. «Меморандум» не был предназначен к публикации. К концу первого десятилетия XVIII в. документ попал в руки Р. Харли, в составе коллекций которого перешел в фонды Британского музея. Эта небольшая по объему работа была впервые опубликована в 1956 г. «Меморандум» Дэвенанта можно разделить на три смысловые части. В первой он формулирует цель своего сочинения, во второй переходит к описанию положительных сторон возможного объединения двух государств. Третья часть «Меморандума» посвящена трудностям и препятствиям, с которыми может в перспективе столкнуться английское правительство при подготовке унии.

Во введении к своему сочинению Дэвенант приводит следующие аргументы в пользу его написания. Во-первых, он отмечает, что приведенные им доводы могли бы пригодиться королеве Анне для принятия «безопасных и верных мер» при проведении своей политики¹⁹. Второй причиной мыслитель считал необходимость борьбы с партийными и национальными предрассудками²⁰.

Необходимо подчеркнуть, что публицист уже выступал в качестве сторонника идеи унии в своей «Записке». По мнению Дэвенанта,

¹³ Cobbett's Parliamentary History of England. In 36 Vols. Vol. VI. London, 1810. P. 5.

¹⁴ The London Gazette. 19 October 1702. N 3855. P. 2. — URL.: <https://www.thegazette.co.uk/London/issue/3855/page/1> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁵ Calendar of Treasury Books preserved in the Public Record Office. In 32 Vols. Vol. XVIII / Ed. by W.A. Shaw. London, 1936. P. 135.

¹⁶ Ibid. P. 292.

¹⁷ Waddell D.A.G. Op.cit. P. 145.

¹⁸ *Davenant Ch. A Memorial relating to an Union between England & Scotland* // The Scottish Historical Review. 1956. Vol. XXXV. N 120 (2). P. 146–149.

¹⁹ Ibid. P. 146.

²⁰ Ibid. P. 146–147.

объединение Британии было обусловлено особым значением Севера для Юга страны. Он называл Шотландию «страной, изобилующей богатствами», тем самым подчеркивая важность Северной Британии для англичан. Публицист отмечал, что последним уния могла бы принести «большие прибыли», особо выделяя пользу природных богатств Шотландии для английской экономики. Говоря об этом, Дэвенант останавливается на возможной иммиграции шотландцев в Англию (что обеспечило бы стране приток рабочей силы), прибыльных промыслах сельди и других видов рыб близ шотландских берегов, а также полезных ископаемых²¹. В качестве преимуществ возможного принятия унии Дэвенант называл большую привязанность жителей Шотландии к Англии. По его мнению, шотландцы после объединения получили бы стимул к участию в «укреплении» экономики Англии и ее колоний, в то время как до унии они были склонны переселяться в Ирландию и в страны континентальной Европы²².

Публицист рассматривал англо-шотландское слияние как выгодный обеим сторонам процесс. По мнению Дэвенанта, существовало множество преимуществ, которые шотландцы могли бы получить, обретя доступ к «выгодам нашей [английской] торговли». В числе выгодных шотландцам последствий включения северной Британии в английскую «торговую систему» Дэвенант усматривал доступ к английским финансовым рынкам, «обширную прибыль, которую можно извлечь из плантаций»²³. Уния должна была «ускорить развитие судоходства», что позволило бы обеспечить занятость бедных слоев населения Шотландии. Не менее важным из возможных последствий унии публицист считал «усовершенствования», которые доходы от торговли могли бы принести шотландским землевладельцам²⁴, если бы они получили свободный доступ к английскому рынку сельскохозяйственной продукции.

Однако «взаимовыгодное» совмещение английских и шотландских интересов должно было, по мнению Дэвенанта, привести к уступкам с обеих сторон. Если шотландцы согласились бы поддержать англичан в «решении вопроса о престолонаследии»²⁵, то англичане

²¹ Ibid. P. 146. Примечательно, что Дэвенант повторял данный аргумент и после заключения унии (*Davenant Ch. A Second Report to the Honourable the Commissioners. London, 1712. P. 74*).

²² *Davenant Ch. A Memorial...* P. 147.

²³ О роли колониальных плантаций в английской и шотландской экономике см.: *Smout T.C. Op. cit. P. 171–179; Whatley C.A. Op.cit. P. 152–154.*

²⁴ *Davenant Ch. A Memorial...* P. 146–147.

²⁵ Дэвенант справедливо полагал, что далеко не всех шотландцев устраивали положения принятого английским парламентом в 1701 г. «Акта об устроении».

взамен предложили бы шотландцам «свободный доступ к нашей торговле»²⁶. Упоминаемую в числе английских интересов защиту протестантизма Дэвенант представлял в качестве дополнительной, но не главной «скрепы» англо-шотландского единства²⁷.

Представляется важным сравнить позицию Дэвенанта по вопросу унии с воззрениями его современников. Так, среди сторонников объединения можно выделить шотландского публициста Уильяма Сетона (1639–1719), который, как и Дэвенант, при обосновании необходимости унии считал важнейшим фактором ее экономической целесообразность. Сетон рассматривал правительство единого государства в качестве гаранта «экономического процветания», «свободы и собственности»²⁸, утверждал, что после достижения унии с Англией шотландцы смогли бы «расширить масштабы внешней торговли». Другой современник Дэвенанта, Джон Клерк (1676–1755), в своем памфлете «Письмо другу» (1706) также говорит об экономической целесообразности унии. По мнению публициста, несмотря на удаленность от центра, в рамках единого государства Шотландия могла бы обеспечить себе экономический рост²⁹. С точки зрения графа Кромарти, также сторонника унии, Шотландия после объединения получила бы «доступ к богатствам Англии»³⁰, что обеспечило бы стране успешное экономическое развитие. Таким образом, особое внимание Дэвенанта к экономическому фактору можно «вписать» в соответствующую тенденцию в развитии британской общественной мысли начала XVIII в.

Говоря об оценке Дэвенантом возможных последствий унии, стоит особо остановиться на том, что он не был однозначно уверен в успехе данного проекта. По его мнению, наиболее серьезную оппозицию план объединения двух государств должен был встретить «в парламентах обоих королевств»³¹. С точки зрения публициста, если в Англии угрозу унии могли представлять «интересы Церкви»³², то в шотландском представительном органе идее объединения угрожала позиция местной знати, которая, по мнению Дэвенанта, постаралась бы руководствоваться «своими собственными амбициями».

²⁶ *Davenant Ch. A Memorial...* P. 148.

²⁷ *Ibid.* P. 147–148.

²⁸ *Seton W. Speech // The History of the Union Between England and Scotland with a Collection of Original Papers related thereto / Ed. By D. Defoe. London, 1786. P. 312–316.*

²⁹ *Clerk J. A Letter to a Friend. Edinburgh, 1706. P. 19.*

³⁰ *Cromarty G. Two Letters Concerning the Present Union. Edinburgh, 1706. P. 7–10.*

³¹ *Davenant Ch. A Memorial...* P. 146–147.

³² Дэвенант опасался усиления противоречий между Англиканской церковью и пресвитерианами, что могло бы помешать объединению.

Дэвенант полагал, что длительное отсутствие монарха в стране привело к власти «коррупцированную аристократию», стремившуюся сохранить власть в своих руках³³. Последний публицист противопоставляет народ, представители которого должны были поддержать идею унии. Мыслитель отмечал, что «народ» заинтересован в унии как в дополнительной гарантии защиты его религии, а также протестантского престолонаследия. После заключения унии «простые люди» смогли бы накопить богатства, освобождавшие их от «зависимости» от лордов и глав кланов. Дэвенант предполагал, что развитие торговли в Шотландии по «английскому образцу» должно было бы неизбежно привести к изменению социальной структуры, ослаблению власти аристократии и усилению позиций торгово-финансовых кругов³⁴.

Важнейшей задачей Дэвенант считал «преодоление взаимной ожесточенности» между народами обоих королевств. Такого положения дел, полагал он, можно было бы добиться с помощью пропаганды. Публицист заявлял о необходимости написания сочинения, в котором все преимущества объединения были бы разъяснены «народу». Представители последнего могли бы повлиять на позицию «законодательной власти», и шотландская элита могла бы одобрить идею унии, пусть это и не совпадало бы с их собственными «интересами» и амбициями. Дэвенант призывал пробудить «сильное желание унии» в умах простых людей в обоих королевствах, которому «ни один из парламентов не смог бы сопротивляться»³⁵.

Мыслитель полагал, что автор подобного сочинения должен лично посетить Шотландию, собрав информацию о текущем положении дел, на основании подробного анализа которых он мог бы составить «рассуждение об унии обоих королевств»³⁶. Дэвенант надеялся, что задача написания такого сочинения будет возложена на него самого. В качестве аргументов в «Меморандуме» приводятся высокая осведомленность автора в вопросах торговли, а также личные связи с шотландскими государственными деятелями³⁷, которых он, однако, не называет по именам.

Примечательно, что для реализации предложенного Дэвенантом в «Меморандуме» проекта английским правительством был избран другой выдающийся публицист, Д. Дефо. Британский исследователь У. Фергюсон отмечал, что Дефо действовал во многом по схеме, на-

³³ *Davenant Ch. A Memorial...* P. 147–148.

³⁴ *Ibid.* P. 147.

³⁵ *Ibid.* P. 148.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Ibid.* P. 149.

меченной Дэвенантом, и находился под влиянием его идей³⁸. Поездка в Шотландию оказалась достаточно плодотворной для Дефо: им была написана «История англо-шотландской унии», вышедшая в Эдинбурге в 1709 г. Написание этого памфлета было подчинено пропагандистским целям, которые сформулировал в своем «Меморандуме» Дэвенант. Тем не менее, у Дефо экономические аспекты унии не являются главной темой сочинения. Так, публицист отдельно рассматривает важность политических последствий унии для поддержки «протестантского интереса», хотя он, подобно Дэвенанту, отстаивает идею «полезности» объединения двух государств для развития экономики и торговли в Шотландии³⁹. Дефо отмечает, что уния могла бы компенсировать жителям Северной Британии экономические неудачи конца XVII в.⁴⁰ Другое произведение Дефо, «Рассуждение об устранении национальных предубеждений против унии», также содержит «экономический» аргумент. Дефо утверждал, что «в вопросах торговли» англичане готовы были пойти на уступки ради поддержки шотландских интересов⁴¹. Таким образом, идеи Дефо были близки взглядам Дэвенанта — «слияние» Англии и Шотландии должно было стать взаимовыгодным событием, полезным обоим народам⁴².

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что отношение Дэвенанта к проблеме англо-шотландской унии изменилось с течением времени. В годы пребывания в оппозиции он отмечал необходимость раздельного существования богатой Англии и бедной Шотландии, чтобы избежать опасных диспропорций в экономическом развитии. Позднее мыслитель, который отчасти был движим конъюнктурными, карьерными соображениями, пришел к идее взаимовыгодного объединения двух стран, которое «привязало» бы Шотландию к экономической системе Англии и таким образом закрепляло единство Британии. Скорее всего, особое внимание Дэвенанта к экономическому фактору можно объяснить нестабильным экономическим положением Шотландии (голод 1696 г., провал «Дарьенской авантюры»⁴³, торговые противоречия между Англией и ее северным соседом в начале XVIII

³⁸ *Ferguson W.* Scotland's Relations with England: A Survey to 1707. Edinburgh, 1994. P. 240.

³⁹ *Defoe D.* The History of the Union Between England and Scotland. London, 1799. P. 2.

⁴⁰ *Ibid.* P. 7.

⁴¹ *Defoe D.* An essay at removing national prejudices against a Union with Scotland. To be continued during the treaty here. London, 1706. P. 8.

⁴² *Ibid.* P. 7–10.

⁴³ Основание в 1695 г. шотландской компании для торговли с Африкой и Индией не было поддержано лондонским правительством. Проект потерпел неудачу,

столетия)⁴⁴. Дэвенант считал, что Лондон мог бы воспользоваться данной ситуацией при объединении Британии.

Дэвенант отмечал недостаточную готовность шотландского общества к принятию унии. По этой причине публицист предлагал издавать печатные материалы с изложением аргументов в пользу объединения, чтобы подготовить к нему общество. Примечательно, что Дэвенант призывал воздействовать не только на «простых людей», но и на шотландскую элиту, представителей которой он обвинял в нежелании идти навстречу Лондону.

Если «экономический» аргумент Дэвенанта можно вписать в определенную тенденцию, то представления об особой роли пропаганды отличают позицию мыслителя от воззрений современников. При помощи «просвещения» шотландского и английского населения он предлагал постепенно «погасить» взаимную ожесточенность жителей обоих королевств. Таким образом, Англия и Шотландия могли достичь подлинного единства лишь при осознании жителями обеих стран преимуществ, которые они получили бы, признав над собой власть объединенной Великобритании.

References

Apyrshchenko V.Yu. *Shotlandiya v Novoye vremya: v poiskakh identichnostey* [Scotland in the Modern Era: In Search of Identities]. Saint Petersburg: Aletheia, 2016. 720 p.

Ferguson W. *Scotland's Relations with England: A Survey to 1707*. Edinburgh: Saltire Society, 1994. 319 p.

Kidd C. *British Identities before Nationalism. Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 312 p.

Macinnes A. *Treaty of Union: Voting Patterns and Political Influence // Historische Sozialforschung*. 1989. Vol. 14. N 3 (51), pp. 53–61.

Makarova Ye.A. *Natsional'naya mysl' i natsional'noye soznaniye Anglii v Novoye vremya* [The National Thought and National Consciousness of England in the Modern Era] // *Natsional'naya ideya v Zapadnoy Yevrope v Novoye vremya* [National Idea in Western Europe in the Modern Era] / Ed. by V.S. Bondarchuk. Moscow: Veche, 2005, pp. 11–124.

войдя в историю под названием «Дарьенской авантюры». Подробнее см.: A Union for Empire. P. 107–111.

⁴⁴ Примером подобных противоречий является принятый шотландским парламентом в 1704 г. «Акт о безопасности», который давал шотландцам возможность избрать собственного монарха в случае ограничения Лондоном англо-шотландской свободной торговли. Акт был враждебно воспринят в Англии, и под угрозой экономических санкций со стороны последней шотландский парламент осенью 1705 г. проголосовал за назначение королевой Анной комиссионеров для возобновления англо-шотландских переговоров об унии. См.: *Апырщченко В.Ю.* Указ. соч. С. 301–313.

Riley P. *The Union of England and Scotland. A Study in Anglo-Scottish Politics of the Eighteenth Century*. Manchester: Manchester University Press, 1978. 351 p.

A Union for Empire / Ed. by J. Robertson. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 368 p.

Waddell D.A.G. *An English Economist's View of the Union, 1705* // *The Scottish Historical Review*. 1956. Vol. XXXV. N 120 (2), pp. 144–146.

Whatley C.A. *Economic Causes and Consequences of the Union of 1707: a Survey* // *Scottish Historical Review*. 1989. N 68, pp. 150–181.

Yerofeyev N.A. *Anglo-shotlandskaya uniya 1707 g.* [Ango-Scottish Union of 1707] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1975. № 6, pp. 55–68.

Поступила в редакцию
16 мая 2018 г.

О.А. Шимбирёва*

**«ПИСЬМА ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ И ДРУГИХ ЛИЦ»:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ**

O.A. Shimbireva

**“LETTERS OF THE BLACK HUNDREDS AND OTHER
PERSONS”: PROBLEMS OF TEXT INTERPRETATION**

Аннотация. Первые десятилетия XXI в. отмечены особым вниманием историков к широкому спектру проблем, связанных с исследованием коллективной ментальности на основе социокультурного подхода. Это неизбежно приводят к актуализации источниковедческих проблем изучения массовых исторических источников, характеризующих общественные настроения в России начала XX в. Такого рода источником являются «Письма черносотенцев и других лиц», которые находятся в архивном фонде Союза русского народа, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации. Письма в политические партии и организации начала XX в., в отличие от писем в советские органы власти, изучены недостаточно полно, что обуславливает актуальность представленной статьи. Наиболее эффективным способом анализа консервативно-монархических настроений, отраженных в «Письмах черносотенцев и других лиц», является метод контент-анализа, позволяющий извлекать из источника так называемую скрытую информацию, значительно повышающую его информативную отдачу. Итогом применения данной методики к «Письмам черносотенцев и других лиц» стало выделение шести значимых смысловых категорий, которые наиболее часто встречаются в тексте писем и, таким образом, отражают устойчивые настроения корреспондентов. Анализ смыслового наполнения каждой из категорий позволил увидеть все грани общественных настроений, транслируемых корреспондентами, а также выявить те постулаты идеологии правомонархического движения, которые наиболее близки авторам писем. Совместная парная встречаемость наиболее представительных смысловых категорий позволила дополнить их характеристику. Текстологический анализ «Писем» показал, что корреспонденты наиболее активно транслировали через свои послания «поддержку самодержавия», националистические высказывания,

* *Шимбирёва Ольга Александровна*, кандидат исторических наук, ассистент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Shimbireva Olga Alexandrovna, PhD Candidate in History, Assistant, Department of Source Studies, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
+7-916-645-71-13; kaptelina@mail.ru

антиреволюционные настроения, «поддержку и защиту православной веры», выражение поддержки Союзу русского народа и лично А.И. Дубровину. Выражение поддержки самодержавия и православной веры, националистические и антиреволюционные высказывания встречаются совместно в большинстве посланий, что позволяет говорить о существовании устойчивого консервативно-монархического ментального настроя у подавляющего числа корреспондентов и во многих аспектах уточняет существующие в историографии оценки их мировоззренческих установок.

Ключевые слова: правомонархические организации, контент-анализ, Союз русского народа, монархические настроения, политический консерватизм, письма в партийные структуры и организации.

Abstract. The first decades of the 21st century have witnessed special scholarly interest to a wide range of problems related to the socio-cultural study of collective mentality. This inevitably leads to the actualization of the research on mass historical sources that characterize the public mood in early 20th-century Russia. The “Letters of the Black Hundreds and Other Persons” are kept in the archival fund of the Union of Russian People in the State Archive of the Russian Federation. The fact that letters to political parties and organizations in the early 20th century, unlike to letters to Soviet authorities, have not been fully studied, determines the relevance of the article. The most effective way to analyze conservative and monarchist sentiments reflected in the “Letters of the Black Hundreds and Other Persons” is the method of content analysis, which allows getting the so-called hidden information from the source and significantly increasing its informative output. The result of applying this methodology to the “Letters of the Black Hundreds and Other Persons” was the identification of six significant semantic categories that are most often found in the epistolary texts and, thus, reflect a steady mood of their authors. An analysis of the semantic content of each of the categories made it possible to see all the currents of the public mood revealed by correspondents, and to identify the ideas of the right-wing monarchist ideology dearest to them. Paired occurrence of the most representative semantic categories allows supplementing their characterization. The textual analysis of the “Letters” demonstrated that through their messages the correspondents most actively broadcast their “support for the autocracy”, nationalist statements, anti-revolutionary sentiments, “support for and protection of the Orthodox faith,” upholding of the Union of Russian people and A.I. Dubrovin, personally. The fact that the expressions of support for autocracy and the Orthodox faith, nationalistic and anti-revolutionary statements are simultaneously found in most letters points to the existence of a stable conservative and monarchist mentality among the vast majority of correspondents, and the interpretation of these data in the article clarifies, in many aspects, historiographic assessments of their political and social views.

Keywords: right-wing monarchist organizations, content analysis, the Union of Russian people, monarchist sentiments, political conservatism, letters to political parties and organizations.

В последние годы наблюдается все возрастающий интерес к таким направлениям исследований, как история повседневности, изучение общественных настроений, антропологический подход в исторической науке. Изучение коллективных ментальностей на основе социокультурного подхода в свою очередь требует привлечения массовых исторических источников. К такому роду источников относятся «Письма черносотенцев и других лиц», содержащиеся в архивном фонде Союза русского народа, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Структура архивного фонда СРН и описание материалов делопроизводственной переписки, в том числе документальных комплексов «Письма черносотенцев и других лиц», весьма полно изучены в отечественной историографии¹.

Хронологические рамки переписки охватывают период с 1906 по 1916 г., т.е. время существования СРН, за исключением самой ранней и самой поздней дат, 1905 и 1917 гг., что объясняется тем, что Союз начал реально функционировать в самом конце 1905 г., а 1917 год ознаменовался революционными потрясениями и резким спадом монархических настроений среди населения. В общей сложности комплекс «Писем черносотенцев и других лиц» содержат 335 посланий.

Сохранность корреспонденции оценить весьма сложно, так как часть писем могла погибнуть во время революционных событий февраля–марта 1917 г., когда были сожжены помещения, в которых располагались отделы Союза, а здание, где находился Главный совет Союза обновленческого, подверглось разгрому. Это привело к утрате значительной части документации. Однако эта утрата носила случайный характер, что позволяет говорить о естественной выборке документации, которая в итоге и стала основой архивного фонда СРН. В деле фонда, позволяющего проследить историю комплектования и бытования материалов Союза, не сохранилось никаких данных о тех или иных целенаправленных выемках документации из архивного фонда СРН.

«Письма черносотенцев и других лиц», отложившиеся в архиве Канцелярии Главного совета и в архиве редакции газеты «Русское

¹ См., например: *Каптелина О.А.* Источниковедческие проблемы изучения монархических настроений в российском обществе начала XX в. (по материалам писем граждан в Главный совет Союза русского народа) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). С. 99–110; *Каптелина О.А.* Монархические настроения в российском обществе начала XX века: опыт изучения архивных источников // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 47–54.

знамя», очень разнообразны по форме и содержанию. Лица, писавшие в СРН, стремились прояснить интересующие их вопросы, поделиться своими мыслями и надеждами, донести свою позицию и взгляды, решить свои насущные проблемы. Какие же были основные поводы, которые заставляли корреспондентов обращаться за помощью в Союз русского народа? Проведя анализ текстов посланий в названном аспекте, их можно классифицировать (по мере убывания числа содержащихся просьб, жалоб и ходатайств) следующим образом: желание выразить антиреволюционные и националистические настроения; ходатайства о помиловании; обращение с личными просьбами (например, просьба посодействовать в деле о разводе); стремление проинформировать о состоянии дел в регионе (как правило, это жалобы на «разгул революции» и на гонения монархистов в регионах); выражения несогласия с напечатанными в газете «Русское знамя» материалами; прошения о службе; просьбы о разрешении имущественных споров и жалоб, в том числе земельные споры; просьбы об оказании материальной помощи и помощи в решении финансовых вопросов; ходатайства о помиловании третьих лиц; желание выразить верноподданнические чувства; прошения о помощи в строительстве храмов и школ; ходатайства о получении личной аудиенции у императора и другие.

Социальный состав авторов «Писем» также весьма представительен. Классификация корреспонденции по социальному статусу авторов позволила выявить наиболее представительные социальные категории — служащие, крестьяне, осужденные, священнослужители, военнослужащие и казаки, — наиболее активно обращавшиеся в Союз. В общей сложности поступило 195 посланий от представителей всех выше перечисленных социальных групп. Таким образом, можно сделать вывод, что «Письма» являются весьма репрезентативным источником с точки зрения изучения общественных настроений как в количественном, так и содержательно аспекте.

Изучение переписки составляет особое направление в историографии². Наиболее полно изучены письма в Советские органы

² *Городецкий Е.Н.* Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б). Март–октябрь 1917 г. // *Источниковедение истории Великого Октября: Сб. статей.* М., 1977; *Кучина Т.Г.* К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX в. // *Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: статьи и материалы.* М., 1984; *Ставицкий А.В.* Деловая переписка Петра I по событиям в Батурине как исторический источник // *Причерноморье. История, политика, культура.* Вып. XV (VI). Серия «Новая и новейшая история». Севастополь, 2014. С. 136–144.

власти³. Письма в органы государственной власти, политические партии и другие общественные организации в период до Февральской революции 1917 г. не получили до сих пор должного освещения в отечественной историографии. Связано это в первую очередь с тем, что в отличие от писем советского периода, которые активно публиковались⁴, дореволюционная корреспонденция хранилась в архивах, которые долгое время были недоступны или труднодоступны для широкого круга исследователей.

Изучая подобные делопроизводственные комплексы переписки, исследователи в первую очередь отмечают, что их ценность как источника состоит в том, что они отражают видение действительности, повседневные заботы и нужды их авторов, а при изучении их в комплексе — общественные настроения и менталитет определенных слоев населения⁵.

Особо подчеркивается, что сложность писем как исторического источника диктует свои особенности работы с комплексами корреспонденции. Иллюстративное цитирование отдельных посланий ограничивает исследователя, лишает его возможности увидеть все грани общественных настроений. Как отмечал И.Д. Ковальченко, «в общем объеме исторической информации скрытая информация, образующаяся вследствие сложного характера взаимосвязи явлений действительности, окружающих создателя того или иного источника, всегда превосходит по объему выраженную информацию. Поэтому выявление, насколько это возможно в рамках каждой конкретной работы, скрытой информации является одной из важнейших задач исторического исследования»⁶.

³ См., например: *Протасов Л.Г.* Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // *Источниковедческие работы*. Вып. 1. Тамбов, 1970. С. 3–19; *Смольников М.М.* Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. Минск, 1991; *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: период двоевластия. Ленинград, 1973.

⁴ *Голос народа*. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; *Общество и власть: 1930-е годы*. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; *Письма во власть. 1917–1927*. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; *Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах* / Сост. С.С. Крюкова. М., 2001; *Письма во власть. 1928–1939*. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002 и др.

⁵ *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. М., 1996. С. 91–93.

⁶ *Ковальченко И.Д.* Задачи изучения массовых источников // *Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма*. М., 1979.

Изучение консервативных настроений в российском обществе начала XX в. и тех социальных слоев населения, которые разделяли эти настроения, не получили широкого распространения в советской историографии. В 1990-е гг. наметился сдвиг в изучении указанных проблем. Отметим работы Г.В. Лобачевой, которые были продолжены ее ученицей А.К. Карабут, а также исследования локального характера, например, кандидатскую диссертацию А.А. Казанцева, посвященную изучению массовых настроений в период Первой мировой войны в Пензенской, Самарской и Симбирской губерниях.

Однако представляется недостаточно обоснованным обращение Г.В. Лобачевой к высказываниям современников, таких как С.Ю. Витте, А.С. Суворин, В.И. Ковалевский, А.П. Извольский, А.Ф. Кони, А.А. Брусилов и других, как источниковой основе для реконструкции восприятия обществом образов российских монархов (Александра III и Николая II). Г.В. Лобачева изучала образ императора в глазах широкой общественности, основываясь на ограниченном круге источников, не содержащих непосредственных оценок массового характера, связанных с восприятием личностей монархов представителями различных социальных групп российского общества.

Анализ историографической традиции изучения общественных настроений в Российской империи начала XX в. убеждает в востребованности дальнейшей разработки источниковедческих аспектов исследования этого значимого исторического феномена, в необходимости привлечения массовых исторических источников, разработки новых путей и методов их анализа. Только системный подход и структурно-количественные методы анализа могут дать необходимую эмпирическую основу для изучения общественных настроений⁷. Наиболее эффективным способом изучения консервативно-монархических настроений на основании документальных комплексов «Письма черносотенцев и других лиц» является метод контент-анализа.

Эффективность метода контент-анализа для изучения общественных настроений доказана в целом ряде работ. Так, одной из первых значимых работ стала монография О.Г. Буховца «Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты». Ученый подробно описал методологию контент-анализа и его преимущества при анализе массовых источников, позволяющих изучать общественные настроения: «...контент-анализ дает возможность эффективно из-

⁷ Поршнев Б.Д. Социальная психология и история. М., 1979.

влекать из источников не только явно выраженную, но и скрытую информацию. Эта важная характерная черта делает его особенно перспективным при анализе массовых исторических источников: ведь выработка методов извлечения из них информации, непосредственно не выраженной, — одна из основных задач современного источниковедения»⁸.

О.С. Поршнева на основании изучения солдатских писем, поступавших с фронта в адрес редакции газеты «Известия», Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и ВЦИК Советов I и II созыва в период Первой мировой войны, доказала несомненную эффективность применения метода контент-анализа при изучении общественных настроений⁹.

Актуальным с точки зрения источниковедческого подхода к анализу массовых источников с применением методов формально-количественного анализа является исследование А.М. Маркевича «Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии 1917 г.»¹⁰. Автор дал подробную характеристику письмам как разновидности эпистолярных источников, разработал методику анализа солдатских писем как источника для изучения общественных настроений, применил методы системного анализа для раскрытия информативного потенциала изучаемого комплекса переписки.

Контент-анализ комплексов корреспонденции «Письма черносотенцев и других лиц» включал ряд этапов. На первом этапе были выделены смысловые единицы, так называемые первичные понятия, т.е. «единица информации» — семантический блок, содержание которого отвечает на вопрос: «О чем говорить?». Применительно к «Письмам» смысловые единицы содержат оценки, высказывания, утверждения, относящиеся к общественным настроениям авторов по социально-политическим вопросам. В рамках одного послания мог содержаться целый ряд смысловых единиц. Каждое высказывание учитывалось отдельно. В итоге было выделено восемьдесят восемь смысловых единиц, отражающих те или иные настроения корреспондентов.

На следующем этапе формально-количественного анализа «Писем» была подсчитана частота встречаемости каждой из смысловых единиц. Было выявлено, что показатели частот колеблются от 1 до 87.

⁸ Буховец О.Г. Указ. соч. С. 94.

⁹ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

¹⁰ Маркевич А.М. Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии 1917 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

К наиболее часто встречаемым относятся высказывания, транслирующие монархические и националистические взгляды авторов: «Выражение верноподданнических чувств» (частота встречаемости 87); «Жалобы на революционную пропаганду “против царя и правительственной власти”» (44); «Выражение чувств уважения и поддержки А.И. Дубровину» (44); «Выражение приверженности православию» (24); «Жалобы на материальное притеснение и разорение от евреев и поляков» (17) и другие.

Как уже видно из краткого перечисления смысловых единиц, они семантически многообразны, что потребовало объединить их в более крупные единицы измерения — смысловые категории, сформированные из схожих содержанию в процессе смысловых единиц. Так, например, смысловые единицы «Выражение почтения своему Царю и родине», «Высказывания против ограничения самодержавной власти» и «Утверждение о божественности самодержавной власти» были объединены в единую категорию — «Выражение поддержки самодержавию». С целью реконструкции преобладающего типа общественных настроений среди корреспондентов были выделены те категории, частота встречаемости которых выше тридцати, как наиболее представительные и соответственно актуальные для авторов посланий.

Таким образом, применение методики контент-анализа к «Письмам черносотенцев и других лиц» позволило «сжать» слабоструктурированную информацию посланий и как итог выделить шесть значимых смысловых категорий, которые наиболее часто встречаются в тексте писем и, таким образом, отражают устойчивые настроения корреспондентов: «Выражения поддержки самодержавия», «Националистические высказывания», «Выражение чувств уважения и поддержки А.И. Дубровину и СРН», «Антиреволюционные высказывания» и «Поддержка и защита православной веры».

К наиболее значимым относится категория «Выражения поддержки самодержавия», что представляется неудивительным, учитывая то, как твердо и последовательно защищали самодержавную форму правления правые монархисты в своей идеологии. Кроме того, правые монархисты не считали возможным каким-либо способом ограничивать власть монарха: «Самодержавие русских царей не отменено и не может быть отменено ... всякое умаление этой власти есть акт незаконный и поэтому юридически не существующий»¹¹, — писал один из учредителей Русской монархической партии Л.В. Геник.

¹¹ *Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). Киев, 2006. С. 358.

Подобные взгляды в полной мере получили отражение в «Письмах». Монархические высказывания, подтверждающие приверженность авторов самодержавной форме правления, содержатся в подавляющем большинстве посланий, многие письма были изначально написаны с целью выразить верноподданнические чувства. Более того, вслед за идеологами правомонархического движения, корреспонденты активно выступали против каких-либо попыток ограничения самодержавия: «Умоляем тебя наш Царь и Батюшка не уступать требованиям твоих и наших врагов и не умолять Свои Права Самодержца. Власть твоя Самодержавная от Бога»¹², — писал в 1907 г. крестьянин Костромской губернии в адрес Союза.

Ряд посланий, отложившихся в архиве Канцелярии Главного совета СРН и в архиве редакции газеты «Русское знамя», содержит следующие высказывания монархического характера: «тысячи русских сыновей выражают своему Царю и Родине почтение»; «исповедую чисто монархические убеждения; муж мой служит верою и правдою Царю и Отечеству»; «Русь должна быть спасена для дальнейшего процветания хозяина русского народа»; «не дорожа жизнью своею стою за Царя, Веру и Отечество»; «есть еще на земле правда и верные слуги государя»; «да поможет Господь Бог Нашему Дорогому Страдальцу Николаю Александровичу»¹³.

Многие корреспонденты обращались к императору как к «Царю-Батюшке», «нашему Самодержавному Отцу», демонстрируя таким образом патриархальное восприятие царя, формировавшиеся веками в русском народном самосознании. Как выше приведенные цитаты, как и, в целом, текстологический анализ «Писем черносотенцев и других лиц», свидетельствуют, что признание божественности самодержавной власти, а также патерналистские обращения к императору за помощью и защитой в сложной жизненной ситуации были весьма актуальны для части российского общества в начале XX в.

Авторы в своих посланиях выражали преданность не только идеям монархизма, но и православию: «болею душой за нашу родину и веру православную, которая находятся теперь в таком поприании»; «дело в отношении засорения еретическими мыслями нашего православия очень важно, и поэтому замалчивать о нем значит отступить от защиты православия»; «в городах, где море безбожной интеллигенции, где все святое оплевывается, уничтожается, на каждом шагу грозит опасность смертельная от слуг сатаны»; «кирхи строят, православные молитвенные дома нет»; «терпеливый и выносливый

¹² ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

¹³ Там же. Д. 35–36.

русский народ, несмотря на многочисленные в течение более десяти веков периодические несчастья и гнет от разных войн, врагов и других причин, сохранил до настоящего времени, при христианском незлобии, Православную Веру, преданность и любовь своим Царям». Письма, содержащие подобные высказывания, были агрегированы в категорию «Поддержка и защита православной веры».

Значимость этой категории понятна. Лидеры правомонархического движения всегда рассматривали православие как один из столпов, на которых должно держаться русское государство: «Православная церковь — это созидательница русской государственности» и «хранительница русских национально-государственных начал». Более того, в историографии присутствует мнение, что в России «политическая благонадежность» всегда измерялась «вероисповедной принадлежностью»¹⁴. Исследователи сходятся во мнении, что для правых монархистов «русским» являлся не сколько русский по крови, сколько «по вере» (православный) и «по взглядам» (монархист)¹⁵. Таким образом, можно констатировать, что защита православия для Союза и его сторонников зачастую не была самоцелью — православие рассматривалось как одна из опор самодержавия. Следуя триаде «Православие. Самодержавие. Народность», лидеры Союза и их сторонники весьма неравнозначно воспринимали составные части этой идеологемы: на первом месте у них всегда шло самодержавие, когда как православие и народность должны были служить сохранению незыблемой власти монарха.

Отдельно следует отметить активное участие духовенства в правомонархическом движении начала XX в. и выделить таких значимых лидеров-священнослужителей, как Антоний Храповицкий и Иоанн Восторгов. Это была первая попытка духовенства активно участвовать в общественно-политической жизни страны в связи с тем, что в начале XX в. церковь была частью бюрократического аппарата и не могла выступать с особой политической платформой как полноправный субъект общественной жизни Российской империи¹⁶. Однако сложная обстановка в стране вынудила представителей духовенства активно включиться в общественно-политическую жизнь. Член СРН

¹⁴ Омелянчук И.В. Указ. соч. С. 306.

¹⁵ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса, конец XIX — начало XX вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 38.

¹⁶ Аверьянов А.В. Национальная доктрина русского консерватизма конца XIX — начала XX веков: к постановке вопроса // Российская и зарубежная история: социально-экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Ч. II. Пятигорск, 2007. С. 143.

протоиерей Иоанн Восторгов следующим образом объяснял свою позицию в этом вопросе, а также призывал священнослужителей определиться со своей партийно-политической ориентацией: «Кем и чем нужно быть, чтобы, нося священный сан и попав в Государственную думу, идти в ней рука об руку не с монархистами, говорящими о религии и православной церкви, а с октябристами, умалчивающими о религии, Церкви, или с кадетами, ненавидящими то и другое? Только монархисты, сохраняя уважение к Церкви и духовенству, помогут им в Думе, помогут Церкви не как политическому орудию, а именно как церкви Божией»¹⁷.

Еще одной, достаточно представительной, является категория «Националистические высказывания». Национализм играл особую роль в идеологии СРН, для которой было характерно подчеркивание значения русского народа как государствообразующего: «Союз русского народа постановляет себе целью объединение всех честных русских людей, верных присяге во имя Веры, Царя и Отечества»¹⁸. Представители нерусских народностей согласно Уставу партии даже не могли быть членами СРН без единогласного согласия собрания совета и совета учредителей организации¹⁹. Наибольшее неприятие со стороны крайне правых вызывало еврейское население Российской империи, «ввиду продолжающейся стихийной враждебности еврейства не только к христианству, но и к нееврейским народностям и ввиду стремления евреев ко всемирному господству»²⁰. СРН настаивал на сохранении черты оседлости, невозможности обучения евреев в учебных заведениях, а также предлагал всячески способствовать их выезду за границы Российской империи²¹.

Значительное место национального вопроса в идеологии крайне правых объясняется тем, что защита «русской народности» для СРН являлась одновременно и защитой самодержавной власти монарха. Национальный вопрос хотя и занимал весьма значительное место в программах правых, все же играл вспомогательную роль для главной цели монархистов — сохранения самодержавия. Ю.И. Кирьянов отмечает, что стремление защитить превосходство русских в империи со стороны правых в первую очередь было продиктовано стремлением сохранить «единую и неделимую» самодержавную Россию²².

¹⁷ Прот. И.И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 402–403.

¹⁸ Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М., 1995. С. 448.

¹⁹ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России 1911–1917. М., 2001. С. 79.

²⁰ Программы политических партий ... С. 444.

²¹ Там же. С. 442.

²² Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 306.

Текстологический анализ «Писем черносотенцев и других лиц» показал, что наиболее представительными среди националистических высказываний являются антисемитские, которые содержатся в посланиях фактически всех социальных групп, чья корреспонденция отложилась в архиве Канцелярии Главного совета и в архиве редакции газеты «Русское знамя». Этот факт представляется неудивительным, учитывая то, что антисемитизм был краеугольным камнем идеологии правомонархического движения в Российской империи начала XX в. Как указано в литературе, даже лидеры умеренного по сравнению с СРН и другими крайне правыми партиями Всероссийского национального союза предлагали рассматривать евреев не как нацию, а как «зловредную с государственной точки зрения секту»²³.

Корреспонденты зачастую использовали оскорбительные наименования еврейского населения и были крайне агрессивны настроены: «убьем каждый из нас по три жида, а там пусть судят и отправляют в Сибирь»; «плюнуть поганому жиду в пейсхатое рыло»; «нельзя допустить жидовские издевательства над своими духовными пастырями»²⁴.

Многие послания, основной целью которых было получение помощи в продвижении по службе или прошения о помиловании, содержат обвинения евреев в осуждении или неполучении повышения по службе. Например, на имя А.И. Дубровина в 1911 г. поступило прошение о службе из Полтавской губернии, в котором автор претендует на должность инспектора Народного училища, но не получает ее в связи с тем, что на него якобы «в министерство Народного Просвещения поступил ложный донос от торгово-жидовской школы»²⁵. Таким образом, корреспонденты пытались переложить ответственность за свои трудности в том или ином вопросе на представителей нерусских народностей.

Помимо антисемитизма корреспонденты проявляли антипольские и антигерманские настроения, однако в значительно меньшей степени. И хотя «польский вопрос» достаточно остро воспринимался лидерами правомонархистов, по мнению которых, «идея польской государственности и ненависть ко всему русскому за последнее время среди поляков нисколько не ослабели»²⁶, послания с антипольскими высказываниями представлены незначительно.

Это можно отнести и к антигерманским настроениям, хотя после начала Первой мировой войны образ Германии становится образом

²³ Омелянчук И. В. Указ. соч. С. 502.

²⁴ ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 35–36.

²⁵ Там же. Л. 155.

²⁶ Правые партии... Т. 2. С. 51.

неприятеля: «Не допустить позора и не дать распять Россию и ругать веру православную. Срам сказать, что наша родина в руках немцев. Немцы отняли от нас Царя, точно кольцом железным обвели дворец. Была бы Россия под сильной православной рукой. <...> Окончательно разрушить Россию и сдать Германии — немецкая и еврейская тактика»²⁷.

Весьма значимой является категория «Антиреволюционные высказывания». Немало посланий, отложившихся в архиве газеты «Русское знамя», составлены с целью выразить протест против «разгула революции» в стране. Интересно, что зачастую корреспонденты связывали революционное движение с потворством местных властей, а также с национальным вопросом: «кровавая жидовская революционная волна»; «самый революционный и жидовский уезд»²⁸. Именно со стороны нерусских народностей авторы «Писем» видели угрозу не только своим личным интересам, но и общегосударственному порядку. Это полностью согласуется с мнением, сложившимся в историографии: национализм правых был отчасти ответом на активизацию национально-освободительного движения на окраинах империи и рост массовых выступлений инородцев в годы первой российской революции²⁹.

Интересен тот факт, что при анализе смыслового наполнения категории «Критика существующих институтов управления страной» было выявлено, что высказывания корреспондентов, сформировавшие данную категорию, не относились к оппозиционным по отношению к власти и общественно-политическим порядкам: авторы выражали или недовольство конкретными лицами, или высказывались против новых либеральных органов власти, а именно против Государственной думы, что в целом перекликалось с программными положениями СРН в этом вопросе. Лидеры Союза заявляли, что главной проблемой российской государственной системы является «чиновничий строй, осуществляемый в громаднейшем большинстве своем безбожными, нечестивыми “недоучками и переучками”»³⁰.

Наибольшее количество посланий, критикующих существующие институты управления страной, отложились в архиве редакции газеты «Русское знамя». Они делятся на два типа. Это, во-первых, письма, в которых корреспонденты жаловались на различные про-

²⁷ ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 625. Л. 132.

²⁸ Там же. Д. 35. Л. 125, 155.

²⁹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 132.

³⁰ Программы политических партий ... С. 442.

блемы и злоупотребления в своем регионе. Например, одно из писем сообщало о недостойном представителе власти. «Избавьте нас от коменданта! <...> Гуляет, пьет с большим скандалом. Дорогой наш Александр Иванович, помогите, устранили, если Вам дорого имя нашего драгоценного Союза, будьте спасителем нашей несчастной Родины до конца!»³¹ — призывало коллективное послание из Киевской губернии в 1907 г.

Во-вторых, это послания, в которых авторы рассказывали о конкретных случаях неблагоприятного, с их точки зрения, поведения официальных лиц. Как правило, составлены они весьма эмоционально. Так, в послании из Киевской губернии говорится: «Вчера я узнала о возмутительном факте, бывшем в Государственном Киевском банке. Моя сестра пришла туда для того, чтобы положить деньги на церковь. Один чиновник послал ее к инспектору банка, он пригласил ее в кабинет и начал уговаривать отказаться от Бога и Царя, говоря, что все это пустое. Вот до чего доходят чиновники в Киеве. Вот до чего дожили — гонят Православных людей за Православие, Самодержавие и русскую народность»³².

Авторы ряда посланий, отложившихся в архиве Канцелярии Главного совета, выражали недовольство тем, как работает Государственная дума Российской империи. Так, например, в 1906 г. дворянин из Санкт-Петербурга писал: «Речи представителей левых партий, раздающиеся в Думе унижают это великое учреждение»³³.

Корреспонденты видели в Думе прямую угрозу самодержавной власти монарха. Вот что писал священник из г. Тамбова, обращаясь к А.И. Дубровину в 1916 г.: «Обидно слышать, что говорят члены Государственной Думы, они бросают грязью в то, что священо для истинно русского человека. Речи, произносимые ими в Думе, отнюдь не выражают думы и настроения народа. Они самозванцы, имеют своей целью привлечь на свою сторону легковверных, но пусть помнят, что русский народ-провинция ненавидит их. Русский народ в массе патриархален, он любит свою святую Русь, обожает Государя, Государыню и всю царскую семью и искренне верит, что Царь любит свой народ и заботится о нем, но много мешают Государю сделать для народа разные Милюковы, Чхеидзе и иже с ними, эти исчадья ада, воры и мошенники. Город не настолько благонадежен, тут меньше патриархальности»³⁴.

³¹ ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 620. Л. 9.

³² Там же. Л. 30.

³³ Там же. Д. 35. Л. 8.

³⁴ Там же. Д. 36. Л. 160.

Таким образом, корреспонденты обвиняли Думу и ее депутатов в «незаконных постановлениях», «восхвалении евреев», разжигании революции, а также считали, что данное учреждение недостаточно ревностно защищает «Самодержавие, Православие и Народность».

Интересен тот факт, что среди «Писем черносотенцев и других лиц» отложились послания, в которых авторы выражали в той или иной степени недовольство самим императором. Однако таких посланий всего три в рассматриваемом комплексе переписки, и говорить о представительности такой точки зрения нельзя. Так, например, в послании, поступившем в 1908 г. на имя А.И. Дубровина говорится: «Россия гибнет и ее губит настоящий образ правления из лиц Нашего Императора Православного будто Романова и Его Чистокровной Немки Жены с Православной Декорацией. Наша Царствующая Династия сбросит с себя Православие и на лицо останутся немцы, ничего общего с Россией не имеющие. Западная Европа их родной край. Россия им была и всегда будет чужая. Увезите их из России. Они всю Россию отдадут власти инородцев. Развели инородцев и евреев. Нужен России русский чистокровный Царь. Царствующая Династия — это немецкая аристократическая колония»³⁵.

Однако, анализируя послание, проникнутое столь негативным отношением к правящему императору, нельзя не обратить внимание на то, что автор выступает за сохранение самодержавия. Корреспондент явно демонстрирует так называемый наивный монархизм: «русский чистокровный Царь» спасет Россию. Это позволяет сделать вывод, что авторы писем, критикующие императора, по своим политическим взглядам близки к монархистам.

Таким образом, текстологический анализ «Писем черносотенцев и других лиц», проведенный с помощью методики контент-анализа, показал, что авторы наиболее активно транслировали через свои послания такие категории, как: поддержка самодержавия, националистические и антиреволюционные настроения, поддержка и защита православной веры, выражение поддержки СРН и лично А.И. Дубровину. На основе проведенного исследования можно сделать вывод об устойчивом консервативно-монархическом настрое большинства корреспондентов, о чем свидетельствует совместная встречаемость в большинстве посланий категорий в поддержку самодержавия и православной веры, националистических и антиреволюционных высказываний.

³⁵ Там же. Л. 32.

References

Aver'yanov A.V. *Natsional'naya doktrina russkogo konservatizma kontsa XIX – nachala XX v.: k postanovke voprosa* [The National Doctrine of the Late 19th and Early 20th-centuries Russian Conservatism: Statement of the Problem] // *Rossiyskaya i zarubezhnaya istoriya: sotsial'no-ekonomicheskiye i politicheskiye problemy obshchestva i gosudarstva. Uchenyye zapiski* [Russian and Foreign History: Socio-Economic and Political Problems of Society and the State. Transactions]. Is. 8. P. 2. Pyatigorsk: Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, 2007, pp. 140–151.

Bukhovets O.G. *Sotsial'nyye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiyskoy imperii nachala XX veka* [Social Conflicts and Peasant Mentality in the Early 20th-Century Russian Empire]. Moscow: Mosarkhiv, 1996. 399 p.

Kaptelina O.A. *Istochnikovedcheskiye problemy izucheniya monarkhicheskikh nastroyeniy v rossiyskom obshchestve nachala XX v. (po materialam pisem grazhdan v Glavnyy sovet Soyuzu russkogo naroda)* [Source Study Issues in the Research on Monarchical Sentiments in the Early 20th-century Russian Society (Based on Citizens' Letters to the Principal Council of the Union of Russian People)] // *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2014. № 1 (27), pp. 99–110.

Kaptelina O.A. *Monarkhicheskiye nastroyeniya v rossiyskom obshchestve nachala XX veka: opyt izucheniya arkhivnykh istochnikov* [Monarchical Sentiments in the Early 20th-century Russian Society: A Study of Archival Sources] // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2015. Vol. 7. № 1, pp. 47–54.

Kir'yanov Yu.I. *Pravyye partii v Rossii. 1911–1917* [Right-wing Parties in Russia. 1911–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 462 p.

Kotsyubinskiy D.A. *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdeniye i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza* [Russian Nationalism in the Early 20th Century: The Birth and Ruin of the Ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 527 p.

Kovalchenko I.D. *Zadachi izucheniya massovykh istochnikov* [Objectives of Studying Mass Sources] // *Massovyye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii perioda kapitalizma* [Mass Sources on the Russian Socio-Economic History in the Period of Capitalism]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 5–16.

Kuchina T.G. *K voprosu ob izuchenii evolyutsii epistolyarnykh istochnikov vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.* [On the Problem of Studying the Evolution of Epistolary Sources of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries] // *Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin: stat'i i materialy* [Issues of Source Study of the History of the USSR and Special Historical Disciplines: Articles and Materials]. Moscow: Nauka, 1984, pp. 40–48.

Markevich A.M. *Soldatskiye pis'ma v tsentral'nyye Sovety kak istochnik dlya izucheniya obshchestvennykh nastroyeniy v armii 1917 g.* [Soldier Letters to the Central Soviets as a Source for Studying Public Moods in the Army in 1917]. PhD Candidate in History Diss. Moscow: IRI RAN, 2002. 195 p.

Obshchestvo i vlast': 1930-ye gody. Povestvovaniye v dokumentakh [Society and Authority: the 1930s. A Narrative in the Documents] / Ed. A.K. Sokolov. Moscow: ROSSPEN, 1998. 352 p.

Omel'yanchuk I.V. *Chernosotennoye dvizheniye v Rossiyskoy imperii (1901–1914 gg.)* [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p.

Porshnev B.F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. Moscow: Nauka, 1979. 235 p.

Porshneva O.S. *Mentalitet i sotsial'noye povedeniye rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoy mirovoy voyny (1914 – mart 1918 g.)* [The Mentality and Social Behavior of Workers, Peasants and Soldiers in Russia during the First World War (1914 – March 1918)]. Ekaterinburg: NISO UrO RAN, 2000. 414 p.

Protasov L.G. *Vazhnyy istochnik po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v tsarskoy armii pered Fevral'skoy revolyutsiyey* [An Important Source on the History of the Revolutionary Movement in the Czar's Army before the February Revolution] // *Istochnikovedcheskiye raboty* [Source Studies]. Is. 1. Tambov: [s. e.], 1970, pp. 3–19.

Repnikov A.V. *Konservativnyye kontseptsii pereustroystva Rossii v kontekste istoricheskogo protsessa kontsa XIX – nachala XX v.* [Conservative Concepts of the Rebuilding of Russia in the Context of the Historical Process in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Gotika, 2006. 423 p.

Sobolev G.L. *Revolyutsionnoye soznaniye rabochikh i soldat Petrograda v 1917 g.: period dvoevlastiya* [The Revolutionary Consciousness of Petrograd Workers and Soldiers in 1917: The Period of Dual Power]. Leningrad: Nauka, 1973. 330 p.

Stavitskiy A.V. *Delovaya perepiska Petra I po sobytiyam v Baturine kak istoricheskii istochnik* [Peter I's Correspondence Regarding the Events in Baturine as a Historical Source] // *Prichernomor'ye. Istoriya, politika, kul'tura* [Black Sea Region. History, Politics, Culture]. Is. XV (VI). Ser. "Novaya i noveyshaya istoriya". Sevastopol': Filial MGU v g. Sevastopole, 2014, pp. 136–144.

Поступила в редакцию
25 апреля 2018 г.

Д.В. Родин*

**ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА
И «СЕВЕРНОЕ ЛОКАРНО» РАФАЭЛЯ ЭРИХА**

D.V. Rodin

**WEIMAR REPUBLIC AND
RAFAEL ERICH'S "NORTHERN LOCARNO"**

Аннотация. После Локарнской конференции 1925 г. особую популярность приобрела идея распространения «опыта Локарно» по заключению многосторонних гарантийных пактов на иные регионы Европы, помимо Западной. Одним из первых эту идею в виде проекта «Северного Локарно» в ноябре 1925 г. озвучил финский представитель в Лиге Наций Рафаэль Эрих. В исторической литературе данный проект не выступал в качестве объекта исследования, так как был отвергнут предполагаемыми участниками еще до начала обсуждения на официальном уровне. Однако изучение проекта и реакции на него важно для понимания политического климата в Европе в середине 1920-х гг. и углубления представлений о политике малых балтийских стран и великих держав, имеющих свои интересы в Балтийском регионе. Целью данной статьи является рассмотрение германской реакции на проект Р. Эриха как проявления противоречивости балтийского курса германской внешней политики. Сама идея создания многостороннего гарантийного пакта на Балтике занимала умы германских дипломатов. С одной стороны, подобная система безопасности стала бы препятствием для осуществления ревизионистских устремлений Германии на востоке. С другой, в силу значительного экономического и политического влияния Германии в прибалтийских республиках, Финляндии и Швеции «Северное Локарно» могло стать инструментом поддержания германского доминирования в Балтийском регионе. Не решаясь выступить открыто за или против проекта, МИД Веймарской республики ограничился сбором информации из скандинавской и прибалтийской прессы, крайне негативно отзывавшейся о проекте. Кроме того, против проекта решительно выступил СССР, поддержание хороших связей с которым было одной из главных задач германской дипломатии. В итоге предполагаемые негативные последствия проекта Эриха перевесили

* *Родин Денис Валерьевич*, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Rodin Denis Valer'yevich, PhD Student, Department of Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and Americas, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-917-584-12-16; enigma9307@mail.ru

положительные, в связи с чем Германия отказалась от поддержки финского проекта. В последующие годы тактика, избранная Германией в отношении «Северного Локарно» (избегание открытых дискуссий и активное взаимодействие с СССР), использовалась для сопротивления польским планам «Восточного Локарно».

Ключевые слова: Веймарская республика, внешняя политика Германии, Локарнская конференция, многосторонний гарантийный пакт, Рафаэль Эрих, «Северное Локарно».

Abstract. After the Locarno Conference of 1925, the idea of deploying the Locarno's experience for concluding multilateral guarantee pacts in other regions of Europe, other than Western, gained particular popularity. Rafael Erich, the Finnish representative in the League of Nations, was a person who voiced this idea as a "Northern Locarno" project. It has not become an object of research in historical literature, as the project was rejected by the involved parties even before its official discussion. However, the study of its perception is necessary for better understanding the political climate in Europe in the mid-1920s and the politics of the minor Baltic countries and the Great Powers advancing their own interests in the Baltic region. The objective of this article is to examine the German reaction to R. Erich's project as a demonstration of inconsistency in the German Baltic policy. The very idea of developing a multilateral guarantee pact in the Baltic grasped the minds of German diplomats. On the one hand, such a security system would be a bar against German revisionist aspirations in the east. On the other hand, due to the significant economic and political influence of Germany in the Baltic republics, Finland and Sweden, the "Northern Locarno" could be instrumental for maintaining German dominance in the Baltic region. Not daring to speak openly, either for or against the project, the Foreign Ministry of the Weimar Republic limited itself to collecting information from the Scandinavian and Baltic press, which wrote very negatively about the "Northern Locarno". In addition, the USSR strongly opposed Erich's project, while one of the primary goals of the German diplomacy was maintaining good relations with it. Finally, Germany refused to support the Finnish project since its alleged negative consequences outweighed positive ones. In subsequent years, the tactics regarding the "Northern Locarno" (i.e. avoiding open discussions and maintaining active interaction with the Soviet Union) were employed by Germany against the Polish plan of an "Eastern Locarno".

Keywords: The Weimar Republic, Germany's foreign policy, The Locarno Conference, multilateral guarantee pact, Rafael Erich, "Northern Locarno".

* * *

Осенью 1925 г. пацифистски настроенная общественность ликовала: Локарнские соглашения, главным из которых был Рейнский гарантийный пакт, разрядили напряженность в Западной Европе, оказав умиротворяющий эффект на настроения широких слоев населения. При этом многие видели в заключенных соглашениях лишь первый шаг на пути к подлинному объединению Европы. Так, один

из творцов Локарно, британский министр иностранных дел О. Чемберлен, в беседе с литовским послом Е. Гальванаускасом 10 ноября 1925 г. говорил: «Я надеюсь, что дух Локарнского пакта безопасности найдет отклик сначала у правительств других стран, а потом и у самих народов... Я должен Вам сказать о своем желании, чтобы другие государства последовали примеру великих государств и в том же духе заключили со своими соседями региональные пакты»¹. Подобные высказывания открывали возможность для распространения «опыта Локарно» на иные регионы Европы, помимо Западной, что могло бы снизить уровень конфликтности на континенте.

Одним из первых подобную идею озвучил финский представитель в Лиге Наций профессор Р. Эрих в интервью финской газете «Хельсингин саномат» 17 ноября 1925 г., т.е. еще до официального подписания Локарнских соглашений (оно состоялось в Лондоне 1 декабря того же года). В литературе о международных отношениях в Прибалтике в 1920-е гг. можно довольно часто встретить упоминания о проекте Р. Эриха под названием «Северное Локарно», однако в большинстве случаев авторы ограничиваются констатацией того факта, что такой проект существовал, но был отвергнут². Во многом это связано с тем, что предполагаемые участники отклонили проект еще до официального обсуждения. Однако это не умаляет важности самой идеи создания в иных регионах Европы, помимо Западной, системы многосторонних гарантий, аналогичных Рейнскому гарантийному пакту, ведь подобные идеи отражали стремление пацифистски настроенной общественности к формированию системы безопасности, охватывающей весь европейский континент. Вместе с тем в дискуссиях вокруг проектов «новых Локарно» находили свое выражение интересы как великих держав, так и малых европейских стран.

В частности, инцидент с «Северным Локарно», а именно отношение к нему великих держав, позволяет углубить представления о балтий-

¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. VIII. М., 1963. С. 810.

² *Anderson E.* Toward the Baltic Union 1920-27 // *Lituanus*. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. Vol. 12, N 2. 1966. — URL: http://www.lituanus.org/1966/66_2_03Anderson.htm#foots (дата обращения: 10.06.2018); *Hidden J.* The Baltic States and Weimar Ostpolitik. Cambridge, 1987. P. 159; *Ilmjärv M.* Estonia, Latvia, Lithuania and the Eastern Pact Project // *Acta Historica Tallinnensia*. Tallinn, 2006. Vol. 10. P. 71; *Ильмярв М.* Эстония и Швеция в межвоенный период (1919–1940) // Балтия в контексте северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М., 2009. С. 156–157; *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012. С. 144; *Сиполс В.Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919–1940 гг. Рига, 1968. С. 136.

ском направлении внешней политики таких государств, как Советский Союз, Великобритания или Германия. В рамках данной статьи будет рассмотрен последний случай: реакция МИД Веймарской республики на озвученную Р. Эрехом идею «Северного Локарно». Проследить ее напрямую довольно затруднительно: в ноябре 1925 г. все руководящие органы Германии были заняты подготовкой к подписанию Локарнских соглашений с Францией, Бельгией, Великобританией и Италией, вследствие чего остальным направлениям внешней политики уделялось меньше внимания. Тем не менее, благодаря отчетам и докладам немецких послов из Финляндии, скандинавских стран и прибалтийских республик можно попытаться реконструировать позицию МИД Германии в отношении «Северного Локарно», которая, как представляется, заслуживает внимания в силу своего противоречивого характера.

Благодаря германскому послу в Финляндии Г. Хаушильду в МИД Веймарской республики об идее «Северного Локарно» узнали уже 17 ноября 1925 г., в тот же день, когда в газете «Хельсингин саномат» было опубликовано интервью с финским представителем в Лиге Наций. Вдохновленный успехом Локарнской конференции, Р. Эрех предлагал распространить на Восточную и Северную Европу принципы Локарно, а именно создать систему гарантийных пактов в Балтийском регионе с участием всех скандинавских и прибалтийских государств. Договор, предложенный финским профессором³, был составлен по образцу Рейнского гарантийного пакта и имел целью закрепление территориального статус-кво на Северо-Востоке Европы, в связи с чем предполагал взаимные обязательства стран-участников об арбитраже, ненападении и нейтралитете. Хотя он признавал, что для осуществления плана должен быть выполнен ряд определенных условий (правда, автор интервью не уточнял, каких именно), возможности создания подобной системы, связанной с Лигой Наций, Р. Эрех оценивал весьма оптимистично, заявляя по этому поводу: «Если кто-то считает необходимым постепенно внедрять в Северной и Восточной Европе ту программу, что привела к столь плодотворным результатам в Локарно, то весьма очевидно, что Финляндия при определенных условиях приложит все свои силы для того, чтобы добиться этой цели»⁴. Впрочем, Р. Эрех делал оговорку, что описанный им проект возможно реализовать лишь в том случае, если, «по меньшей мере, западный пакт сможет продемонстрировать хорошие результаты»⁵.

³ В 1910 г. Р. Эрех получил должность профессора международного права в Александровском университете в Гельсингфорсе.

⁴ Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 17. November 1925 // The National Archives, Kew. German Foreign Ministry (далее — TNA GFM) 33/3639/K244/1/K072511.

⁵ Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 17. November 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072510.

По мнению М.А. Катцовой, «Северное Локарно» мыслилось... как своеобразный Балтийский Оборонительный Союз между балтийскими и скандинавскими государствами»⁶. Неопределенность проекта демонстрирует описанную И.Э. Магадеевым дилемму между «безопасностью вместе» и «безопасностью против»⁷. С одной стороны, предложенная Р. Эрехом система гарантийных пактов должна была способствовать укреплению безопасности в Балтийском регионе путем предотвращения любых войн — вне зависимости от их причин. С другой стороны, возникал вопрос об участии в проекте Советского Союза, который Р. Эрех также осветил в своем интервью. Хотя финский профессор упоминал СССР среди участников «Северного Локарно», вследствие того, что оно, как и Рейнский гарантийный пакт, было тесно связано с Уставом Лиги Наций, участие Советского Союза было возможно лишь при условии вступления его в Лигу. К такому шагу в 1925 г. советское руководство было совершенно не готово: об этом неоднократно говорилось и в официальных заявлениях, и в печати.

Однако участие СССР в пакте и не было принципиальным для финского профессора: он считал возможным создание «Северного Локарно» без восточного соседа Финляндии. На это указывал и покровительствовавший Р. Эреху президент Финляндии Л.К. Реландер, утверждавший, что, хотя укрепление мира в Северной Европе невозможно без присоединения Советского Союза к «Северному Локарно», добиться этого можно лишь через принуждение и изоляцию последнего: «Настанет время, когда Россия присоединится к “Северному Локарно”, если другие страны на Балтийском море приступят к сотрудничеству во имя мира, которое не будет направлено против России, но будет иметь целью гарантию мира на Севере. Деятельность по созданию “Северного Локарно” следует начать без России, поскольку это единственный способ включить Россию в “Северное Локарно”»⁸.

Подобные неоднозначные высказывания могли привести к различным трактовкам проекта Р. Эреха: в нем можно было увидеть как попытку пацификации Балтийского региона с участием СССР (в чем, правда, были мало заинтересованы скандинавские страны, опасавшиеся за свой нейтральный статус), так и попытку создания

⁶ Катцова М.А. Развитие сотрудничества стран Северной Европы в 1918–1929 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 135.

⁷ См.: Магадеев И.Э. Безопасность против или безопасность вместе? Уроки Первой мировой войны и германская политика Франции в 1920-х годах // Первая мировая война: историография и уроки истории. (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.). М., 2015. С. 128–147.

⁸ Relander L.K. Presidentin päiväkirja. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta. T. I. 1925–1927. Helsinki, 1967. S. 140.

антисоветского блока. И хотя сам финский представитель утверждал, что «острие гарантий не направлено против России»⁹, подобное положение вещей могло вызвать тревогу как в Советском Союзе, так и в других странах Балтийского региона, в частности, в Германии.

Впрочем, интервью носило в целом частный характер, а на правительственном уровне реакция была довольно слабой. Проследить ее можно по поведению Министерства иностранных дел Веймарской республики: в силу занятости германского министра иностранных дел Г. Штреземана подготовкой к подписанию основных Локарнских соглашений проблеме «Северного Локарно» уделялось намного меньше внимания. Однако затронутая финским профессором проблема создания системы безопасности в Северной Европе не могла не беспокоить германских дипломатов, кроме того, идеи Р. Эриха всколыхнули общественные круги в Скандинавии и Прибалтике, породив дискуссии вокруг проекта в прессе (Г. Хаушильд даже говорил о «словесной перепалке» между советской и финской прессой в лице «Хельсингин саномат»¹⁰). Поэтому МИД Веймарской республики следовало «держать руку на пульсе» и попытаться сформировать более-менее определенную позицию в отношении «Северного Локарно».

Сделать это было весьма непросто. В рейхстаге в это время шли жаркие дебаты по поводу подписания Локарнских соглашений на Западе, в ходе которых можно было услышать как голоса в поддержку достигнутых договоренностей (прежде всего со стороны Г. Штреземана), так и обвинения в том, что «вступление в Лигу Наций и договоры с восточными соседями — это отказ от изменения неприемлемых границ на востоке, отказ от Данцига и Мемеля» и, более того, «предательство братьев в Австрии и судетских немцев»¹¹. Хотя со своими восточными соседями, Польшей и Чехословакией, Германия была связана лишь соглашениями об арбитраже, для противников Локарнских договоренностей это уже была непозволительная уступка. В таких условиях любое заявление в отношении «Северного Локарно» (как в поддержку проекта, так и против него) могло быть использовано оппонентами Г. Штреземана для срыва предстоящего подписания достигнутых соглашений.

С другой стороны, министру могли задать «неудобные» вопросы, как то: если Германия не выступает против распространения «опыта

⁹ Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 17. November 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072511.

¹⁰ Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 26. November 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072514-K072515.

¹¹ Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. III. Wahlperiode 1924. Bd. 388. Berlin, 1926. S. 4556. — URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000072_00121.html (дата обращения: 10.05.2018)

Локарно» на Балтику, то почему ее дипломаты на Локарнской конференции отказались заключать гарантийные пакты с Польшей и Чехословакией? Проблема соотношения европейской безопасности и германской ревизионистской политики могла породить широкие дискуссии в не самый удобный для этого момент, вследствие чего в МИД Германии предпочитали воздерживаться от прямых комментариев по поводу идей Р. Эриха, по крайней мере, до подписания западных Локарнских соглашений.

Тем не менее, вопрос оставался открытым: если «Северное Локарно» все же будет воплощено в жизнь, то будет ли оно выгодно для Германии или станет ли угрозой для ее геополитических устремлений? Было очевидно, что укрепление безопасности в районе Балтийского моря могло стать непреодолимым препятствием в случае, если бы правительство Германии решилось на ревизию послевоенных границ на севере или на востоке. Еще накануне конференции в Локарно Германии Г. Штреземан в одном из частных писем признавал: «Я предвижу в Локарнском пакте получение Рейнской области и возможность возвращения немецких территорий на Востоке»¹². Вследствие этого одной из задач Германии было недопущение создания в Восточной Европе пакта, аналогичного Рейнскому, в связи с чем после завершения конференции министр с удовлетворением докладывал, что «идея “пакта о ненападении” на Востоке была полностью исключена и в наличии имеются лишь соглашения об арбитраже, заключенные в соответствии с нашей системой, отраженной в формулировке, содержащей непризнание существующих границ»¹³. Но «Северное Локарно», подразумевавшее международные гарантии границ стран Балтийского региона, могло перечеркнуть всё, чего достигла немецкая делегация на Локарнской конференции, и осложнить проведение Веймарской республикой ревизионистской политики в отношении восточных соседей. В этом смысле оно выступало, по мнению немецкого исследователя К. Хольтже, в качестве инварианта «Восточного Локарно» — проекта многосторонних гарантийных договоров в Северо-Восточной Европе, неоднократно выдвигаемых польской стороной во второй половине 1920-х гг., и потому было невыгодно для германского правительства¹⁴.

¹² Малафеев К.А. Международные отношения и дипломатия капиталистических держав в Европе в 1924–1936 гг. Рязань, 1988. С. 26.

¹³ Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinette Luther I/II (1925–1926). Bd. 2. Boppard am Rhein, 1977. S. 781. — URL: http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/lut/lut2p/kap1_1/kap2_32/para3_1.html (дата обращения: 10.05.2018)

¹⁴ Höltje C. Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934. Würzburg, 1958. S. 2–4.

С другой стороны, проект Р. Эриха не подразумевал вхождения в него Польши, тем самым ее позиции на Балтике и в Восточной Европе были бы ослаблены, а созданный блок вполне мог оказаться под влиянием Германии. Это позволяет поспорить с утверждением К. Хольтже: в реальности «Северное Локарно» было не вариацией «Восточного Локарно», а иным проектом, который Германия могла использовать в своих интересах. На самом деле германская дипломатия порой сама выступала за создание блока прибалтийских республик, который она мыслила как противовес попыткам Польши утвердить свою гегемонию в Прибалтике. Германские дипломаты неоднократно указывали на то, что потенциальный союз Эстонии, Латвии и Литвы нужно было, «несомненно, приветствовать и поддерживать»¹⁵. А глава Восточного департамента МИД Веймарской республики Г. фон Дирксен еще весной 1925 г. в качестве одной из главных задач германской внешней политики называл «отрыв трех окраинных государств от Польши и последующее уменьшение нагрузки на восточную границу Германии»¹⁶.

Для этого использовались как политические, так и экономические средства. Во-первых, как заметил исследователь П. Боровски, «если Германия хотела отвлечь балтийские страны от пакта с Польшей, она должна была учитывать их интересы в сфере безопасности»¹⁷, и с этой целью в 1925 г. Германия заключила арбитражные соглашения с Финляндией и Эстонией. Во-вторых, Германия после принятия плана Дауэса и оживления германской экономики укрепила свое положение на рынке прибалтийских республик и Финляндии: по объемам экспорта в указанные страны Германия уверенно удерживала первое место, а по объемам импорта из них – второе (после Великобритании)¹⁸.

Не меньшее внимания Германия уделяла и Скандинавии. На протяжении всего межвоенного периода Германия оставалась главным экспортером товаров в Скандинавию, которая представляла для немцев «не только оживленный рынок с высоким доходом на душу населения, но и... источник снабжения на случай войны, прежде всего продовольствия и стратегического сырья»¹⁹. Кроме того, Гер-

¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 17. Л. 48.

¹⁶ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Ser. A. Bd. XII. Göttingen, 1994. S. 712.

¹⁷ Borowsky P. Die deutsche Politik gegenüber den baltischen Staaten 1923 bis 1933 // Borowsky P. Schlaglichter historischer Forschung. Studien zur deutschen Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert. Hamburg, 2005. S. 158.

¹⁸ Hiden J. Op. cit. P. 200; Steiner Z. The Lights that Failed: European International History, 1919–1933. Oxford, 2005. P. 291.

¹⁹ Schröter H. Risk and Control in Multinational Enterprise: German Business in Scandinavia, 1918–1939 // The Business History Review. 1988. Vol. 62. N 3. P. 424.

мания пыталась вернуть утраченные после Первой мировой войны политические позиции в регионе. Так, например, Швеция, по словам сотрудника немецкого посольства в Стокгольме В. фон Блюхера, в первой половине 1920-х гг. превратилась в «посредника» между Германией и странами-победительницами, и поэтому «с немецкой точки зрения желательно, чтобы, когда посредничество Швеции подошло к концу, мы [Германия] сохранили ее в качестве нашего секунданта»²⁰. В меньшей степени Германии удалось закрепиться в Норвегии и Дании, следовавших в фарватере британской политики. Более того, при обсуждении возможности заключения датско-германского арбитражного договора германский посол в Дании Г. фон Мутиус требовал от датского министра иностранных дел К. фон Мольтке определиться, кем себя видят датчане: «скандинавским государством или страной, граничащей с Германией»²¹. От ответа на этот вопрос зависело, сможет Германия добиться двустороннего урегулирования пограничных проблем — или ей придется иметь дело с блоком скандинавских государств, что опять-таки могло стать препятствием на пути к ревизии послевоенных границ.

Тем не менее, достигнутое Германией к середине 1920-х гг. влияние в Прибалтике, Финляндии и Швеции могло при определенных обстоятельствах привести к тому, что «Северное Локарно» стало бы инструментом германского доминирования в регионе. Личность автора проекта могла способствовать этому убеждению: Р. Эрих был одним из финских дипломатов, отправленных в Германию в конце 1917 г. для переговоров об оказании Финляндии помощи при формировании собственной армии, в феврале 1918 г. он стал одним из инициаторов запроса германскому правительству об отправке войск в помощь белофиннам, а спустя месяц участвовал в подписании финско-германских договоров о мире, о торговле и мореходстве и о возмещении потерь в связи с оказанием военной помощи. Прошлые заслуги, как и членство Р. Эриха в правоцентристской Национальной коалиционной партии, выступавшей за активное сотрудничество с Германией, вполне позволяли рассчитывать на сохранение прогерманских настроений у финского профессора, что придавало озвученному им проекту более благоприятный характер в глазах германских дипломатов.

Таким образом, создание «Северного Локарно» могло иметь для Германии как негативные, так и позитивные последствия, которые в целом уравновешивали друг друга. Это затрудняло выработку четкой позиции МИД Германии в отношении «Северного Локарно»: герман-

²⁰ ADAP. Ser. A. Bd. XII. S. 244.

²¹ Ibid. S. 623–624.

ская дипломатия предпочитала выждать, пока со своим отношением к проекту Р. Эриха не определятся сами скандинавские и прибалтийские страны. Поэтому основной задачей германских дипломатов в ближайшие дни после публикации интервью являлся сбор материалов из прессы потенциальных членов «Северного Локарно».

А они свидетельствовали о непопулярности идей финского профессора. Так, немецкий посол в Швеции Ф. фон Розенберг передавал сообщения шведской праволиберальной газеты «Стокгольмс Тиднинген»: «Социал-демократы, безусловно, правы, утверждая, что северный Локарнский договор без России не имеет никакого значения»²². Датский официоз «Берлингске Тиденде», по сообщениям немецкого посла в Копенгагене Г. фон Мутиуса, утверждал, что «в странах Северной Европы нет потребности в гарантийных пактах»²³. Посол Германии в Норвегии Э. Ромберг, цитируя наиболее влиятельную норвежскую газету «Тиденс Тайн», писал, что «Норвегии следует воздерживаться от любых договоренностей с другими странами, кроме Швеции» и что «чем меньше они взаимодействуют с другими странами Северной Европы, тем лучше для их безопасности»²⁴. Наконец, немецкий посол в Эстонии В. Франк сообщал позицию местных газет «Ваба Маа» (орган «Эстонской партии трудящихся») и «Кайя» (рупор консервативно-аграрного «Эстонского сельского народного союза»), в один голос утверждавших, что проект «Северного Локарно» «в скандинавских странах восприняли прохладно, а в России — враждебно», вследствие чего они предлагали вернуться к «более тесному сотрудничеству балтийских государств, включая Финляндию... не беспокоя Скандинавию и Россию»²⁵. В защиту «Северного Локарно» выступали немногие, например, сотрудник финских газет в Германии профессор К. Тиандер, заявлявший в одной из своих статей, что «северные страны ближе всего подошли к тому, чтобы воплотить в жизнь многообещающие перспективы духа Локарно»²⁶.

Доминирующие в печати негативные отзывы проникали и в немецкую печать, которая, впрочем, крайне слабо отреагировала на интервью Р. Эриха (несомненно, баталии в рейхстаге представляли

²² Telegramm von F. von Rosenberg. Stockholm, den 27. November 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072497-K072498

²³ Telegramm von G. von Mutius. Kopenhagen, den 25. November 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072504.

²⁴ Telegramm von E. Rhomborg. Oslo, den 21. November 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072536-K072537.

²⁵ Telegramm von W. Frank. Reval, 5. Dezember 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072568-K072571.

²⁶ Nordisches Locarno. Von Karl Tiander // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072598.

для журналистов большой интерес). В «Форвертс», официальной газете СДПГ, финскому проекту была посвящена лишь одна статья, излагавшая суть «Северного Локарно» и цитировавшая негативные отзывы на проект со стороны шведской, датской и норвежской прессы²⁷. Аналогичные заявления можно обнаружить в «Франкфуртер Цайтунг», приведившей сообщения датских и норвежских газет о бесполезности «Северного Локарно», так как «война между северными государствами немыслима, и подобный договор был бы лишь в интересах финско-русских отношений, никак не связанных с северной политикой»²⁸. Может вызвать удивление, что предложенный Р. Эрихом пакт мог трактоваться как выгодный Советскому Союзу, но, по-видимому, подобные высказывания являлись следствием неопределенности самого проекта и малой информированности прессы о деталях интервью. Случай был не единичным: в английской «Таймс», например, инициатором многостороннего гарантийного пакта между скандинавскими странами, Финляндией и Прибалтикой была названа Швеция, а Р. Эрих даже не упоминался²⁹.

В то же время в другом номере «Франкфуртер Цайтунг» была опубликована статья, утверждавшая, что условием создания системы «Локарно» для Восточной Европы, «значение которой будет не меньшей, чем на Западе», является заключение прибалтийскими странами торговых и арбитражных договоров с Советским Союзом³⁰. Эта статья, в свою очередь, была перепечатана в эстонской прессе, в связи с чем В. Франк писал в Берлин из Ревеля об убежденности эстонских газетчиков в том, что «в Германии предпринимаются усилия по укреплению убежденности в том, что “Северное Локарно” без России является абсурдом»³¹.

Действительно, вопрос об участии (или, скорее, неучастии) Советского Союза в «Северном Локарно» имел немалое значение для определения германской позиции в отношении проекта Р. Эриха. Для Германии не было секретом, что в СССР в предложениях финского профессора видели «весьма коварный план, составленный по рецепту Чемберлена и предназначенный для СССР»³². Об отрицательном отношении советских дипломатов к идее «Северного Локарно» писали германские представители в прибалтийских странах. Так, немецкий

²⁷ Vorwärts. 1925, November 28.

²⁸ Frankfurter Zeitung. 1925. November 29.

²⁹ The Times. 1925. November 25.

³⁰ Frankfurter Zeitung. 1925. November 21.

³¹ Telegramm von W. Frank. Reval, den 5. Dezember // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072570-K072571.

³² Правда. 1925. 12 декабря.

посол в Латвии А. Кёстер передавал в Берлин слова советского поверенного в делах в Латвии С.И. Боркуевича о том, советское руководство не изменило своей отрицательной позиции по вопросу о заключении региональных гарантийных пактов³³. Ему вторил В. Франк, в ноябре – декабре 1925 г. неоднократно встречавшийся с полпредом СССР в Эстонии А.Г. Гамбаровым для обсуждения идеи «Северного Локарно». В ходе этих встреч советский представитель озвучил точку зрения Москвы о неприемлемости для нее коллективного соглашения с прибалтийскими странами и о намерении советского правительства заключить отдельные договоры о ненападении и нейтралитете с каждой из прибалтийских республик³⁴.

В МИД Германии позиция Москвы в отношении «Северного Локарно» находила понимание. Хотя в интересах Германии было создание в Балтийском регионе блока государств под немецким контролем, который способствовал бы изоляции Польши, следствием этого шага неминуемо стало бы ухудшение советско-германских отношений, и без того охладивших вследствие подписания Германией Локарнских соглашений на Западе: Советский Союз увидел бы в подобном объединении угрозу своим позициям на Балтике и очередную попытку добиться изоляции Страны Советов на международной арене. Многие представители дипломатических кругов (например, Г. фон Дирксен, А.Г. фон Мальцан и У. фон Брокдорф-Ранцау), военных (Х. фон Сект, В. Мюллер, К. фон Бредов) и промышленных (О. Вольф, Т. фон Вильмовски, К. фон Болен унд Гальбах и другие) настаивали на сохранении и укреплении военно-технического и экономического сотрудничества с Советским Союзом, и немецкое правительство не могло отмахнуться от этих требований.

Поэтому Г. Штреземан еще в секретной записке от 8 июня 1925 г., направленной в немецкие посольства в Ревеле, Ковно, Варшаве, Гельсингфорсе и Москве, предупреждал, какими последствиями грозит Германии объединение прибалтийских государств. Во-первых, это в еще большей мере поспособствовало бы политическому и экономическому разобщению Германии и СССР; во-вторых, усилило бы военную угрозу для восточных границ Германии; в-третьих, укрепило бы позиции Польши в Лиге Наций, что, в свою очередь, привело бы к ослаблению позиций Германии в организации, куда она только собиралась вступить. Вследствие этого перед Германией стояла задача углубления раскола среди государств Прибалтики, а главным сред-

³³ Telegramm von A. Köster. Riga, den 16. Dezember 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072595.

³⁴ Telegramm von W. Frank. Reval, den 27. November 1925 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072549-K072550.

ством для достижения поставленной задачи должна была служить «совместная политика Германии и России в отношении окраинных государств» и «единая германо-российская политика заключения гарантийных пактов с окраинными государствами»³⁵.

В этом отношении взятый Советским Союзом с конца 1925 г. курс на заключение отдельных двусторонних договоров о ненападении и нейтралитете с Польшей, Финляндией и государствами Прибалтики в большей мере соответствовал интересам МИД Германии. Выгоды от «Северного Локарно» явно не перевешивали связанных с ним угроз, как для возможной ревизии германских границ на востоке, так и для советско-германских отношений, в которых после Локарнской конференции, как писал Г. фон Дирксен, «романтизм духа Рапалло, казалось, испарился»³⁶. В МИД Веймарской республики все отчетливей осознавали, что проект Р. Эриха невыгоден для Германии, как в силу угрозы для советско-германских отношений, так и в силу опасности прецедента по распространению «опыта Локарно» на Северо-Восточную Европу.

Впрочем, напрямую выступать против «Северного Локарно» ввиду бурных дискуссий по основным Локарнским соглашениям было бы нецелесообразно, по крайней мере, до их официального подписания, которое состоялось в Лондоне 1 декабря 1925 г. К тому времени нападки прессы в различных странах и негативная реакция правительств скандинавских стран и СССР вынудили правительство Финляндии дезавуировать действия Р. Эриха. Анализируя причины непопулярности идеи «Северного Локарно», германский посол в Финляндии Г. Хаушильд, усматривал их в «неопределенности выражений профессора Эриха», вследствие чего «его замечания и намерения были неверно истолкованы в соседних странах»³⁷. Как бы то ни было, «Северное Локарно» так и не было претворено в жизнь, более того, оно не вышло за пределы обсуждения в прессе, что избавляло МИД Германии от необходимости заявлять о своей официальной позиции по данному вопросу.

Вместе с тем провал «Северного Локарно» не означал, что Финляндия вернется к тесному сотрудничеству с прибалтийскими республиками и Польшей, о чем также сообщал Г. Хаушильд. Он писал в Берлин, что к началу 1926 г. у него сложилось четкое впечатление, что «для Финляндии односторонняя связь с союзом четырех балтийских

³⁵ ADAP. Ser. A. Bd. XII. S. 272–273.

³⁶ Дирксен Г., фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 96.

³⁷ Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 7. Januar 1926 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072639.

государств будет явно недостаточной»³⁸. Финляндия и во второй половине 1920-х гг. сохранила некое «промежуточное положение» между Прибалтикой и Скандинавией, вследствие чего многие обвиняли руководство финского министерства иностранных дел в отсутствии четкого внешнеполитического курса и «беззубости» финской внешней политики³⁹. Для Германии же подобное «двусмысленное» положение Финляндии было крайне выгодным: отказываясь от сотрудничества с Польшей, чью политику финны считали крайне непредсказуемой, Финляндия в то же время не имела достаточной поддержки среди скандинавских стран, что в условиях постоянно ощущаемой угрозы со стороны восточного соседа вело к усилению в стране прогерманского курса и способствовало росту германского влияния как в самой Финляндии, так и в других странах-лимитрофах.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что Веймарская республика в конечном счете не выступила открыто против идеи регионального пакта в Балтийском регионе, но и не поддержала ее. Подобная позиция являлась следствием взаимоисключающих задач германской политики в Балтийском регионе: с одной стороны, не допустить складывания на Балтике системы многосторонних пактов, способных воспрепятствовать ревизии послевоенных границ, с другой — добиться изоляции Польши и укрепления германских позиций в регионе, инструментом для чего вполне могло бы выступить объединение прибалтийских и скандинавских государств под германским контролем. Кроме того, следовало учитывать позицию государств Прибалтики и Скандинавии: согласятся ли они сами на участие в подобном проекте. Негативные отзывы местной прессы, о которых по дипломатическим каналам узнавали и в Берлине и которые проникали в немецкие газеты, продемонстрировали непопулярность идей финского профессора. Также германским дипломатам следовало учитывать и позицию Советского Союза, настроенного против западных Локарнских соглашений и их аналогов для иных регионов Европы. Выражаясь словами Г.В. Чичерина, Советский Союз не желал «признать или содействовать созданию подобной федерации, образующей барьер от Ледовитого океана до Польши или, возможно, до Черного моря»⁴⁰. Негативные последствия создания «Северного Локарно» явно перевешивали его положительные стороны для Веймарской республики.

³⁸ Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 7. Januar 1926 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072644.

³⁹ *Paasivirta J.* Finland and Europe: The early years of independence 1917–1939. Helsinki, 1988. P. 312.

⁴⁰ ДВП СССР. Т. VIII. С. 725.

В итоге судьба проекта Р. Эриха была решена без вмешательства Германии, а занятая германской дипломатией выжидательная позиция в совокупности с сотрудничеством с представителями СССР впоследствии стала моделью разрешения аналогичных ситуаций, в частности, при обсуждении польских проектов «Восточного Локарно». Что же касается инцидента с «Северным Локарно», то его итоги наилучшим образом подвел статс-секретарь МИД Веймарской республики К. фон Шуберт на встрече с финским послом в Берлине 13 января 1926 г. На вопрос об отношении Германии к идеям Р. Эриха К. фон Шуберт ответил: «Для заключения гарантийного пакта на Западе существовали определенные условия, которых, разумеется, мы не наблюдаем в должной мере на Востоке. На мой взгляд, нужно очень серьезно обдумать, следует ли вообще преследовать аналогичные цели на Востоке. Я думаю, мы должны ждать подходящего времени и приступить к реализации подобных планов, лишь когда оно наступит. В настоящий момент, как мне кажется, подходящий случай еще себя не обнаружил»⁴¹. За красивыми фразами скрывалась достаточно простая мысль: не заявляя прямо о своем несогласии с проектом, представитель МИД Германии указывал на бессмысленность попыток заключения гарантийных пактов в Восточной Европе и не рекомендовал представителям Финляндии вновь выступать с подобными предложениями.

References

Anderson E. *Toward the Baltic Union 1920–1927 // Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*. 1966. Vol. 12. № 2. — URL: http://www.lituanus.org/1966/66_2_03Anderson.htm#foots

Borowsky P. *Die deutsche Politik gegenüber den baltischen Staaten 1923 bis 1933 // Borowsky P. Schlaglichter historischer Forschung. Studien zur deutschen Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert*. Hamburg: Hamburg University Press, 2005, S. 153–172.

Hidden J. *The Baltic States and Weimar Ostpolitik*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 292 p.

Höltje C. *Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934*. Würzburg: Holzner-Verlag, 1958. 318 S.

Илмjärв М. *Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940)* [Silent Submission: Formation of Foreign Policy in Estonia, Latvia and Lithuania, Period from mid-1920s to Annexation in 1940]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 805 p.

Илмjärв М. *Эстония и Швеция в межвоенный период (1919–1940)* [Estonia and Sweden in the Interwar Period (1919–1940)] // *Балтика в контексте северного*

⁴¹ Vertraulich. Berlin, den 13. Januar 1926 // TNA GFM 33/3639/K244/1/K072646.

prostranstva. Ot Srednevekov'ya do 40-kh godov XX veka: (sbornik statey po materialam XVI Vserossiyskoy konferentsii po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka skandinavskikh stran i Finlyandii, g. Arkhangel'sk, 2008) [The Baltic States in the Context of the Northern Space from the Middle Ages to the 1940s (Collected Articles. The Acta of the 16th All-Russian Conference on the Study of the History, Economics, Literature and Language of the Scandinavian Countries and Finland, Arkhangel'sk, 2008)]. Moscow: Izdatel'stvo IVI RAN, 2009, pp. 147–176.

Ilmjärv M. *Estonia, Latvia, Lithuania and the Eastern Pact Project* // *Acta Historica Tallinnensia*. 2006. Vol. 10, pp. 69–120.

Kattsova M.A. *Razvitiye sotrudnichestva stran Severnoy Yevropy v 1918–1929 gg.* [Developing Cooperation among the Countries of Northern Europe in 1918–1929]. PhD Candidate in History Dissertation. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy institut istorii RAN, 2014. 251 p.

Magadeyev I.E. *Bezopasnost' protiv ili bezopasnost' vmeste? Uroki Pervoy mirovoy voyny i germanskaya politika Frantsii v 1920-kh godakh* [Security Against or Security Together? World War I Lessons and France's Policy Towards German in the 1920s] // *Pervaya mirovaya vojna: istoriografiya i uroki istorii (Materialy VIII Konventa RAMI, aprel' 2014 g.)* [World War I: Historiography and History Lessons (The Acta of the 8th RISA Convention, April 2014)] / Ed. A.V. Revyakin. Moscow: Izdatel'stvo "MGIMO-Universitet", 2015, pp. 128–147.

Malafeyev K.A. *Mezhdunarodnyye otnosheniya i diplomatiya kapitalisticheskikh derzhav v Yevrope v 1924–1936 gg.* [International Relations and Diplomacy of the Capitalist Powers in Europe in 1924–1936]. Ryazan': Ryazanskiy GPI, 1988. 86 p.

Paasivirta J. *Finland and Europe: The Early Years of Independence 1917–1939*. Helsinki: FHS, 1988. 555 p.

Schröter H. *Risk and Control in Multinational Enterprise: German Business in Scandinavia, 1918–1939* // *The Business History Review*. 1988. Vol. 62. N 3, pp. 420–433.

Sipols V.Ya. *Taynaya diplomatiya. Burzhuaznaya Latviya v antisovetskikh planakh imperialisticheskikh derzhav 1919–1940 gg.* [Secret Diplomacy. Bourgeois Latvia in the Anti-Soviet Plans of the Imperialist Powers in 1919–1940]. Riga: Liesma, 1968. 348 p.

Steiner Z. *The Lights that Failed: European International History, 1919–1933*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 954 p.

Поступила в редакцию
20 июня 2018 г.

В.В. Малявин*

**ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКЕ
КОНЦЕПЦИИ РОССИИ-ЕВРАЗИИ**

V.V. Malyavin

**NOTES ON CURRENT CRITICISM
OF THE CONCEPT OF RUSSIA-EURASIA**

Аннотация. В статье анализируются критические оценки концепции России-Евразии в современной западной литературе. В центре внимания — работы М. Ларюэль «Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи», А. Эткинды «Внутренняя колонизация: имперский опыт России» и Бруно Масаеша «Рассвет Евразии: На пути к Новому мировому порядку». Автор показывает, что этим исследованиям присущи некоторые общие недостатки, обусловленные традиционной методологией гуманитарных наук на Западе. Так, М. Ларюэль стремится изобразить учение евразийцев нагромождением противоречий, но само это стремление отражает природу позитивистской рациональности Запада, которая вследствие приверженности идее оппозиции субъекта и объекта вносит раскол в мир и универсализирует конфликты. Отчасти этот недостаток свойствен самим евразийцам, что не позволило им в методологическом отношении остаться на уровне их «предчувствий». Теоретический потенциал ключевых понятий евразийства — «месторазвитие», «бытовое исподвечничество», «демотия» и др. — остался нераскрытым. Автор предлагает новый подход к наследию евразийства, основанный на принципе (само)превращения реальности, которое ведет к взаимному преобразению человека и мира. Отмеченная ограниченность западной методологии истории присуща и книге А.М. Эткинды, который рассматривает историю России под углом зрения так называемой внутренней колонизации. Последнюю автор определяет, следуя Ю. Хабермасу, как новации современности, которые «попадают в жизненный мир извне ... и принуждают его к ассимиляции». В статье раскрыта несостоятельность подобного «колониалистского» взгляда на русскую историю и указаны возможности, а также реальные исторические явления, которые позволяют

* *Малявин Владимир Вячеславович*, доктор исторических наук, профессор-исследователь департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики»

Malyavin Vladimir Vyacheslavovich, Doctor Habilitatus in History, Research Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics

+7-495-772-95-90*23146; vladmal0913@gmail.com

видеть в истории России не столько колонизацию русского мира западными «новациями», сколько встречу, свободную «совместность» колонизации и альтернативного мировоззрения, называемого «контрколонизацией». Такая встреча, как предполагает автор, может стать основой глобальной по масштабам и перспективам евроазиатской миросистемы, включающей в себя Россию. Книга Б. Масаеша уже допускает оптимистический сценарий интеграции Евразии и Запада.

Ключевые слова: Евразия, Запад, колонизация, контрколонизация, совместность, Марлен Ларюэль, Александр Эткинд, Бруно Масаеш.

Abstract. The article analyzes critical assessments of the concept of Russia-Eurasia in modern Western literature. The author especially focuses on Marlène Laruelle's *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*, Alexander Etkind's *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience* and Bruno Maçães's *The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order*. The author shows that some common shortcomings of these studies are determined by certain principles of the Western intellectual tradition. Thus, M. Laruelle seeks to portray the doctrine of the Eurasians as a heap of contradictions, but her strategy itself reflects the specific positivist rationality of the West, which, due to the adherence to the idea of subject/object opposition, divides the world and universalizes conflicts. This approach that is not wholly alien to Eurasian thinkers accounts for many of the Eurasian movement's limitations and failures. The theoretical potential of the key concepts of Eurasianism, i. e. "place-development", "everyday profession of faith", "demotia" etc., remained unclear. The author offers a new approach to Eurasian thoughts based on the principle of (self)transformation of reality, which leads to the mutual transfiguration of humankind and the world. The afore said limitations of the Western methodology of history are inherent in the book by A. Etkind, who considers the history of Russia from the perspective of the so-called internal colonization. Following J. Habermas, the author defines it as an innovation of modernity, which "falls into the world of life from outside ... and force it to assimilate". The article reveals the inconsistency of this "colonialist" view of the Russian history and indicates the possibilities and real historical phenomena that allow seeing in the history of Russia not so much the colonization of the Russian world by Western "innovations" as meeting points, free "compatibility" of colonization and an alternative worldview, called "countercolonization". This can be a basis of the global and prospective Euro-Asian world system, which includes Russia. B. Maçães's book already admits an optimistic scenario of the integration of Eurasia and the West.

Keywords: Eurasia, the West, colonization, counter-colonization, synergy, Marlène Laruelle, Alexander Etkind, Bruno Maçães.

* * *

Необыкновенная широта и многоплановость концепции России-Евразии, выдвинутой сто лет тому назад первыми евразийцами, допускающей весьма разные ее трактовки и оттого порождающей

множество споров, «текучесть» персонального состава ее защитников и противников сделали ее одной из самых запутанных проблем современной русской идеологии, но вместе с тем придали ей непреходящую и притом подчеркнута политическую злободневность. Евразийская идея подвергается особенно острой критике в работах западных авторов, вполне ожидаемо видящих в ней едва ли не главное препятствие для утверждения универсального характера и всемирного доминирования западной или, говоря точнее, евро-атлантической модели глобального мира. Характерным особенностям этой критики посвящена настоящая статья, в которой в качестве примеров взяты работы французской исследовательницы, работающей в США, М. Ларюэль¹, русского ученого, переехавшего в Европу, А.М. Эткинда² и португальского автора Б. Масаеша³.

История концепции России-Евразии лишний раз подтверждает поразительное невнимание власти и общественности в России к достижениям своих соотечественников. В СССР само упоминание о евразийстве было под запретом. До сих пор наиболее систематическое исследование идеологии классического евразийства 20–30-х гг. прошлого века принадлежит перу не отечественного ученого, а французской исследовательницы Марлен Ларюэль. Между тем уже подзаголовок книги на языке оригинала — «Идеология империи» — выдает ее тенденциозность: на самом деле империя не была политическим идеалом теоретиков евразийства. В русском переводе этого подзаголовка — «Мысли о величии империи» — имперский мотив бесосновательно выражен еще явственнее. Понятно, что доказать «имперскую» природу политических воззрений тех, кто никогда не призывал восстановить в России империю, не так-то просто. Единственный аргумент в пользу своего тезиса М. Ларюэль находит в «наднациональном» характере цивилизации Евразии, что, по ее мнению, автоматически делает такое политическое образование империей⁴. Мотивы и последствия этого вывода для областей политики и идеологии, а также, в частности, для отношений между Европой и Россией слишком очевидны, чтобы здесь вдаваться в них.

Естественно, любое «имперство» в глазах современного европейца не имеет права на существование, пусть даже Россия уже чисто географически несравненно больше всей Европы к западу от ее границ и законы ее политической жизни не могут не отличаться от принятых в

¹ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004.

² Эткинд А.М. Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М., 2018.

³ Maçães B. The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. London, 2018.

⁴ Ларюэль М. Указ. соч. С. 266.

Европе. Непонятное легче всего изобразить нелогичным. В описании Ларюэль концепция России-Евразии предстает нагромождением несовместимых идей и всех мыслимых и немыслимых противоречий. Чтобы облегчить свою задачу, автор предпочитает не формулировать собственную позицию. Невозможно понять, заключает Ларюэль, что именно проповедует евразийство: «Гегелевский универсализм или ареалы цивилизаций? Биологический детерминизм или царство идей? Стремление к примирению материального и духовного начал и к “организации хаоса” или просто философскую легитимацию политических концепций? Историю циклическую или конечную? Развитие каждой нации по собственному принципу или мессианизм и всеобщность Евразии? Метафизическую иррациональность или сциентизм?.. Бытие или необходимость бытия? Закрытые национальные науки или мессианизм?»⁵

Очевидно, что перечисляемые Ларюэль оппозиции необязательно являются взаимоисключающими, а то и просто надуманы. Хорошо известно также, что наличие противоречий само по себе не только не является признаком слабости философской системы или учения, но напротив, часто служит источником их жизненности. Столь же наивно ожидать, что евразийцы знали решение поставленных ими проблем. Давно сказано, что евразийство в его первоначальной форме — это «правда вопросов, а не правда ответов» (Н.А. Бердяев). Тем не менее, сам факт незавершенности продолжающихся уже без малого сто лет споров вокруг евразийства показывает непреходящую актуальность этого учения, и даже не столько учения как такового, сколько представленного в нем подхода к истории и цивилизации России.

С особенной резкостью Ларюэль отвергает критику евразийцами европоцентризма и их концепцию цивилизационного полицентризма. Эта позиция евразийцев имеет глубокие корни в русской культуре и по-своему традиционна для русской мысли. Со времен, по крайней мере, первых славянофилов она имеет и четкое философское содержание: Европе приписывается любовь к техническим усовершенствованиям и отсутствие чувства живой цельности мира. Камнем преткновения здесь оказывалась сама природа европейской рациональности, основывающейся на идее самотождественности вещей и в результате раскалывающей целостность мира, подменяющей *мирность* мира бесконечным рядом оппозиций и противостояний. В европейской перспективе последние предстают как раз оправданием универсализма. Эта точка зрения в ее новейших изводах предлагает видеть универсальность европейской мысли в ее исключительной способности удерживать дистанцию критической рефлексии, при-

⁵ Там же. С. 60, 78.

равниваемой к свободе духа⁶. При этом возможность вырождения критицизма в псевдокритический догматизм даже не принимается в расчет. Между тем призрак догматизма неотступно преследует саму установку европейской рациональности на жестко фиксированную связь между понятием и вещью, субъектом и объектом, что Д. Жанико называл «избыточной рациональностью»⁷.

Надо признать, что стремление евразийцев выработать всеобъемлющий синтез евразийской цивилизации в единстве и даже, точнее, «органической цельности» ее геополитического, исторического и культурного измерений послужило источником множества недоразумений и малопродуктивных споров. Но, отставив в сторону все противоречия и неувязки евразийского мировоззрения, действительные или мнимые, спросим себя: в чем заключается его основание, его внутренний фокус? Таким фокусом нам видится постулирование «органической» связи между географическими характеристиками большой Евразии и присущими ей формами общественного сознания. К числу первых, согласно описаниям П.Н. Савицкого, относится прежде всего специфическая неоднородность евразийского пространства с его «антиномическим единством» леса и степи и симбиозом скотоводческого и земледельческого укладов⁸. Другая важная черта евразийского ареала по Савицкому — его проницаемость, обеспечивающая большую мобильность населяющих его кочевых народов и наличие трансконтинентальных торговых путей. Что касается мировоззренческих посылок евразийской идеологии, то в их осмысление наибольший вклад внес Н.С. Трубецкой, сформулировавший основополагающие понятия культурного и политического уклада Евразии: идеократия, демотия, бытовое исповедничество и др.

Евразийцам не удалось создать убедительный синтез двух указанных выше измерений евразийского уклада вследствие исторической ограниченности их методологического арсенала. Несмотря на все их нападки на метафизическое мышление и позитивистскую науку, они выстраивали свою теорию в том же догматически-позитивистском ключе, который безраздельно господствовал в европейской науке того времени. Пространство они рассматривали как неизменную, физически заданную территорию, а сознание — как совокупность идей, всецело доступную рефлексии. В целом они не смогли вырваться из плена метафизического дуализма, в рамках которого философия

⁶ См.: *Derrida J. L'autre cap suivi de La démocratie ajournée.* Paris, 1991.

⁷ См.: *Janicaud D. La puissance du rationnel.* Paris, 1985.

⁸ См.: *Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев.* Кн. 2. М.; Берлин, 1922; *Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи.* В 2-х т. СПб., 2000–2001.

«органической целостности» заведомо не могла сойтись с аналитической методикой.

В действительности поставленная евразийцами задача может быть решена только через выявление внутренней диалектики как пространства, так и сознания, или, другими словами, их взаимного преобразования, которое происходит в моменте *встречи* или, говоря шире, во взаимной соотнесенности разнородных или даже формально несопоставимых величин. Это означает, помимо прочего, что пространство должно быть рассмотрено и как духовный феномен, а сознание должно быть постигнуто в его внутренней связи с бытием.

Если Евразия есть прежде всего великий континент, «большое пространство», предстающее бескрайним, необъятным простором, то последнему как феномену культуры свойственна особая рода метаморфоза: оно оборачивается своей противоположностью и доступно восприятию лишь в образе глухого, изолированного, замкнутого места, «медвежьего угла». Эту трансформацию легко обнаружить в фольклоре всех народов. В русском она заявляет о себе в идеале «милый пустыньки» и во всевозможных народных утопиях вроде сказания о граде Китеже, острове Буяне, Беловодье и т.п.⁹ Внутренняя преемственность между бескрайней пустыней и уединенной пустынькой — лишь частный случай всесторонней преемственности между артефактами культуры и явлениями природы, «человеческим» и «небесным» началами, которая формирует большой стиль Евразии. Достаточно вспомнить преемственность архитектуры и рельефа, письма и природных узоров, человека и животного мира, характерную для искусства Азии. Подобная смычка лишает евразийское мировоззрение собственно гуманистического компонента, но придает человеческому существованию вселенскую значимость.

Та же диалектика, согласно учениям Востока, свойственна сознанию. Оно, как полагали восточные учителя, не имеет предметного содержания, но отождествляется с пустотой и светом и функционально по природе. Оно есть не состояние, а именно со-стояние, соотношение и поэтому представляет собой не сущность, а действие. Оттого же сознание есть именно то, чем оно не является, никогда не тождественно себе, вечно ускользает от себя, оказываясь тем самым равнозначным первичному фантазму, который предшествует всему, что доступно рассмотрению и рефлексии, всему понятному и непонятному. Действие же сознания в восточных духовных традициях означает возвращение к началу существования, к моменту рождения или даже, точнее, предвосхищения мира.

⁹ См.: Чистов К.В. Русская народная утопия: Генезис и функции социально-утопических легенд. СПб., 2003.

Обратим внимание на определенный параллелизм в представленных здесь образах пространства и сознания. И то и другое удостоверяет себя, становится собой в переходе в свою полярную противоположность. Закон существования того и другого — момент встречи как совместного преобразования вовлеченных в нее сил. В таком случае можно предположить, что полярные начала мироздания, объективное и субъективное измерения бытия, в частности интересующие нас пространство и духовный опыт, могут составлять живое единство в моменте взаимного преобразования, не отменяющего их обособленности. Речь идет об отношениях свободной совместности, или синергии, в рамках разъединяющего синтеза, причем акт превращения здесь имеет вертикальную, «небесную» ось возрастания (или очищения) качества, прочерчивает путь творческой эволюции жизни. В свете этого принципа (само)преобразования становятся понятны заявления евразийцев (как и многих других русских мыслителей) о том, что «европейская культура променяла небо на землю» и поэтому не имеет будущего¹⁰.

Указанный принцип (само)преобразования в своем роде универсален, но лишь как логическая возможность. Его нельзя свести к историческим формам культуры. По сути, он имеет метацивилизационный характер и не отменяет другого логически возможного способа самопознания, основанного на принципе самотождественности, формального соответствия понятий и вещей. Невозможно отрицать, однако, что он оказал решающее воздействие на формирование духовных традиций Азии. Это обстоятельство было подмечено, хотя почти не осмыслено, евразийскими мыслителями. Один из самых ярких примеров — знаменитая концепция «бытового исповедничества» Н.С. Трубецкого. У самого Трубецкого она осталась не более чем догадкой, весьма немногословно высказанной. Трубецкой делает акцент на имманентности культуры жизни, воплощенной в бытовом укладе, в самой повседневности существования. Он утверждает, что культуры не может быть вне быта. Это суждение еще доступно для восприятия позитивистской наукой, оперирующей, помимо прочего, понятием материальной культуры. Гораздо менее понятен в перспективе европейского Модерна тезис Трубецкого о том, что от быта невозможно отделить и духовную истину религии. В России, говорит Трубецкой, «вера входила в быт, быт — в веру»¹¹.

Критика «бытового исповедничества» противниками евразийства дает редкую возможность увидеть бессознательные послылки их мировоззрения. Выше мы могли заметить, что М. Ларюэль упрекает

¹⁰ Ларюэль М. Указ. соч. С. 62.

¹¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С.

евразийство в неспособности различать «бытие и необходимость бытия». Этот упрек проистекает из принятого в европейской интеллектуалистской рациональности противопоставления ценности и существования. По существу, тот же упрек предъявлен в концепции «двух ликов евразийства» у В.Л. Цымбурского, который пишет о сосуществовании в евразийском мировоззрении двух принципиально разных мировоззренческих парадигм — «евразийства ценностей» и «евразийства данностей»: «Евразийство ценностей твердит, что народ создается верой, а земля “выбирается” народом. Евразийство данностей вынуждено либо брать всевозможные культуры общего почвенного “месторазвития”, либо пробует создавать культуру из прагматической потребности, возводя сосуществование племен в “судьбу”»¹².

В.Л. Цымбурский не подкрепляет свое наблюдение историческими примерами, а его ссылка на Османскую империю только запутывает вопрос. Однако его методологический подход достаточно ясен: речь идет все о том же разрыве между ценностью и бытием, идеей и материей, который лежит в основе всей классической традиции европейской мысли. У Трубецкого же на удивление точно схвачена главная установка азиатского мировоззрения и сложившихся в его горизонте религиозных учений: нераздельность духовного и материального начал в мировом потоке жизни. Здесь дух, не будучи отдельной сущностью, изливается в материальный мир, пребывает в истоке мира, растекаясь в нем бесконечно разнообразными ритмами одухотворенной жизни. Заметим, что суждение Трубецкого даже дословно совпадает с формулой китайской традиции, которая гласит: «Истина *входит* в тень мира»¹³.

Итак, в азиатской мысли истина имманентна существованию, она равнозначна пределу обыденности, заключена непосредственно в быте и именно поэтому недоступна выражению, свидетельствует о себе и даже, можно сказать, оказывает неодолимое воздействие на мир изнутри него. По этой же причине реальность как спонтанная действительность и целостность жизни стоит выше субъекта, неизбежно вносящего в мир раскол и усобицу. Конечно, если истина «входит» в мир, это не означает, что она совпадает с его предметностью. Между тем и другим сохраняется необъективируемая, чисто символическая дистанция. Забвение этой дистанции равнозначно смерти традиции

¹² Цымбурский В.Л. Две Евразии: Омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Евразия. Люди и мифы / Сост. и отв ред. С.А. Панарин. М., 2003. С. 41.

¹³ Цзун Бин. Предупреждение к изображению гор и вод // Китайское искусство: принципы, школы, мастера / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М., 2004. С. 279.

и началу Нового времени. В рамках «бытового исповедничества» истина и опыт не совпадают, но и не различаются, они, как говорят в Азии, находятся в отношениях «недвойственности», неформальной синергии разнородных сил. Этим объясняется, помимо прочего, колоссальная историческая жизненность азиатских традиций и их способность к быстрой и эффективной модернизации при сохранении принципа живой целостности существования. Соответственно, Запад, приверженный идее самотождественности вещей, одержим созданием союзов и блоков, а Китай (и на свой лад Индия и Россия), став глобальной державой, держится принципа «быть вместе, не вступая в союзы».

Обозначенная выше проблематика в несколько ином ракурсе раскрывается в еще одной теме, популярной среди западных авторов, пишущих о России-Евразии, — теме так называемой «внутренней колонизации». Ей посвящена, в частности, книга А.М. Эткинды. Где колонизация — там, понятно, есть империя: в подзаголовке книги уточняется, что речь идет об «имперском опыте России». Само выражение «внутренняя колонизация» может показаться странным, даже парадоксальным. Колонии, согласно общепринятому значению этого слова, должны находиться за пределами метрополий и по всем параметрам кардинально отличаться от них. Однако, по Эткинду, понятие внутренней колонизации — это «старинный и хорошо проверенный инструмент познания»¹⁴. Законность полюбившегося ему оксюморона он старается обосновать, максимально расширяя его смысл. Он относит к нему и экспансию России, и ориентализм в культуре, и крепостное право с крестьянской общиной, и отношение русской интеллигенции к народу, и некоторые характерные мотивы русской и европейской литературы. Поминается даже Гитлер, который «внутреннюю колонизацию» как раз отвергал. Мысль автора свободно скользит между сюжетами истории, политики, литературы, психологии, философии. Этой манере изложения соответствует рыхлая композиция книги, составленной из первоначально самостоятельных очерков. Но, как гласит французская поговорка, *qui prove trop, ne prove rien*¹⁵. За паутиной фактов, персонажей и сюжетов нелегко разглядеть, как проявляется и действует в обществе и истории «внутренняя колонизация» и что именно она означает.

В широком смысле А.М. Эткинд считает колонизацией характерную для Европы интеллектуальную дрессуру: внедрение в индивидуальное и общественное сознание определенной идеологической схемы

¹⁴ Эткинд А.М. Указ. соч. С. 17.

¹⁵ Кто доказывает слишком много, не доказывает ничего (*фр.*).

с ее набором ценностей, идеалов, правил рассуждения, норм поведения и проч. Этот процесс, естественно, не обходится без насилия, но оно, в глазах самих колонизаторов, вполне оправданно, поскольку речь идет о рационализации жизни и историческом прогрессе. Теоретическое оправдание «внутренней колонизации» А.М. Эткинд находит в «коммуникативном действии» Ю. Хабермаса. Последний называет его «сверхструктурой», объединяющей познавательные, правовые и даже конституционные изменения в обществе. Всё очень просто: новации современности, утверждает Хабермас, «попадают в жизненный мир извне... и принуждают его к ассимиляции»¹⁶. «Коммуникативное действие» Ю. Хабермаса с его претензией на формализованную (и, следовательно, рациональную в духе Канта) универсальность действительно стремится подчинить себе все культурные практики и знаменует, в сущности, новейшее издание европоцентризма, который выдает себя за высшую разумность.

Можно сразу с уверенностью сказать, что такой теоретический багаж не поможет А.М. Эткинду понять Россию, пусть даже на поверхности он соответствует главному сюжету русской истории: европеизации России — столь же упорной, сколь и безуспешной. Большим недостатком книги А.М. Эткинда является нежелание автора разобрататься в природе «туземного» сознания в России. Последнее остается у него пассивным объектом, пребывающим во мраке невежества и подлежащим «ассимиляции» западным Просвещением. Если оно и может привлечь к себе интерес или даже мимолетную симпатию самоуверенного колонизатора от европейского прогресса, то только в рамках романтической традиции той же Европы, этой оборотной стороны европейского рационализма.

Позиция А.М. Эткинда по-своему традиционна для западных наблюдателей России, которые, как Джордж Кеннан, склонны считать ведущим фактором русской жизни «невротический страх» правящего класса России, порожденный чувством «незащищенности» перед внешним миром. Но почему только «незащищенность»? Разве «бескорыстная открытость миру» (В.В. Библихин) не есть как раз лучший способ защитить себя и даже, согласно китайской стратегии, одержать победу? Еще один показательный пример той же коллизии — мнение Юлии Кристевой, которая противопоставляет европейский идеал самостоятельного, свободного, сознающего свою гражданскую ответственность индивида типу личности, сформировавшемуся в русле православной традиции: эта личность наделена богатой чувственностью и по-своему одухотворена, но неспособна разорвать пути патри-

¹⁶ Цит. по: Эткинд А.М. Указ. соч. С. 17.

архального диктата и потому обречена на инфантилизм и душевную подавленность, прерываемую вспышками агрессии¹⁷. Примечательно, что Кристева ставит в упрек русской личности то самое положение, которому дается безусловно положительная оценка в известном изречении афонского старца: «Держи ум в аду и не отчаивайся».

При всем разнообразии исторических ситуаций, индивидуальных мнений и характеров нет сомнения в том, что в истории России «колонизуемый» объект, масса «туземного» населения и в первую очередь русский народ не только стойко сопротивлялись западным просветителям, но и во многом сами оказали на них сильнейшее, порой определяющее влияние. Недаром латинское слово «культура» в России переименовали в халтуру. Ради исторической объективности А.М. Эткинду приходится считаться с мнением тех русских историков и политиков, которые начиная с екатерининских времен подчеркивали мирный характер русской экспансии на Север и Восток, тогда как отношения русских с носителями западного просвещения всегда характеризовались политической и культурной конфронтацией. Классическое описание природы русской экспансии дал Э.Э. Ухтомский в брошюре «К событиям в Китае: об отношении Запада и России к Востоку: рубеж XIX–XX веков». Русские первопроходцы в Сибири, писал Ухтомский, «на каждом шагу открывали не новый мир, но зачастую с детства знакомый инородческий люд, с которым вовсе не трудно было — смотря по обстоятельствам — сражаться или ладить. <...> К их дорожному или сторожевому костру по ночам без робости и отчуждения приближалась мало чем от них отличавшаяся фигура инородца. У общего котла и ему очищалось место, в общей незатейливой беседе и его голос получал иногда решающее значение»¹⁸.

Довольно долго А.М. Эткинд не придает значения преимущественно мирному характеру экспансии России на Восток, видя в нем только продукт официальной пропаганды, «риторическую стратегию», причем обслуживавшую одновременно и национальное, и имперское начала. Но в конце концов он вынужден признать фундаментальным фактом русской истории именно *встречу*, отчасти враждебную, отчасти мирную, «колонизаторского» и «колонизуемого» начал как равноправных сил. Более того, он отмечает, что периферия и нерусские народы в Российской империи даже имели существенные

¹⁷ Kristeva J. Crisis of the European Subject. New York, 2000. P. 152.

¹⁸ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае: об отношении Запада и России к Востоку: рубеж XIX–XX веков. М., 2011. С. 79–80. Кстати, нарисованная Ухтомским картина удивительным образом совпадает с обстоятельствами первой встречи отряда Владимира Арсеньева с местным охотником Дерсу Узала в одноименном фильме Акиры Куросавы.

преференции перед центром и коренным народом империи, что делало последнюю своеобразной антиколонией. А.М. Эткиндр называет это явление «отрицательной гегемонией», «обратным градиентом», но не пытается его объяснить. Чтобы удержать свою первоначальную позицию, он утверждает, что аборигенное население охотно принимало гегемонию империи и служило для последней своеобразным зеркалом, укреплявшим имперское самосознание. Звучит малоубедительно. Как бы там ни было, мотив «внутренней колонизации» в книге А.М. Эткиндр постепенно отходит на задний план, и стержнем исследования становится взаимодействие «колонизации» и, так сказать, «контрколонизации». Это взаимодействие имеет на удивление много форм и модальностей, и западная «колонизационная» рациональность далеко не всегда играет в нем самую активную и ведущую роль.

А.М. Эткиндр подчеркивает, что империя, в отличие от нацигосударства, предпочитала иметь дело не с индивидами, а с целыми сообществами: сословиями, этническими группами, профессиональными корпорациями, соседскими или конфессиональными общинами и т.д. Считая единственной исторической перспективой империй их превращение в национальное государство, он полагает, что имперская политика слишком примитивна и груба, так что для нее недостижимы «точность попадания, глубина проникновения, тонкость настройки»¹⁹. Суждение явно ошибочное, показывающее непонимание автором как раз «антиколониальной» природы правления в России. Сама ориентация имперской власти на отдельные сообщества указывает на ее готовность признать и принять естественные формы социальной организации и не делать их объектом «колониальной ассимиляции». Не следует путать империю с тоталитаризмом, который был как раз детищем западного Модерна.

Несостоятельность идеи «внутренней колонизации» наглядно обнаруживается в попытках автора рассмотреть оппозицию «колонирующего» и «колонируемого» начал русской истории в отдельных аспектах общественной жизни. Наиболее показателен его очерк о социальной природе народных сект — предмета особенно хорошо знакомого А.М. Эткиндр. Революционные интеллигенты в России часто видели в сектантах своих естественных союзников, искали их поддержки. Это неслучайно: сектанство повсюду в мире — явление позднее, выросшее из отрицания символического миропонимания традиции, апеллировавшее к букве канона и эмпирическим качествам опыта, что на практике делало его частью движения за новое, светское по сути, рациональное понимание мира. Недаром Вл.С. Соловьев

¹⁹ Эткиндр А.М. Указ. соч. С. 229.

назвал русское старообрядчество «протестантизмом восточного обряда». Тем не менее, эффективной смычки революционного обновления и сектантства не только в России, но и во всем ареале Евразии не получилось. Причина заключалась в принципиальной замкнутости сектантских движений, которые заняли отдельную нишу в общей конфигурации культуры, изначально им уготовленную, но как раз поэтому оставались прямыми наследниками традиции и ее «тайны империи». Иными словами, сектантство было самобытным отрицанием своей культурной самобытности, по-прежнему недоступным «объективному рассмотрению». В этом качестве оно, конечно, не могло быть движущей силой модернизации. Отсюда вывод: «внутренняя колонизация», по крайней мере в государствах имперского типа, обладает неизмеримо большим потенциалом жизненности, чем кажется «колонизаторам» европейской выделки. Этого автор не замечает. Время от времени он наталкивается на тайну взаимной дополнительности и даже преемственности «колонизирующих» и «колонизуемых», но в отсутствие дискурса или даже, лучше сказать, метадискурса, позволяющего согласовать столь разные системы мировоззрения, эта тайна остается для него эпизодом, не то забавным, не то зловещим, в котором «колонизаторы» могут только манипулировать невежественными туземцами посредством импровизированных фейковых ритуалов из разряда карго-культов. Пропать между теми и другими дает о себе знать в геноциде аборигенного населения.

В поисках разгадки секрета контрколонизации А.М. Эткинд в последних главах своей книги обращается к персонажам, олицетворяющим загадочное двуединство колонизации и контрколонизации. В центре его внимания оказываются герои романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы» и повести Н.С. Лескова «Очарованный странник». Первое произведение — в своем роде знаковое, чье влияние простирается до голливудского блокбастера «Апокалипсис сейчас», — демонстрирует принципиальную несовместимость колонизации и колонизуемых, тогда как второе, наоборот, показывает их совместность в жизни русского человека. Такая совместность, вообще говоря, составляет очень важный мотив в русской литературе. Достаточно вспомнить уже упоминавшуюся повесть В.К. Арсеньева «Дерсу Узала». Еще более яркий пример такого сюжета дает повесть М.М. Пришвина «Жень-Шень». Глубинный нерв обоих произведений — встреча людей, представителей очень разных народов и культур, на далеких перифериях своих цивилизаций. Встреча, перерастающая в дружбу, преобразует ее участников. А условием и средой этого преобразования выступает девственная природа, ее «живая тишина» (выражение М.М. Пришвина) — вестница сокрытого истока бесконечно

разнообразного движения жизни. Так сама жизнь в ее первоизданной чистоте парадоксальным на первый взгляд образом очеловечивает человека. В азиатских религиях человек удостоверяет свое достоинство несотворенной «небесной» полнотой своей природы. Чем больше он открывает в своем сердце «небесную» глубину, тем человечнее он становится.

Очень верное и важное, хорошо известное из фольклора, но остающееся неосмысленным в книге А.М. Эткинды наблюдение: русский человек в пределе своего самосознания предстает загадочным эксцентриком, святым юродцем, любителем гротескного пародирования, играющим со всеми истинами и ценностями, прячущим возвышенное в низменном, мудрость — в неистовстве. Он «валяет дурака» и притом охотнее всего перед Европой, ведь это его ответ на вызов западного колонизаторства и на скрытое в этом вызове насилие. Ибо насилие в русской жизни, часто беспричинное, избыточное, было не чем иным, как следствием неудачи стратегии колонизации, хоть внутренней, хоть внешней. Недаром французы говорят: «Декарт в России сошел с ума».

Игра ценна тем, что может сгладить остроту проблемы, которая, как сама встреча субъективного разума и жизни, не поддается разрешению. В России она принимает радикальные, нарочито вызывающие формы. Та же проблема, к слову сказать, была известна и в цивилизациях Восточной Азии, но там она решилась иным, неизвестным в Европе способом: культивированием серьезного отношения к игре, ее внутренней искренности, не допускавшей трагического мироощущения²⁰.

Пора назвать центральную коллизию русской жизни, неожиданно обнажаемую разговором о «внутренней колонизации» в России. Эта коллизия заключается в сверхлогической соотнесенности, свободной совместности принципиально несходных мировоззренческих перспектив. Речь идет о сокровенной, неопределимой преемственности и о подлинной встрече, которая дает каждой вещи полноту ее бытия, гарантирует равноценность всех моментов существования. Живущий встречей умеет оставлять и даже пред-оставлять всему свободу быть таким, каким каждому суждено быть, и притом даже прежде, чем в нем пробудится самосознание. Это означает, что встреча требует любезно-церемонного или, как замечательно говорится по-русски, об-ходительного, пред-упредительного, т.е. в широком смысле ритуального, поведения, проникнутого духовным бдением и потому исключающего конфронтацию и конфликты. Вот подлинная почва бытового исповедничества.

²⁰ *Малявин В.В.* Китайский этос, или Дар покоя. Иваново, 2016. С. 282–284.

Встреча несет преобразование всем причастным к ней. Поскольку она есть принцип вездесущего и всеобъемлющего превращения, в ее свете всё есть ровно настолько, насколько не есть, всё пребывает во всем, еще не имея идентичности. В ней, чтобы быть, надо не быть. Задание мудрого — прозреть в себе иное, которое есть бесконечная конечность, вездесущее пограничье.

Колонизация во всех ее смыслах сводится к стратегии внутренне однородного субъекта, который утверждает себя ценой отделения от мира и вожделеет господства над миром. Она кончается там, где исчезает разделение на «своих» и «чужих» и мы вступаем в пространство встречи, где ищется не конфронтация, а соответствие, пространство бесконечно утончающихся дифференциальных отношений, где все люди становятся ближними. В этом пространстве есть место и для «глубины проникновения», и для «тонкости настройки». Здесь пролегал самая прямая дорога к всемирности.

Последняя интересующая нас книга написана дипломатом из Португалии и в полной мере отразила профессиональный опыт и менталитет дипломатических работников. В ней нет сколько-нибудь системного взгляда на ту геополитическую реальность, которую принято называть Россией-Евразией, но есть остроумные наблюдения и суждения. Желая воочию увидеть Россию в ее «евразийском» состоянии, Б. Масаеш проделал длинное путешествие по России и Азии. В итоге получился коктейль из путевых заметок, культуртрегерских монологов и рассказов на темы географии и истории. Автор с энтузиазмом смотрит на евразийский регион. Он приветствует «рассвет Евразии» и видит в нем «путь к Новому мировому порядку». «История ведет нас в мир, в котором сотрется граница между Европой и Азией», — утверждает он²¹. Вопрос в том, когда и каким образом сотрется эта граница. Пока что она не только не стирается, но становится все более явной.

Запад и Восток у Б. Масаеша находят в заведомо неравном положении. Автор отлично знает европейскую политику, на Россию же смотрит глазами путешественника-дилетанта. Как раз поэтому поучительно знать то, что он *не* говорит о Европе и что именно видит в России и на Востоке.

Проект объединенной Европы автор сомнению не подвергает, но не стесняется назвать его главный недостаток «регулятивным империализмом», который означает, по сути дела, приверженность бюрократической казуистике и регламентам консенсуса. Б. Масаеш хорошо видит, что европейский юридический формализм наталкивается на

²¹ *Maçães B. Op. cit. P. 18.*

непонимание и открытое противодействие в Евразии (противоречия внутри ЕС и тем более диктат ЕС в отношении его слабых соседей он предпочитает не замечать). Теоретической проблемы он здесь не видит, но она существует. Требование идеального консенсуса происходит из либеральной идеи создания безупречных условий жизни, которые должны обеспечить свободное развитие каждой личности. На практике выходит иначе. Свободный рынок служит интересам сильнейших, а стремление угодить каждому и, значит, всех разделить попросту лишает коммуникацию смысла, т.е. того самого преобразующего опыта встречи, который составляет экзистенциальный смысл жизни. Этот смысл нельзя вывести из инженерии жизненного комфорта. Людям оказывается ненужным или, по крайней мере, они не ценят как раз то, что у них есть. Сегодня все явственнее проявляется противостояние формалистически замкнутой Европы и глобальных амбиций Азии, имеющих своим основанием живую совместность людей. К чести автора он признает, что ЕС нуждается в Евразии и без нее скорее всего обречен на развал. Правда, никаких путей разрешения новой мировой конфронтации Б. Масаеш предложить не может. Вот здесь и приходят на помощь столь милые дипломатам ирония и анекдоты: игра остроумия, как было отмечено выше, позволяет сгладить и обойти неразрешимые коллизии.

Уже в самом начале путешествия по России самоуверенность португальского дипломата наталкивается на резкий афронт студентов из Краснодара. Они бывали в Европе, но не прониклись к ней не то чтобы любовью, но даже дружеской симпатией: «Европа может только сказать, чем я не являюсь: я не европейка, не женщина, может быть, не живая», — говорит одна из них²².

Чувствуется в этих словах затаенная обида. Русские всегда хотели быть европейцами и... не могут стать ими. Россия странным образом предстает одновременно как недоевропа и ультраевропа. Она лишена европейского чувства меры и считает европейскую любезность лицемерием. Если в Европе периодически регистрируют «кризис цивилизации», то в России сложилась настоящая цивилизация кризиса. Россия «голосует сердцем» и ищет какую-то беззаветную искренность — вещь в «цивилизованном» обществе крайне редкую, да и бесполезную. Б. Масаеш способен сочувствовать глубинной искренности русских. Он одобрительно ссылается то на Иосифа Бродского, утверждавшего, что в России хаос является гарантией стабильности власти, то на Виктора Пелевина, назвавшего русскую «духовность» первозданной, звериной субстанцией жизни, не прикрытой культурой²³.

²² Ibid. P. 90.

²³ Ibid. P. 135.

Если Россия застыла в своей раздвоенности по отношению и к Западу, и к Востоку, то в Китае Б. Масаеш находит очень цельное и действенное мироощущение. Он поражен динамизмом жизни и интенсивностью социального общения в этой стране. Виртуальная реальность IT и физическая жизнь срослись там до степени, невысказанной в Европе: люди и деньги ушли в Сеть, и даже красные конверты (универсальный в Китае способ делать подарок, и обязательно деньгами) пересылаются по Интернету. Б. Масаеш одобрительно цитирует английского публициста М. Жака, заметившего, что в Китае «исторические перемены совпадают с ритмом индивидуальной жизни»²⁴. Впрочем, это на самом деле традиционная черта китайского мировосприятия. Просто современные IT позволили ей выйти на поверхность жизни.

Говоря о Японии, Б. Масаеш подчеркивает точки соприкосновения японского и европейского типов мировоззрения. Со ссылкой на известный роман Дз. Танидзаки «Наоми» (список подобных сюжетов легко продолжить) он констатирует, что японцы в собственных глазах «копируют духовную пустоту Запада». В таком случае, что означает европейский миф о «бездуховных» азиатах в Европе, уже потерявшей свое христианство? Не бессознательную ли проекцию собственной «бездуховности» на обитателей Азии, очередную и на этот раз зловещую вариацию на тему азиатской экзотики? А японцы после ряда крутых поворотов своей истории, кажется, смирились с ролью ретрансляторов пустоты американизма на сопредельные страны.

Что касается Китая, то он, как можно сегодня констатировать, нашел свой выход из порочного круга «пустотной», отрицательной идентичности. После нескольких десятилетий революционных катаклизмов Китай пришел к идеалу всеобщего умиротворения, к полной нейтрализации политического в модусе того, что Лао-цзы называл «предвосхищающим прозрением»: моментом перехода вещи в свое инобытие, совместности сущего и несущего, возвышенного и обыденного, исключительного и всеобщего. Кажется, этот момент радостной открытости грядущему, духовного бдения в актуальном переживании и есть та «китайская мечта», которую сегодня проповедуют китайские власти, упорно (и обоснованно) не давая ей точных определений. Пожалуй, самую правдивую ее формулу я увидел однажды в надписи на плакате, украшавшем стену торгового центра в Гуанчжоу: «Весь народ танцует китайскую мечту!»

Свобода жизненных метаморфоз возвращает всех к истоку жизни. Во внешней политике этой истине соответствует «твердая

²⁴ См.: Jacques M. When China Rules the World: the End of the Western World and the Birth of a New Global Order. New York, 2009.

сдержанность» (если позволительно так сказать) позиции Китая по всем вопросам, за исключением защиты собственного суверенитета (каковой есть, строго говоря, право на эту сдержанность). Согласно Б. Масаешу, европейские политики понимают эту сдержанность как чистый прагматизм и отсутствие стратегии²⁵. Вопрос спорный, требующий переосмысления самого понятия стратегии. Если стратегия есть действие, по определению неопределимое в заданной системе координат, то не заключается ли идеальная стратегия в самом отсутствии стратегического плана? В любом случае умение жить актуальностью момента, сознавая его предпосылки и перспективы на будущее, т.е. включая в настоящее и прошлое, и будущее, и есть подлинное основание стратегии в Китае.

Несколько десятков страниц книги Б. Масаеша посвящены Астрахани — действительно центру Евразии и, как утверждают местные жители, колыбели мировой торговли. Разговор об Астрахани служит для автора поводом порассуждать о важности инфраструктуры в Евразии. И действительно, передвижение — подлинный прообраз евразийского быта-бытия еще и в том отношении, что оно утверждает совместность, некую сокровенную преемственность экстерриториального пространства движения и романтической ауры места. Такая исключительность всеобщего или, если угодно, всеобщность исключительного и есть геополитическая формула России-Евразии.

Главный вывод Б. Масаеша состоит в том, что Европа и Азия вместе входят в постисторический мир с его «реальным временем» цифровых технологий, где прошлое и будущее сходятся в вечно длящемся настоящем. Автор противопоставляет этому евро-азиатскому миру *всеобщей совместности* Америку «с ее верой в Бога и национальный суверенитет»²⁶. Противопоставление сомнительное, тем более что прообраз будущего глобального мира Б. Масаеш видит в Сингапуре, который «имеет более прочные связи с Европой и США, чем с его соседями по Азии» (что, заметим попутно, не мешает властям Сингапура пропагандировать «азиатские ценности», противопоставляя их нравам «прогнившего Запада»). Даже затянувшийся Брекзит кажется Масаешу шансом для Англии стать «гигантским атлантическим Сингапуром», «новой евразийской столицей»²⁷. Всё может быть. Но для начала надо понять, соединится ли когда-нибудь Россия-Евразия с Западом.

²⁵ *Maçães B.* Op. cit. P. 255.

²⁶ *Ibid.* P. 267.

²⁷ *Ibid.* P. 288.

References

Chistov K.V. *Russkaya narodnaya utopiya: Genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend* [Russian Folk Utopia: Genesis and Functions of Socio-Utopian Legends]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 538 p.

Derrida J. *L'autre cap suivi de la démocratie ajournée*. Paris: Minuit, 1991. 123 p.

Etkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya: imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. 441 p.

Jacques M. *When China Rules the World: the End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. New York: Penguin Press, 2009. 576 p.

Janicaud D. *La puissance du rationnel*. Paris: Gallimard, 1985. 386 p.

Kristeva J. *Crisis of the European Subject*. New York: Other Press, 2000. VIII, 183 p.

Laruelle M. *Ideologiya russkogo yevraziystva, ili Mysli o velichii imperii* [Russian Eurasianism: An Ideology of Empire]. Moscow: Natalis, 2004. 287 p.

Maçães B. *The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order*. London: Penguin Random House, 2018. 304 p.

Maliavin V.V. *Kitayskiy etos, ili Dar pokoya* [Chinese Ethos, or the Gift of Rest]. Ivanovo: Roshcha, 2016. 520 p.

Rostovtseff M.I. *Obshchestvo i khozyaystvo v Rimskoy imperii* [The Social and Economic History of the Roman Empire]. In 2 vols. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 1. 2000. 398 p.; Vol. 2. 2001. 410 p.

Savitsky P.N. *Step' i osedlost'* [Steppe and Settlement] // *Na putyakh: Utverzheniye yevraziytsev* [On the Ways: Affirmation of the Eurasians]. Book 2. Moscow; Berlin: Gelikon, 1922, pp. 341–356.

Trubetskoy N.S. *Naslediye Chingiskhana* [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow: Agraf, 1999. 554 p.

Tsyburskiy V.L. *Dve Yevrazii: Omonimiya kak klyuch k ideologii rannego yevraziystva* [Two Eurasias: Homonymy as a Key to the Ideology of Early Eurasianism] // *Yevraziya. Lyudi i mify* [Eurasia. People and Myths] / Compiled and ed. by S.A. Panarin. Moscow: Natalis, 2003, pp. 22–49.

Ukhtomsky E.E. *K sobytiyam v Kitaye: ob otnoshenii Zapada i Rossii k Vostoku: rubezh XIX–XX vekov* [On the Events in China: About the Attitude of the West and Russia to the East at the Turn of the Nineteenth and Twentieth Centuries]. Moscow: URSS; Librokom, 2011. 87 p.

Zong Bing. *Preduvedomleniye k izobrazheniyu gor i vod* [An Introduction to Painting Mountains and Waters] // *Kitayskoye iskusstvo: printsipy, shkoly, mastersa* [Chinese Art: Principles, Schools, Masters] / Compiled, transl., introduced and commented by V.V. Maliavina. Moscow: Astrel'; AST; Lyuks, 2004, pp. 278–280.

Поступила в редакцию
12 октября 2019 г.

Р.Р. Вергазов *

**САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО
АХЕМЕНИДСКОГО ИРАНА. К ПРОБЛЕМЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ И ТИПОЛОГИИ
ДРЕВНЕПЕРСИДСКИХ ПАРАДИЗОВ**

R.R. Vergazov

**THE LANDSCAPE-GARDENING ART
OF ACHAEMENID IRAN. ON RECONSTRUCTION
AND TYPOLOGY OF ANCIENT PERSIAN PARADISES**

Аннотация. Столичные дворцовые комплексы Ахеменидского Ирана (VI–IV вв. до н.э.) в Пасаргадах, Сузах и Персеполе воплотили принцип большого синтеза искусств, в котором органично соединились архитектура и скульптура, а также ландшафтная среда. Именно в эпоху Ахеменидов возникает особый тип иранского регулярного сада — парадиза, следы которого были обнаружены археологами в центре дворцового комплекса в Пасаргадах. Анализ античных источников (трудов Ксенофонта и Луция Флавия Арриана) позволяет выявить специфику древнеперсидских садов-парадизов и охотничьих парков, их различные подвиды, особенности устройства и семантики дворцового сада. Изучение клинописных табличек из «фортификационного архива» и «архива сокровищницы» Персеполя также предоставляет ценные данные о найме специальных работников, ухаживавших за царскими садами. Кроме того, эламские клинописные таблички из Персеполя указывают на существование приусадебных садов (“partetas”), которые заметно отличались от парадизов, поскольку имели преимущественно сельскохозяйственное назначение. Рассмотрение сохранившейся каменной ирригационной системы царского парадиза Пасаргад позволяет выявить строгую геометрическую планировку ахеменидских садов с пересекающимися аллеями, которые создают четырехчастную структуру сада. Впоследствии иранское садово-парковое искусство возьмет эту композицию за основу персидского четырехчастного сада («чахар баг»). Наличие компактных парковых павильонов сближает царский парадиз Пасаргад с более ранними ассирийскими садами в

* *Вергазов Рамиль Рафаилович*, научный сотрудник отдела Древнего Востока Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Vergazov Ramil' Rafailovich, Research Fellow, Department of the Ancient East, The Pushkin State Museum of Fine Arts

ramil.vergazov@arts-museum.ru

Хорсабаде и Ниневии (конец VIII–VII вв. до н.э.). В классических дворцовых комплексах Ахеменидов в Сузах и Персеполе садово-парковое искусство теряет свое значение и фактически становится дополнением к архитектуре. За счет этого царские сады Ахеменидов V–IV вв. до н.э. обладали большей компактностью и камерным характером. В связи с этим рассматривается актуальный вопрос локализации дворцовых садов в Сузах и Персеполе. На основе всех собранных археологических данных и письменных источников автор исследует проблемы типологии и реконструкции садово-паркового искусства Ахеменидского Ирана.

Ключевые слова: Ахеменидский Иран, садово-парковое искусство, древнеперсидские охотничьи парки, парадиз в Пасаргадах, царские сады в Сузах и Персеполе, типология и реконструкция ахеменидских садов.

Abstract. The capital's palace complexes of the 6th–4th-century BCE Achaemenid Iran in Pasargadae, Susa and Persepolis embodied the principle of a synthesis of arts, in which architecture and sculpture, as well as the landscape environment, were organically combined. A special type of Iranian regular garden — a paradise — emerged in the era of the Achaemenids and its remains were excavated by archaeologists in the center of the palace complex in Pasargadae. The analysis of ancient texts (the works by Xenophon and Lucius Flavius Arrian) reveals the specifics of ancient Persian gardens-paradises and hunting parks, their various categories, organizational features and semantics of the palace garden. The study of cuneiform tablets from the “Fortification” and “Treasury” archives of Persepolis also provides valuable data on the hiring of special workers who cared for the royal gardens. Additionally, the Elamite cuneiform tablets from Persepolis evidence the existence of home gardens (“partetaš”) that, being predominantly agricultural, markedly differed from the paradises. The examination of the extant stone irrigation system of the royal paradise in Pasargadae reveals a strict geometric layout of the Achaemenid gardens with intersecting alleys that create a four-part garden structure. Subsequently, Iranian landscape-gardening art will take this composition as the basis of the Persian four-part garden (“chahar bagh”). The presence of compact park pavilions brings the royal paradise of Pasargadae closer to the earlier Assyrian gardens in Khorsabad and Nineveh in the late 8th–7th centuries BCE. In the classical Achaemenid palace complexes in Susa and Persepolis, landscape-gardening art loses its significance and supplements architecture. Due to this fact, the royal gardens of the Achaemenids in the 5th–4th centuries BCE were more compact and intimate. In this regard, the author considers the relevant issue of localization of the palace gardens in Susa and Persepolis. He explores the problems of typology and reconstruction of landscape-gardening art in Achaemenid Iran on the basis of all the collected archaeological data and written sources.

Keywords: Achaemenid Iran, landscape-gardening art, ancient Persian hunting parks, the paradise in Pasargadae, royal gardens in Susa and Persepolis, typology and reconstruction of Achaemenid gardens.

Официальное искусство эпохи Ахеменидов (550–330 гг. до н.э.) — значимое явление в истории древневосточной художественной культуры I тыс. до н.э. Масштабные дворцовые комплексы персов в Пасаргадах, Сузах и Персеполе представляют органичный синтез архитектуры и монументального искусства. Не менее значимую роль в возникшем синтезе играла ландшафтная среда. Одним из главных достижений садово-паркового искусства Ахеменидов является создание особого типа регулярного сада — парадиза. Наиболее репрезентативный образец древнеперсидского парадиза был найден в ходе археологических исследований 1950–1960-х гг.¹ архитектурного ансамбля Пасаргад (540–530 гг. до н.э.) — первой столицы ахеменидской державы. Несмотря на слабую сохранность памятников садово-паркового искусства Ахеменидов, данный материал привлекает все большее внимание исследователей, поскольку древнеперсидский парадиз представляет собой специфически иранское явление, возникшее под воздействием богатого наследия древневосточного ландшафтного искусства I тыс. до н.э. На сегодняшний день степень изученности не только дворцовых комплексов Ахеменидов, но и письменных источников позволяет поставить вопросы о реконструкции и типологии древнеперсидских садов, рассмотрению которых и посвящена настоящая статья.

Следует отметить, что царский парадиз Кира II является единственным сохранившимся памятником садово-паркового искусства Ахеменидского Ирана и служит отправной точкой для большинства реконструкций древнеперсидских парадизов. По всей вероятности, уникальность царского сада Пасаргад связана не только с сохранностью системы каналов, но и с положением садово-паркового искусства в художественной традиции времени Кира (558–530 гг. до н.э.). Действительно, позднее в классических дворцовых комплексах Ахеменидов в Сузах и Персеполе сады теряют свое значение и фактически становятся дополнением к архитектуре, занимающей ключевое место в общем замысле и планировке комплекса. Очевидно, что сады V в. до н.э. обладали большей компактностью и камерным характером. Вероятно, изменение значения садово-паркового искусства связано с утвердившимся в эпоху Дария I (522–486 гг. до н.э.) преобладанием архитектуры в большом синтезе искусств как главного, стилиобразующего элемента официальной художественной традиции древней

¹ Sami A. Pasargadae. The Oldest Imperial Capital of Iran. Shiraz, 1956. P. 75–77; Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963. Oxford University Press, 1978. P. 107–112.

Персии. В раннеахеменидский период, напротив, сохранялся баланс между архитектурой и садово-парковым искусством: они органично взаимодействовали в рамках единого ансамбля Пасаргад.

Письменные источники

Садово-парковое искусство Древнего Востока I тыс. до н.э. крайне трудно исследовать, так как, в отличие от архитектуры, садово-парковая среда без надлежащего ухода довольно быстро разрушается, постепенно сливаясь с окружающим природным ландшафтом и практически не оставляя следов. Случай парадиза в Пасаргадах, с наличием археологических свидетельств его существования, скорее служит исключением из правил. Но помимо археологических исследований, важные сведения о садах и парках эпохи Ахеменидов содержатся в трудах античных авторов, а также на клинописных табличках из так называемого «фортификационного архива» и «архива сокровищницы» Персеполя.

Что касается античных источников, то наиболее значимые упоминания о садово-парковом искусстве персов встречаются в трудах «Киропедия», «Анабасис Кира Младшего», «Греческая история» и «Домострой» Ксенофонта (IV в. до н.э.), а также в «Анабасисе Александра Македонского» Луция Флавия Арриана (II в. н.э.). Из вышеупомянутых трудов показателен отрывок из «Домостроя» Ксенофонта, описывающий парк Кира Младшего в Сардах (конец V в. до н.э.). Здесь античный автор впервые приводит название древнеперсидского сада — “*paradeisos*”. Кроме того, Ксенофонт отмечает регулярность парка в Сардах, в котором ряды деревьев расположены на одинаковом расстоянии под прямым углом (Хеп. Оес. IV, 20–25). Автор также делает важное замечание о том, что проект парка был разработан самим Киrom Младшим, участвовавшим и в посадке растений. Этот фрагмент «Домостроя» указывает не только на регулярность древнеперсидского сада, но и на реализацию символического образа царя-садовника², восходящего к месопотамской традиции II–I тыс. до н.э.

Не менее важны сообщения Ксенофонта в «Киропедии» и «Анабасисе Кира Младшего» о существовании у Ахеменидов охотничьих парков, восходящих к ассирийской садово-парковой традиции (“*ambassu*”)³. В частности, в «Анабасисе» древнегреческий историк описывает охотничий парк Кира Младшего в Келенах, который нахо-

² *Stonach D.* The Garden as a Political Statement: Some Case Studies from the Near East in the First Millennium B.C. // *Bulletin of the Asia Institute. New Series.* 1990. Vol. IV. In honor of Richard Nelson Frye: Aspects of Iranian Culture. P. 171–180.

³ Судя по надписи царя Синаххериба из Ниневии, ассирийский “*ambassu*” сочетал функции охотничьих парков и ботанических садов, см.: *Oppenheim L.A.* On

дился рядом с дворцом и был органично вписан в окружающий природный ландшафт. Охотничий парк в Келенах делила на равные части река Меандр. Его размеры были весьма внушительны, поскольку Кир охотился на зверей верхом (Хен. Anab. I, 2. 7). По всей вероятности, зверей для охоты специально завозили и содержали в таких парках, которые существовали не только в царских резиденциях, но и в центрах сатрапий (Хен. Суг. VIII, 6. 12). Краткое упоминание в «Греческой истории» Ксенофонта о дворце Фарнабаза в Даскилее дает сведения о том, что для охоты использовались «как загороженные парки, так и открытое пространство» (Хен. Hell. IV. 1. 15), т.е. искусственно созданные охотничьи парки, скорее всего, были огорожены стеной, которая могла иметь ворота. Вероятно, в их пределах находились и парковые павильоны. Не исключено, что для удобства охоты верхом естественный ландшафт могли выравнять⁴. Показательно, что Ксенофонт при описании охотничьих парков в Келенах и Даскилее называет их «парадизами», что может указывать на их регулярную планировку и наличие искусственных насаждений.

Не менее значимым является сообщение Арриана в «Анабасисе Александра» о том, что гробница Кира в окрестностях Пасаргад находилась в царском парке («парадизе») с «рощей из всех видов деревьев»⁵ и лугами, по которым протекала река (Arr. Anab. VI. 29. 4). Вероятно, Арриан описал еще один подвид садово-паркового искусства Пасаргад — сакральный парк (или рощу). Само расположение гробницы Кира вблизи парка и наличие постройки для стражей-магов, совершающих ежемесячно жертвоприношения лошадей (Arr. Anab. VI. 29. 7), указывает на сакральные функции описанной рощи, где маги могли совершать ритуалы. Вполне возможно, что мирт и трилистник, использовавшиеся персами в жертвоприношениях богам (Hdt. I. 132), выращивали в этих сакральных рощах. В то же время, ритуальные функции мог выполнять любой царский сад или парк, поэтому рассматривать священные рощи в качестве отдельной типологии не вполне целесообразно. В результате сообщения античных авторов позволяют выделить два распространенных типа садово-парковых решений в ахеменидском искусстве: сады-парадизы и охотничьи парки. Последние реконструируются только на основе письменных источников, поскольку археологически не выявлены.

Royal Gardens in Mesopotamia // Journal of Near Eastern Studies. 1965. Vol. 24, N 4. Erich F. Schmidt Memorial Issue. Part 2. P. 333.

⁴ Tuplin C. Achaemenid Studies / Historia Einzelschriften 99. Stuttgart, 1997. P. 101.

⁵ Возникают параллели с ассирийскими ботаническими садами, указанными в надписях Ашшурнацирапала II и Саргона II, см.: Stronach D. The Garden as a Political Statement... P. 171–172.

Второй письменный источник, клинописные таблички V в. до н.э. из Персеполя, упоминают выдачу рационов для особых работников, названных в древнеперсидских текстах “kuršiiikkaš”, что можно перевести как «земледелец» или «землепашец»⁶. По всей вероятности, именно эти работники ухаживали за царскими садами в дворцовых комплексах Ахеменидов. Их большое число (в тексте РТ 14 упомянуты 470 человек) указывает на разделение труда. Вероятно, основная часть работников возделывала землю и занималась поливом растений⁷. Другая группа могла выступать в качестве профессиональных садовников, создававших новый садово-парковый ландшафт ансамблей⁸. Скорее всего, они также следили за сохранением регулярного вида сада. Кроме того, в ряде эламских табличек из Персеполя (около 40 текстов) встречается слово “partetaš”, обозначающее «сельское поместье» или «усадьбу»⁹. По-видимому, эти крупные поместья включали и сады, за которыми также ухаживали работники¹⁰. Однако сады в “partetaš”, вероятно, имели преимущественно сельскохозяйственный характер, обусловленный натуральным оброком в пользу их владельца — «Великого царя»¹¹. Административно-хозяйственное назначение поместий подтверждается наличием складов с продовольствием¹², что позволяет рассматривать их как центры хозяйственной жизни в Ахеменидском Иране, а не царские резиденции с парадизами. Таким образом, рассмотренные письменные источники предоставляют ценный материал для исследования вопросов реконструкции и типологии садово-паркового искусства Ахеменидов.

Древнеперсидский парадиз в Пасаргадах

Пасаргады были задуманы Киrom II как новый центр его державы. Дворцовый комплекс был построен в окрестностях долины Мургаб вблизи реки Пулвар. Пасаргады стали административной столицей древней Персии, выполнявшей также важные ритуально-церемониальные функции, связанные с торжественным вступлением

⁶ Cameron S.G. Persepolis Treasury Tablets / Oriental Institute Publications 65. Chicago, 1948. P. 14, 108–109; Hallock R.T. Persepolis Fortification Tablets / Oriental Institute Publications 92. Chicago, 1969. P. 15.

⁷ Cameron S.G. Op. cit. P. 109.

⁸ Francovich G. Problems of Achaemenid Architecture // East and West. 16. 1966. P. 204.

⁹ Boucharlat R. Achaemenid Estate(s) near Pasargadae? // Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper. Studies in Ancient Oriental Civilization 68 / Ed. W. Henkelman, Ch. Jones, M. Kozuh, Ch. Woods. Chicago, 2014. P. 34.

¹⁰ Hallock R.T. Op. cit. P. 497.

¹¹ Tuplin C. Op. cit. P. 93–96.

¹² Hallock R.T. Op. cit. P. 742.

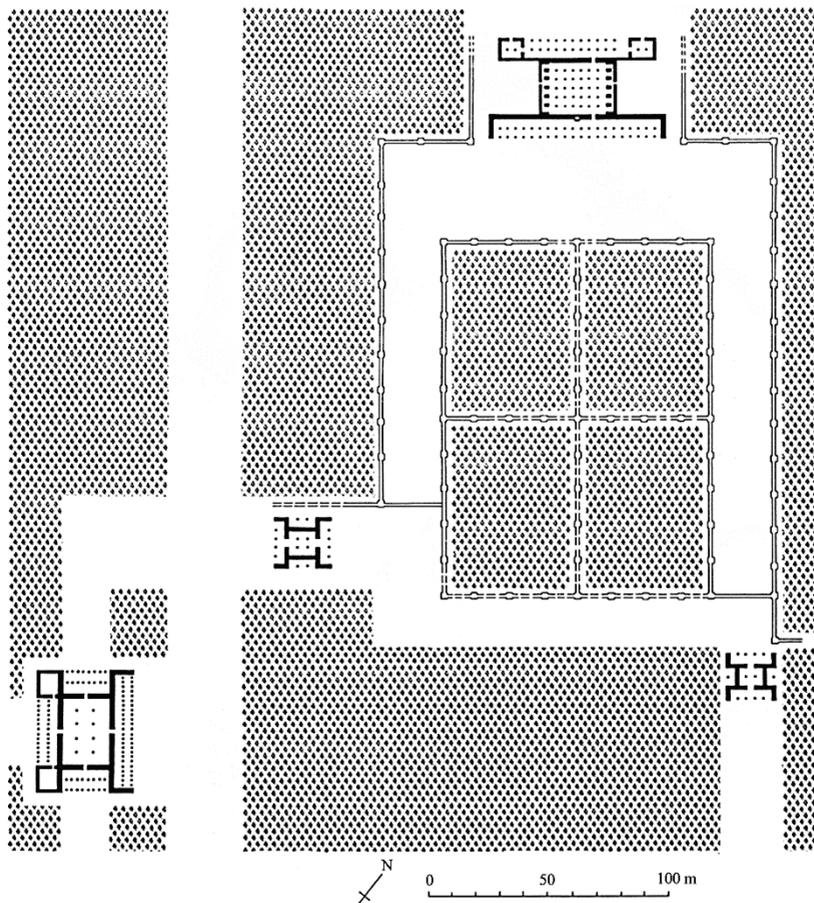

Рис. 1. Планировка «района дворцов» с парадизом в Пасаргадах
(по: Stronach, 1990)

каждого нового «Великого царя» на престол¹³. По всей вероятности, эти празднества сопровождались парадными процессиями подданных и приношениями ими даров новому царю. Поэтому планировочное решение «района дворцов» Пасаргад было продумано с учетом церемониальных функций и парадных шествий. В равной степени это относится и к планировке царского сада, находившегося в самом центре «района дворцов» (рис. 1). Данный участок комплекса состоял из монументальных входных ворот («дворец R»), далее располагался

¹³ Дандамаев М.А. Политическая История Ахеменидской державы. М., 1985. С. 71, 207.

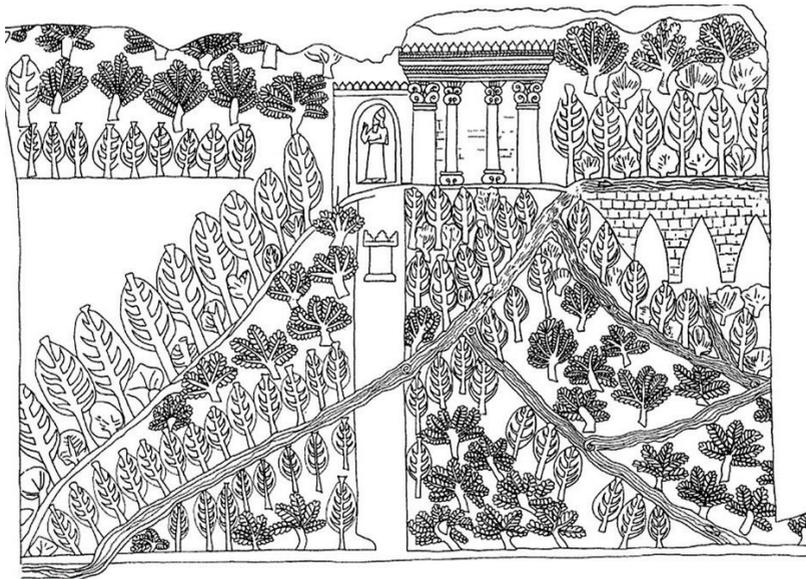

Рис. 2. Рельеф с царским садом из дворца Ашшурбанапала в Ниневии.
Прорисовка (по: Dalley, 1993)

«дворец аудиенций» («дворец S»), через «павильоны А и В» дорога вела в центральную часть комплекса к парадизу и дворцу резиденции («дворец Р»)¹⁴.

Проход к царскому саду был оформлен восточным и западным павильонами (А и В соответственно). Их композиция фактически повторяет в уменьшенном масштабе архитектуру дворцов Пасаргад. «Павильон А» расположен в углу восточной части царского сада. Он представлял собой прямоугольное здание, внутри которого находился двухколонный зал. Эта архитектурная особенность находит параллели в ассирийских дворцовых рельефах эпохи Саргона II из Хорсабада (конец VIII в. до н.э.) и Ашшурбанапала в Ниневии (вторая половина VII в. до н.э.), изображающих царские сады с небольшими двухколонными павильонами (рис. 2)¹⁵. Два главных фасада (юго-восточный и северо-западный) «павильона А» оформлены портиками с четырьмя колоннами. Второй, квадратный в плане «павильон В», находится в углу южной части царского сада. Он состоял из четырехколонного (2×2) зала. Аналогично «павильону А», два главных фасада (юго-западный и северо-восточный) западного павильона украшены

¹⁴ См. планировку Пасаргад: *Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations...* Fig. 48.

¹⁵ *Francovich G. Op. cit. P. 212. Fig. 23–24.*

четырёхколонными портиками, расположенными перпендикулярно царскому парадизу. По всей видимости, «павильон В», находившийся на пути между центральной частью ансамбля и «дворцом аудиенций», представлял собой главный парадный вход¹⁶ для церемониальных шествий в пространство царского сада и дворца резиденции Кира II.

Для лучшего понимания характера ахеменидских садов необходимо затронуть вопрос этимологии слова «парадиз». Эта греческая форма берет свое начало от слова “paridaida” (A2Sd: 3) в древнеперсидском языке. В свою очередь оно восходит к авестийскому “pairidaeza” и мидийскому “paridaiza”, которое можно перевести как «обнесенный стеной участок»¹⁷, т.е. огороженное пространство. Кроме того, мидийское слово “paridaiza” имеет параллели в эламском языке — “partetaš” («поместье»), а также оно отразилось в аккадской форме “pardesu” — «сад». Под влиянием мидийской традиции возникло слово “paradeisos” в древнегреческом языке. Следовательно, древнеиранское слово “paridaida” («парадиз»), которое дословно переводится как «обнесенный стеной», следует трактовать как огороженный стеной регулярный сад. В пользу этой трактовки свидетельствуют находки огороженных участков рядом с дворцами классического и позднеахеменидского времени (V — первая половина IV в. до н.э.), где, вероятно, находились сады. К числу таких памятников относятся дворец Артаксеркса II в Сузах¹⁸, а также провинциальная резиденция в Гараджамирли¹⁹. При этом парадиз в Пасаргадах не относится к типу огороженных садов²⁰, что, по-видимому, указывает на изменения в садово-парковом искусстве Ахеменидов в V в. до н.э., связанные с созданием при дворцах закрытых регулярных садов относительно небольших размеров.

Следует отметить, что царский парадиз в Пасаргадах взаимодействует с окружающей архитектурой дворцов, в результате образуя единый дворцово-садовый комплекс. Такую роль сада определило не только желание царственного заказчика, но и сама местность. Пасаргадский парадиз находился на равнине в самом центре ансамбля неподалеку от реки Пулвар. Царский сад, подчиненный геометриче-

¹⁶ *Stronach D.* Pasargadae: A Report on the Excavations... P. 112.

¹⁷ *Tuplin C.* Op. cit. P. 93.

¹⁸ *Boucharlat R., Gasche H.* Other works of Darius and his successors // *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia* / Ed. by J. Perrot, J. Curtis. London, 2013. P. 376, 385–387.

¹⁹ *Knauss Fl., Gagosidse I., Babaev I.* Karacamirli: Ein persisches Paradies // *Achaemenid Research on Texts and Archaeology*. 004. 2013. S. 18–19.

²⁰ Найденные Д. Стронахом фрагменты сырцовых стен, возможно, ограживавших «район дворцов», не влияют на общий открытый характер сада: *Stronach D.* Pasargadae: A Report on the Excavations ... P. 44.

ским формам, организует пространство вблизи дворцов, павильонов и создает особую ландшафтную среду. А в качестве фона для цветущего парадиза по контрасту выступают высокие холмы с немногочисленной растительностью, что вполне соотносится с концепцией райского сада среди дикой природы. Пасаргадский парадиз имеет регулярную четырехчастную планировку, своими углами он ориентирован по направлениям север–юг и запад–восток. Царский сад был снабжен развитой ирригационной системой, состоящей из каменных водопроводных каналов (шириной 25 см) и квадратных бассейнов (80x80 см) для регулирования подачи воды²¹, которая попадала в каналы из реки Пулвар.

В этой связи примечательны параллели со схожими ирригационными конструкциями в саду ассирийского царя Синаххериба в Ниневии (первая треть VII в. до н.э.), представленном в рельефах и надписях²². По всей видимости, в местах пересечения ирригационной системы парадиза с аллеями, ведущими к дворцу резиденции, вместо открытых каменных каналов были использованы керамические трубы, аналогично южной части террасы Персеполя²³. Квадратные бассейны, расположенные с интервалами в 13 м, помимо утилитарных задач (распределение воды с помощью шлюзов в верхней части стенок бассейнов и предохранение каналов от засорения) выполняли и эстетические функции. Вполне вероятно, водную гладь бассейнов украшали лилии или другие водные растения²⁴. Также важно учитывать, что вода, протекающая по каменным каналам и бассейнам, находилась на одном уровне с землей. Это конструктивное решение создавало впечатление «водных аллей», играющих в лучах солнца.

Ирригационная система активно участвует в оформлении царского сада, так как разделяет его на две прямоугольные части и образует аллеи. Главная аллея парадиза находится на одной оси с тронным местом в юго-восточном портике и центром гипостильного зала дворца резиденции Кира II²⁵. Этот продуманный прием свидетельствует о разработанной программе, воплощавшей в искусстве сада идеологию царской власти Ахеменидов. Политический и сакральный

²¹ *Stronach D. The Garden as a Political Statement... P. 174.*

²² См.: *Dalley S. Ancient Mesopotamian Gardens and the Identification of the Hanging Gardens of Babylon Resolved // Garden History. Vol. 21, N 1. 1993. P. 8–10. Fig. 2.*

²³ *Tadjvidi A. Persepolis: Survey of excavations in Iran 1971–1972 // Iran 11. 1973. P. 200–201.*

²⁴ *Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations ... P. 109. Fig. 49.*

²⁵ *Медведская И.Н. Ахеменидское искусство // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. М., 2004. С. 670.*

символизм пасаргадского парадиза связан с образом царя как творца, создающего благоухающий сад из нетронутой земли, который преодолевает своей симметричной планировкой силы дикой природы. Кроме того, персидский сад-парадиз в младоавестийской традиции воплощает образ небесного райского сада (Yt. 22.15). Тем самым религиозные концепции накладываются на политический подтекст, всегда существовавший в садово-парковом искусстве Древнего Востока I тыс. до н.э. В результате персидский царь выступает в роли всемогущего творца, воспроизводящего модель райского сада на Земле. Действительно, царский сад в Пасаргадах представляет собой своего рода манифест, прославляющий могущество персидского царя, богоизбранность его власти и богатство державы Ахеменидов. Во многом иконология персидского парадиза продолжает ассиро-вавилонскую традицию, в которой садово-парковое искусство символизирует плодотворный труд царя-садовника, обеспечивающего изобилие и процветание своего царства²⁶.

По своей планировке парадиз в Пасаргадах представляет собой первый прототип персидского четырехчастного сада («чахар баг»)²⁷. Считается, что именно эпоха Кира II Великого привнесла типологию сада «чахар баг» в дворцовую архитектуру персов. Четырехчастный сад, занявший важное место в структуре ансамбля Пасаргад, станет характерной особенностью садово-паркового искусства Ирана в последующие столетия. Что касается прецедентов синтеза архитектуры и садового искусства в древневосточном искусстве I тыс. до н.э.²⁸, то достаточно упомянуть ассирийские сады в Хорсабаде и Ниневии, а также знаменитые висячие сады Семирамиды в Новом Вавилоне. Но в отличие от ассиро-вавилонских садов, пасаргадский парадиз является центральным звеном ансамбля, он подчинен строгой логике симметричной планировки. Регулярная сетка царского сада из пересекающихся аллей непосредственно участвует в формировании композиции центральной части ансамбля. Кроме того, его геометрические формы согласуются с идеологической программой и церемониальными функциями раннеахеменидского искусства. Четырехчастный сад образует оси движения для парадных процессий и, вероятно, символически воплощает образ «четырёх сторон» империи Кира II, которые упомянуты в надписи на так называемом «цилиндре Кира»²⁹. В этом отношении именно садово-парковое искусство

²⁶ *Stronach D.* The Garden as a Political Statement... P. 176.

²⁷ *Pinder Wilson R.* The Persian Garden: Bagh and Chahar Bagh // *The Islamic Garden* / Ed. by E.B. Macdougall, R. Ettinghausen. Washington, D.C., 1976. P. 75–76.

²⁸ О более ранних образцах месопотамских садов см.: *Dalley S.* Op. cit. P. 1–4.

²⁹ *Stronach D.* The Garden as a Political Statement... P. 176.

раннеахеменидского периода в наибольшей степени приближается к реализации идеологической программы официального стиля V в. до н.э., представленного памятниками классического искусства в Сузах и Персеполе. Ее основу составляют идеи единого политического, экономического и культурного пространства “Рах Persica” в рамках империи Ахеменидов, демонстрации могущества власти «Великих царей» и ее божественное благословение³⁰. Аналогичные идеи прочитывается и в оформлении древнеперсидского парадиза в Пасаргадах.

В связи с типологией пасаргадского сада следует упомянуть, что существует точка зрения, согласно которой парадиз Кира II не является в полной мере прототипом персидского сада «чахар баг». Действительно, каменные каналы делят царский сад только на две прямоугольные части³¹, а существование поперечной оси до конца археологически не выявлено. Однако достоверных доказательств отсутствия перпендикулярной каналу аллеи также нет, тем более что сама логика расположения тронного места в открытом портике дворца резиденции, обращенного в сад, подразумевает наличие центральной поперечной оси³². Благодаря этой поперечной аллее перед царем мог открываться великолепный вид на перспективу парадиза. На наш взгляд, эти аргументы позволяют рассматривать царский сад в Пасаргадах как первый прототип персидского четырехчастного сада, который получил дальнейшее развитие в ландшафтном искусстве Ирана. По-видимому, пасаргадский парадиз послужил образцом для парка Кира Младшего в Сардах. По крайней мере, по описанию Ксенофонта парк в Сардах имел схожую регулярную планировку с посадками под прямым углом, подчиненную строгим геометрическим формам.

Таким образом, царский сад Кира II в Пасаргадах является важным памятником садово-паркового искусства не только ахеменидского периода, но и последующих эпох. Весьма показателен тот факт, что пасаргадский парадиз послужил основой для типологии персидского «чахар баг» в дворцовой архитектуре Сасанидского Ирана (например, сад дворца Хосрова II в Каср-и Ширин, начало VII в. н.э.). Кроме того, четырехчастная композиция персидских садов оказала заметное влияние на дальнейшее развитие садово-паркового искусства государств Ближнего Востока и Южной Азии³³.

³⁰ Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977. С. 64.

³¹ Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations... Fig. 48

³² Stronach D. The Royal Garden at Pasargadae: Evolution and Legacy // Archaeologia Iranica et Orientalis: Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe / Ed. by L. de Meyer, E. Haerincq, Vol. I. Ghent, 1989. P. 482.

³³ См. подробнее: Pinder Wilson R. Op. cit. P. 73–74; Stronach D. The Garden as a Political Statement... P. 176–178.

Царские сады в дворцовых комплексах Суз и Персеполя

Садово-парковое искусство в классических ансамблях Ахеменидов V в. до н.э. утратило свое былое значение, уступив главенствующую роль архитектуре. Однако это не значит, что оно полностью исчезло. Несмотря на все сложности в локализации садов и их реконструкции в дворцовых ансамблях, археологические исследования ирригационных систем и клинописных текстов³⁴ указывают на то, что в дворцовых комплексах V в. до н.э. в Сузах и Персеполе существовали сады.

Дворцовый ансамбль в Сузах был первым столичным комплексом, реализованным в рамках масштабной строительной программы царя Дария I. Главная северная часть новой столицы была возведена на основе холма («ападаны»), который был выровнен и дополнен искусственной террасой. Комплекс включает «ворота Дария I», масштабный дворец-резиденцию и ападану, которая с севера завершала ансамбль. К сожалению, Сузы сохранились намного хуже, чем Персеполь. Сузанские дворцы эпохи Дария I сильно пострадали в результате пожара во времена Артаксеркса I (середина V в. до н.э.) и были перестроены спустя почти столетие при Артаксерксе II (первая половина IV в. до н.э.)³⁵. Учитывая это обстоятельство, а также отсутствие значимых находок каналов, месторасположение царского сада в Сузах можно определить только гипотетически. Возможно, небольшой парадиз находился в северо-западной части платформы вблизи ападаны и, вероятно, имел регулярную планировку³⁶. Если принимать во внимание ветхозаветные источники (Книга Эсфирь 1:5, 7:7–8), то царский сад в Сузах был расположен во дворе около дворца и окружен стеной, которая не выявлена при раскопках³⁷. Таким образом сад-парадиз в Сузах действительно существовал на дворцовой террасе возле ападаны, по крайней мере до пожара середины V в. до н.э., но более конкретных сведений о нем не сохранилось.

В эпоху Артаксеркса II (404–359 гг. до н.э.) была построена царская резиденция («дворец Шаур») в Сузах на противоположном западном берегу реки Шаур. Эта резиденция состоит из трех построек — главного дворца с 64-колонным (8x8) гипостильным залом, северного «здания II» (прямоугольный двор с портиком и окружающие его служебные помещения) и слабо сохранившегося «здания III» (колонного павильона). Вероятно, парадиз, о котором упоминает в надписи сам

³⁴ *Francovich G.* Op. cit. P. 204.

³⁵ *Медведская И.Н.* Указ. соч. С. 680.

³⁶ *Perrot J.* L'architecture militaire et palatiale des Achéménides à Suse // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut 1829–1979. Mainz, 1981. P. 83.

³⁷ *Tuplin C.* Op. cit. P. 90.

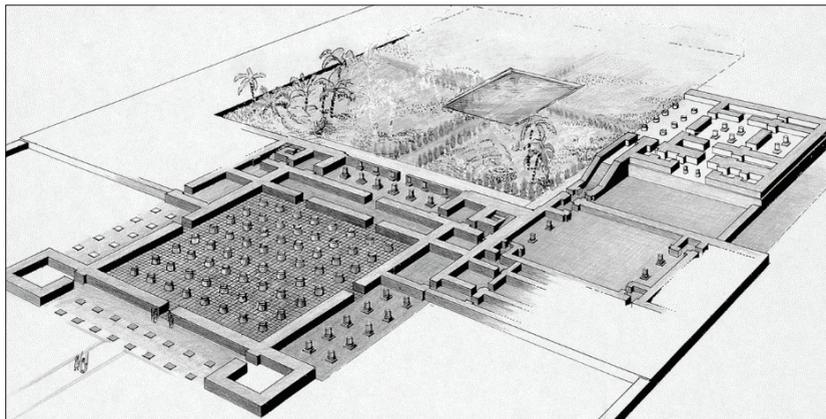

Рис. 3. Реконструкция дворца Артаксеркса II в Сузах
(по: Boucharlat, Gasche, 2013)

Артаксеркс II (A2Sd: 3), занимал прямоугольный участок (60×70 м) в юго-западной части резиденции (рис. 3). Сад был окружен стенами и портиками дворцовых построек. Его замкнутый компактный характер указывает на развитие идеи огороженного сада-парадиза в позднеахеменидском садово-парковом искусстве. В этой связи примечательно, что аналогичное решение огороженного сада возле дворца возникает и в провинциальной резиденции Ахеменидов в Гараджамирли (начало V в. до н.э.)³⁸. Маловероятно, что Гараджамирли служили сельскохозяйственным поместьем типа “partetaš”, поскольку эта парадная резиденция обладает выраженным репрезентативным характером. Эти параллели указывают на распространение в садово-парковом искусстве персидских сатрапий типологии компактных огороженных парадизов. Возвращаясь к царскому саду Шаура, важно отметить, что его реконструкция сопряжена с большими трудностями, обусловленными отсутствием следов каменной ирригационной системы. По-видимому, сад имел регулярную (возможно, четырехчастную) планировку с посадками деревьев³⁹. Судя по своему расположению в резиденции, решение парадиза во «дворце Шаур» более близко к традиции месопотамских дворовых садов⁴⁰, чем к открытому саду Кира II в Пасаргадах. Эти аналогии неслучайны — они могут указывать на то, что позднеахеменидское садово-парковое искусство в большей степени стало ориентироваться на богатое наследие месопотамских

³⁸ Knauss Fl., Gagosidse I., Babaev I. Op. cit. S. 18–19.

³⁹ Tuplin C. Op. cit. P. 90. См. реконструкцию парадиза: Boucharlat R., Gasche H. Op. cit. Fig. 429.

⁴⁰ Dalley S. Op. cit. P. 2–3.

садов, синтезируя их решения с особенностями древнеперсидского парадиза.

Дворцовый комплекс в Персеполе как главный строительный проект эпохи Дария I и Ксеркса в полной мере воплотил официальное искусство Ахеменидов. У основания горы Кух-и Рахмат на искусственной платформе за столетия (конец VI – середина V в. до н.э.) были возведены более десяти дворцов. Несомненно, в Персеполе были и сады. В связи с ландшафтным искусством особый интерес представляет юго-западный участок Персеполя возле дворцов Дария I («тачара») и Ксеркса («хадиш»). Основываясь на обнаруженных в северной части от двора «хадиша» фрагментах рельефов эпохи Артаксеркса III, археолог Э. Шмидт предположил, что там располагался так называемый «дворец G»⁴¹. Однако, наличие дренажных каналов, пересекающих этот участок, и сама структура обломков (мелкая каменная крошка без значимых архитектурных фрагментов) позволяют локализовать царский сад Дария на месте «дворца G», который, видимо, не существовал в то время⁴². Аналогичная ситуация складывается с «дворцом D», расположенным между «хадишем» и «зданием гарема». На большей части участка обломки (щебень) имеют схожую структуру, а найденные в его западной части следы сырцово-кирпичной стены и двух колоколовидных баз колонн⁴³ могли принадлежать как дворцу, так и садовому павильону. По-видимому, этот участок изначально был предназначен для сада Ксеркса⁴⁴. Вполне возможно, что первоначальный строительный проект затем был изменен следующими поколениями «Великих царей» и на месте сада Ксеркса появился дворец либо павильон.

К сожалению, облик персепольских садов крайне трудно реконструировать. Очевидно, что оба царских сада имеют схожие черты — размещение на дополнительных платформах, компактный размер и замкнутый характер (с трех сторон примыкают дворцы). Не исключено, что сад Дария (наподобие сакральной рощи Пасаргад) мог использоваться в качестве конечного пункта для церемониально-ритуальных процессов, изображенных на рельефах лестниц дворцов Дария и Ксеркса⁴⁵. Существует также мнение, что на раннем этапе

⁴¹ Schmidt E.F. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago, 1953. P. 274–275. Fig. 21, 116, 118.

⁴² По крайней мере, до IV в. до н.э.: Francovich G. *Op. cit.* P. 208.

⁴³ Schmidt E.F. *Op. cit.* P. 269. Fig. 114.

⁴⁴ Francovich G. *Op. cit.* P. 209.

⁴⁵ См. подробнее: Razmjou S. *Persepolis: A Reinterpretation of Palaces and Their Function // The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East / Ed. by J. Curtis, St. J. Simpson*. London, 2010. P. 233–242. Fig. 20.3–20.5.

строительства Персеполя, когда были возведены ападана, «тачара» и сокровищница, сады оформляли всю восточную и южную часть террасы⁴⁶. Эта гипотеза интересна прежде всего тем, что затрагивает актуальную проблему одновременности строительных работ в Персеполе и реконструкции ансамбля на разных этапах его возведения. Исследование этой темы несомненно расширит наши представления о ландшафтной среде древней столицы персов.

В результате, на основе археологических данных и клинописных источников можно сделать вывод, что классический дворцовый комплекс в Персеполе был украшен царскими садами-парадизами, за которыми, согласно табличкам 483 и 470 гг. до н.э., регулярно ухаживали специально нанятые работники⁴⁷. По своей композиции эти сады близки к садам в Сузах и, вероятно, относились к одному типу небольших парадизов при дворцах.

Реконструкция и типология древнеперсидских парадизов

Рассмотренные памятники садово-паркового искусства Ахеменидского Ирана и данные письменных источников позволяют выделить основные особенности, благодаря которым можно реконструировать общие черты древнеперсидского парадиза. На материале царского сада Пасаргад можно обозначить следующие особенности: регулярная четырехчастная планировка, строгие геометрические формы композиции, наличие развитой ирригационной системы, оформление входа в сад с помощью парадных павильонов, а также взаимодействие сада с окружающей архитектурной средой. Этот тип парадиза следует рассматривать как модель для реконструкции общего решения царских садов в классических комплексах V в. до н.э., испытавших влияние раннеахеменидского прототипа.

Археологические находки в Сузах, Персеполе и сообщения античных авторов позволяют выделить в садово-парковом искусстве Ахеменидов V–IV в. до н.э. еще как минимум два типа памятников. *Первый тип* связан с типологией охотничьих парков, которые по письменным источникам представляли собой большие регулярные пространства или заповедники, предназначенные для верховой охоты. Судя по сообщениям Ксенофонта, охотничьи парки были специально огорожены стеной и, по-видимому, аналогично парадизам, имели регулярные участки с искусственными насаждениями. Поскольку охота была важным занятием для царя и персидской знати, упражнявшейся в езде верхом, стрельбе из лука и метании копья, охотничьи парки

⁴⁶ Tuplin C. Op. cit. P. 89.

⁴⁷ Francovich G. Op. cit. P. 204.

были задействованы и в воспитании знатных персидских юношей, которые тренировали здесь свои физические качества (Хен. Суг. I. 2. 9–13). По-видимому, большая часть добычи охотников состояла из представителей местной фауны (звери, птицы), а также специально завезенных в парк «самых разнообразных» животных (Хен. Суг. I. 3. 14.), которые были заранее подготовлены к охоте (чтобы не нанести вред юным охотникам, Хен. Суг. I. 4. 7,11). Помимо огороженных парков, персы также охотились на диких зверей в их естественной среде обитания, что считалось более опасным занятием. Вероятно, при выборе места для охотничьего парка учитывалось наличие поблизости реки или водного источника. Весьма показательно, что Ксенофонт после изгнания из Афин в своем поместье в Скиллунте разбил парк с рощами и лугами возле реки Селинунт, где охотился на оленей и кабанов (Хен. Anab. V, 3. 7–13). Возможно, парк Ксенофонта повторял ахеменидский тип охотничьего парка⁴⁸, который представляет собой симбиоз огороженного персидского парадиза и развитой традиции ассирийских парков.

Второй тип представлен закрытыми дворцовыми садами-парадизами V–IV вв. до н.э. на террасах Суз и Персеполя. Такие огороженные сады имели относительно компактные размеры, поскольку находились в окружении построек или непосредственно соединялись с дворцом. По своей структуре они могли повторять четырехчастную композицию парадиза в Пасаргадах. Не исключено, что данный тип царского сада является результатом развития раннеахеменидского парадиза, который в классическом искусстве приобрел иное значение и новые черты, обусловленные возникшей неразрывной связью с архитектурой дворцов. Подобные сады отличались замкнутым характером, поскольку выполняли функцию камерного сада при дворце. Что касается реконструкции их композиции, то наиболее вероятна регулярная планировка с принципом симметрии частей, характерной в целом для ахеменидского искусства. Вполне возможно, эти сады имели церемониально-ритуальное значение, особенно в контексте царских садов Персеполя. Их использование в качестве ботанических садов маловероятно⁴⁹, для этих целей скорее подходили усадебные сады в поместьях “partetaš”. В результате второй тип дворцовых садов трансформирует традицию парадизов эпохи Кира II в соответствии с новыми художественными принципами классического и позднеахеменидского искусства V–IV вв. до н.э.

⁴⁸ Hirsch S.W. The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire. Hanover, 1985. P. 152–153.

⁴⁹ Tuplin C. Op. cit. P. 114–115.

Подводя итог, важно отметить, что древнеперсидский парадиз представляет собой специфически ахеменидское художественное явление, которое, несомненно, опирается на богатое наследие садово-паркового искусства Древнего Востока I тыс. до н.э. Исследование взаимосвязанных проблем реконструкции и типологии парадизов выявляет их специфику и основные этапы развития от масштабных открытых садов Пасаргад к замкнутым дворцовым парадизам Суз и Персеполя, что полностью соотносится с общими тенденциями в официальном древнеперсидском искусстве. Творческий поиск новых конструктивных решений, происходивший в художественной культуре Ахеменидов, создал оригинальные памятники древнеперсидского ландшафтного искусства, которые оказали влияние на дальнейшее развитие художественной культуры Ближнего Востока.

References

Boucharlat R. *Achaemenid Estate(s) near Pasargadae? // Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper*. Studies in Ancient Oriental Civilization 68 / Ed. by W. Henkelman, Ch. Jones, M. Kozuh, Ch. Woods. Chicago: Oriental Institute Press. 2014, pp. 27–35.

Boucharlat R., Gasche H. *Other works of Darius and his successors // The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia* / Ed. by J. Perrot, J. Curtis. London: I.B. Tauris. 2013, pp. 359–407.

Cameron S.G. *Persepolis Treasury Tablets* / Oriental Institute Publications 65. Chicago: University of Chicago Press, 1948. 214 p.

Dalley S. *Ancient Mesopotamian Gardens and the Identification of the Hanging Gardens of Babylon Resolved // Garden History*. Vol. 21. N 1. 1993, pp. 1–13.

Dandamayev M.A. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [A Political History of the Achaemenid Empire]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1985. 319 p.

Francovich G. *Problems of Achaemenid Architecture // East and West*. 16. 1966, pp. 201–60.

Hallock R.T. *Persepolis Fortification Tablets* / Oriental Institute Publications 92. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 776 p.

Herzfeld E. *Bericht über die Ausgrabungen von Pasargadae 1928 // Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1. 1929, S. 4–16.

Hirsch S.W. *The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire*. Hanover: Tufts Unisity, 1985. 232 p.

Knauss Fl., Gagosidse I., Babaev I. *Karacamirli: Ein persisches Paradies // Achaemenid Research on Texts and Archaeology*. 004. 2013, S. 1–24.

Lukonin V.G. *Iskusstvo Drevnego Irana* [Art of Ancient Iran]. Moscow: Iskusstvo, 1977. 232 p.

Medvedskaya I.N. *Akhemeniidskoye iskusstvo* [Achaemenid Art] // *Istoriya drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy*

[History of the Ancient East from Early State Formations to Ancient Empires] / Ed. A.V. Sedov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004, pp. 656–697.

Oppenheim A.L. *On Royal Gardens in Mesopotamia* // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 24. N 4. 1965. Part 2. Erich F. Schmidt Memorial Issue, pp. 1–13.

Perrot J. *L'architecture militaire et palatiale des Achéménides à Suse* // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut 1829–1979. Mainz: [s.e.], 1981, pp. 79–94.

Pinder-Wilson R. *The Persian Garden: Bagh and Chahar Bagh* // *The Islamic Garden* / Ed. by E.B. Macdougall, R. Ettinghausen. Washington, D.C.: Harvard University, 1976, pp. 70–85.

Razmjou S. *Persepolis: A Reinterpretation of Palaces and Their Function* // *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East* / Ed. by J. Curtis, St. J. Simpson. London: I.B. Tauris. 2010, pp. 231–245.

Sami A. *Pasargadae. The Oldest Imperial Capital of Iran*. Shiraz: Learned Society of Pars, 1956. 161 p.

Schmidt E.F. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 297 p.

Stronach D. *The Garden as a Political Statement: Some Case Studies from the Near East in the First Millenium B.C.* // *Bulletin of the Asia Institute*. New Series. Vol. IV. 1990. In honor of Richard Nelson Frye: Aspects of Iranian Culture, pp. 171–180.

Stronach D. *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963*. Oxford: Oxford University Press, 1978. 343 p.

Stronach D. *The Royal Garden at Pasargadae: Evolution and Legacy* // *Archaeologia Iranica et Orientalis: Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe* / Ed. by L. de Meyer, E. Haerinck. Vol. I. Ghent. 1989, pp. 475–502.

Tadjvidi A. *Persepolis: Survey of excavations in Iran 1971–1972* // *Iran*. 11. 1973, pp. 200–201.

Tuplin C. *Achaemenid Studies* / *Historia Einzelschriften* 99. Stuttgart: Steiner, 1997. 226 p.

Поступила в редакцию
25 апреля 2018 г.

Д.В. Хлебников*

**К УЯСНЕНИЮ ЗНАЧЕНИЯ ЭПИТЕТА «В СИЛАХ»
В НАЗВАНИЯХ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ
ИКОНОГРАФИЙ**

D.V. Khlebnikov

**CONSIDERING THE MEANING OF THE EPITHET
“IN POWERS” IN THE TITLES OF SOME RUSSIAN
ICONOGRAPHIES**

Аннотация. Из источников известно, что сочетание «в Силах» использовалось в названиях самых различных русских иконографий; наиболее распространено и общеизвестно одно из них: «Спас в Силах». Вопрос происхождения и содержания этого образа во многом остается открытым, так же как не выявлен и смысл его названия: слово «силы» может быть понято и как «ангельские силы», и как «творческая сила и мощь». В статье обращается внимание на то, что во всех русских изображениях, в названиях которых присутствует эпитет «в Силах», налицо одна и та же характерная деталь — четверугольные остроконечные формы с символами евангелистов в лучах. Автор находит возможным допускать, что слово «Силы» относится во всех этих случаях не к ангелам, как принято считать, а к названным звездчатым фигурам. Являясь наиболее заметной и характерной деталью иконографии «Спаса в Силах», как и других иконографий с подобными звездчатыми объектами, последние позволяют идентифицировать их даже издали, что с высокой вероятностью могло дать повод называть их именно по ним, а не по никак не выделенным — особенно в иконографии «Спаса в Силах», — сравнительно мелким здесь и малозаметным «прозрачным» ангелам. Первичным, на взгляд автора, было употребление эпитета «в Силах» в определении располагавшихся в центре деисусного чина изображениях тронного Спаса на престоле в звездчатом «сиянии», где он имел значение «Божественная творческая Сила». Повторяясь в других иконных изображениях, эти (и похожие на них) звездчатые фигуры должны были вызывать ассоциацию с эпитетом «в Силах» и могли привести его в их названия. Не исключается и тот вариант, что относили его как к ангельским силам, так

* *Хлебников Денис Владимирович*, преподаватель воскресной школы, Крутицкое патриаршее подворье, Москва

Khlebnikov Denis Vladimirovich, Sunday School Teacher, Krutitsy Patriarchal Metochion, Moscow

+7-985-865-12-88; alrhoisto@yandex.ru

и к звездчатым фигурам одновременно; последнее дало бы основание для употребления здесь слова «Силы» во множественном числе.

Ключевые слова: «Спас в Силах», «Богородица в Силах», «Саваоф в Силах», «Крест в Силах», церковные описи, Сийский лицевой иконописный подлинник, ангельские силы, иконография.

Abstract. According to the sources, the term “in Powers” was used in the titles of various Russian iconographies; the widespread and well-known one is: “The Saviour in Powers”. The origin and nature of this image are largely open to question. Its meaning has not been revealed: the word “Powers” can define either “angelic powers” or “divine creative power and might”. The article draws attention to the fact that every Russian icon with “in Powers” in its title has the same quadrangular pointed elements with the symbols of the evangelists. The author suggests that the term “Powers” is related not to the angels, as is commonly believed, but to these star-shaped figures. They are the most noticeable and characteristic details of “The Saviour in Powers” and other iconographies with similar star-shaped objects. And it is reasonable to assume that these iconographies, especially “The Saviour in Powers”, are named after them and not after comparatively small and hardly visible “transparent” angels. In the author’s view, the epithet “in Powers” was initially applied to the icon of the enthroned Savior in a star-shaped “radiance”, which was located in the center of the Deesis row. And here it meant “divine creative power”. Repeating in other icons, these (and similar to them) star-shaped figures should have been associated with the epithet “in Powers” and could add it to their titles. It is also possible that it was attributed to both angelic powers and star-shaped figures that would allow using “powers” in the plural form.

Keywords: “The Saviour in Powers”, “The Virgin in Powers”, “The Sabaoth in Powers”, “The Holy Cross in Powers”, church inventories, Siysky Illustrated Iconographic Canons (*Podlinnik*), angelic powers, iconography.

* * *

Под «Спасом в Силах» понимают широко известный русский вариант изображения Христа во Славе, отличительной особенностью которого являются красные четвероконечные фигуры с символами Евангелистов в лучах, направленных к углам иконы. Термин известен с середины XVI в.; он четко закреплен за этим иконографическим типом в частности тем, что именно так подписан соответствующий иконный образец в Сийском подлиннике (см. ниже). Использовались подобные иконы по большей части в качестве средника деисусного чина высокого иконостаса¹.

¹ Правда, есть сообщения и о другом месте икон Спаса в Силах, см., напр.: в переписной книге Александрo-Свирского монастыря 1660 г.: «Евангелие на престольное письменное поволочено бархатом зеленым, на верхней цки Спас в силах и евангелисты серебряны басемные» (СПБ ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. № 37. Л. 45 об. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 2000. С. 137)); в описи Ипатьева монастыря 1595 г.: «от

Не исключено, что сочетание «в Силах» использовалось применительно к названию этой иконографии (или различных иконографий) и ранее XVI в., но источники, где оно могло бы содержаться, не существовали или не сохранились (так, церковные описи, содержащие названия икон или их описание, появляются только в XVI в.). Следует оговорить еще, что интересующее нас название иконографии, существовавшее в XVI–XVII вв., не обязательно отражает изначально заложенную в нее семантику, как и изначально семантику включенных в нее звездчатых объектов; интересует нас именно восприятие уже имеющейся старой иконографии, бытовавшее в то время, от которого дошли источники.

Исследователи не ставили специально вопроса о ее *названии*; считается, что под «силами» здесь понимаются силы (сонм, воинство) ангельские: те, что заполняют окружающую Христа мандорлу². Но при кажущейся очевидности этого факта, — казалось бы, не требующего доказательств, — попытки выявления этих доказательств большим успехом не увенчиваются. В литературе³ это мнение выражено неяв-

царских дверей против левого крылоса на тягле монастырских образов: образ Спасов Вседержитель в Силах, в притворех, пядница большая..., а на притворех писаны в 24 местех и по полям святители и преподобнии» (*Соколов М.И.* Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1890. Кн. 3. Материалы исторические. С. 11); «по правую сторону царских дверей образ Спасителей в силах» (*Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. 3–4. С. 180). Видимо, именно к «Спасу в Силах» относятся и следующие описания. В описи Спасо-Каменного монастыря 1701 г.: «по правую сторону Царских дверей местных образов. Образ Господа Вседержителя, сидящей на херувимех с четырьмя евангелисты» (Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011. С. 196). В описи Юрьева монастыря 1723 г.: «образ Господа Вседержителя сидящ на престоле, при нем четыре Евангелиста, два вверху по обоим сторонам да два при подножии по углам» (Опись Юрьева монастыря 1723 г. // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород, 2005. С. 198). В описи Лопотова Пельшемского монастыря 1775 г. «по правую сторону Царских дверей образ Спасителей, окрест его херувими и серафими, по углам евангелисты» (Переписные книги вологодских монастырей. С. 238).

² *Силы небесныя* = силы — небесное воинство, ангельский лик (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1903. Стб. 351).

³ Несмотря на традицию, современные исследователи, не занимавшиеся этой иконографией специально и упоминающие этот термин исключительно случайно и вскользь, иногда безо всякого на то основания называют «Спасом в Силах» совершенно разные иконографии; основная тенденция — называть так любые изображения Спаса в окружении ангелов и/или с символами Евангелистов, напр., на так называемой «Панагии Марии Мирославичевой» конца XV–первой четв. XVI в. в

но; собственно, почти нигде нет даже уточнений наподобие: «Спас в Силах, т. е. Силах Небесных, ангельских»⁴. Наиболее определенно оно представлено в Словаре русского языка XI–XVII вв.: «Вседержитель (Дух Святой, Пречистая Богородица, Спасъ, Спаситель) въ силахъ — названия икон, изображающих Св. Духа, Спаса, Богородицу на фоне ангельских сил»⁵.

Особняком стоит следующее мнение: «В новейшей русской традиции закрепилось название “Спас в силах”, однако в богословии “силы” являются элементом одной из триад (“престолы, силы, власти”) ангельских чинов по Псевдо-Дионисию Ареопагиту, что порождает не очень замеченную до сих пор, но от этого не менее очевидную путаницу. Ввиду такой ситуации представляется предпочтительным

СПМЗ (Рындина А.В. О литургической символике древнерусских серебряных панатий // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 209, ил. 5) или в миниатюре Сийского Евангелия в БАН (Братчикова Е.К. Сийское Евангелие XVII в. (записи и иллюстрации к ним) // Хризограф. Вып. 3. М., 2009. С. 313). При этом «Спасом в Силах» называли даже те изображения, где Спас сонмом ангелов не окружен или их нет вообще, – или отсутствуют символы Евангелистов. Так, напр., называли то мозаику в своде баптистерия венецианского Сан-Марко (Кондаков Н.П. Лицевой иконописный подлинник. Т. 1. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905. С. 43), то абсолютно ничего с ней не имеющую общего икону «Спаса во Славе» с символами евангелистов «новгородского извода» (ГРМ, ДРЖ 1887) (Лихачёв Н.П. Материалы для истории русского иконописания. Атлас. СПб., 1906. С. 5–6. № 173), то иллюстрацию к Пс. 79 в «Киевской Псалтири» (РНБ, ОЛДП, Ф. 6, л. 112) (Розов Н.Н. О генеалогии русских лицевых псалтирей XIV–XVI веков // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. М., 1970. С. 248), которая не имеет ни малейшего сходства ни с иконографией «Спаса в Силах», ни с каким-либо из вышеназванных изображений; то «Спаса» в центральном своде под хорами Успенского собора Владимира (Матвеева А.Б. Фрески Андрея Рублёва и стенопись XII века во Владимире // Андрей Рублёв и его эпоха / Сб. статей. М., 1971. С. 159, 167), то аркажскую алтарную фреску (Шенникова Л.А. Деисусный чин со «Спасом в силах» (истоки иконографии) // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 64). При таком беспорядочном употреблении термина совершенно теряется его содержание, и тогда уж лучше вовсе от него отказаться и не увеличивать терминологической путаницы.

⁴ Ср. напр.: «около 1400 года на Руси под влиянием Запада появилось изображение “Спас в силах”: образ Христа на престоле на фоне овальной мандорлы в окружении Небесных Сил. В углах четырехконечной звезды на втором плане изображен тетраморф. Слово “силы” в церковнославянском и русском языках обозначает собирательное понятие для Небесных Сил, сообщества всех ангелов. На Руси уже в XIV веке твердо знали, подразумеваются ли здесь все ангелы или же только один из чинов...» (Бенчев И. Иконы ангелов. Образы небесных посланников. М., 2005. С. 79). И. Бенчев, правда, никак не поясняет своих слов, в том числе о «твердом знании» в XIV в. См. также: Толчан А. Соловецкий иконостас. Vilnius, 2000. С. 22.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 137.

именование «Спас во славе», помещенное, в частности, на одной из трех древнейших украинских икон перемышльской школы второй половины XV в. из церкви св. Георгия в Новосильцах недалеко от Санока на этот сюжет (теперь на территории Польши) (Исторический музей в Саноке)»⁶.

Не возвращаясь к тому, что название «Спас в Силах» принадлежит отнюдь не новейшей традиции, а известно с середины XVI в., а слово «силы» может означать не только один из ангельских чинов (и не только по Ареопагиту), но и ангелов вообще (кстати: триады «Престолы, Силы, Власти» у Ареопагита нет⁷), — остановлюсь на упомянутой иконе. Она неоднократно издана и хорошо известна (Sanok, Muzeum Historyczne, nr. inv. 1067)⁸. Не могу не отметить, что на ней нет надписи «Спас во славе»: на ней есть полностью сохранившаяся надпись ЦРЬ СЛАВЫ, что совершенно меняет дело⁹.

Ранее мною была показана невозможность предлагавшихся исследователями привязок сочетания «в Силах» в названии иконографии — к «силам» в псалтирных стихах 150 : 2¹⁰ и 23 : 9–10¹¹. В настоящей же публикации прямо ставится вопрос: допустимо ли предполагать, что «Силы» здесь могут относиться не к ангелам (или не только к ангелам),

⁶ Александрович В. Древнейшие образцы и начало бытования иконографии Спаса во славе в искусстве старокиевской традиции // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 43.

⁷ По Ареопагиту, Престолы входят в первую триаду (вместе с Херувимами и Серафимами), а Силы и Власти — во вторую (вместе с Господствами). См.: De coel. hier. 6, 2 / PG 3. Col. 200–201 (Слав. и рус. пер. см.: Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А. Древнерусские Ареопагитики. М., 2002. С. 124, 248). Внутри же триады — чины у Псевдо-Дионисия могут называться в разном порядке.

⁸ Kłosińska J. Icons from Poland. Warszawa, 1989. Il. 4; Biskupski R. Ikony w zbiorach polskich. Warszawa, 1991. Il. 17–18.

⁹ Предваряя возможные ответные возражения, замечу, что такая же надпись сопровождает тронного Спаса, ореолом Славы не окруженного, в неизвестного происхождения деисусном чине на одной доске, датируемом XV в., в Национальном музее Перемышля (Польша) (Przemysł, Muzeum Narodowe, inv. MPH–1491) (Kłosińska J. Icons from Poland. № 10; Biskupski R. Ikony w zbiorach polskich. Il. 8).

¹⁰ Пуцко В.Г. Византийское наследие в искусстве Московской Руси («Спас в силах» в русской живописи XIV–XV вв.) (окончание) // Византийский временник. Т. 57 (82). С. 234. Анализ см.: Хлебников Д.В. «Спас в Силах» и Псалтирь: еще к вопросу происхождения названия иконографии // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 51–66.

¹¹ Лидов А.М. Иконостас: итоги и перспективы исследования // Иконостас. Происхождение — Развитие — Символика. Сборник статей / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 24; Лидов А.М. Икона. Мир святых образов в Византии и Древней Руси. М., 2014. С. 349. Анализ см.: Хлебников Д.В. «Спас в Силах»: штрих к вопросу интерпретации иконографии // Вестник церковной истории. 2018. № 1–2 (49–50). С. 243–258.

а к звездчатым четверугольникам¹², — основной иконографической особенности данного типа изображений? Поскольку строгих доказательств для этого положения на данный момент не найдено, — а таким бесспорным доказательством может быть лишь подобная графема, подписанная словом «Сила» или «Силы» в каком-либо изображении¹³, — нам придется изыскать косвенные.

Что же можно обнаружить в письменных источниках и памятниках изобразительности о композиции «в Силах» применительно к названию иконографии?¹⁴

1. Как уже было отмечено¹⁵, наряду со всем хорошо известным «Спасом в Силах» (тж. «Спас Вседержитель в Силах»¹⁶), в русских источниках встречаются и почти совсем незнакомые историко-искусствоведческой литературе термины «Саваоф в Силах»¹⁷, «Ветхий

¹² Последнее всегда чувствовали, но, видимо, не осознавали: именно и только из-за присутствия этих четырехугольников «Спасом в Силах» называли, напр., миниатюру «Андроникова Евангелия» (ГИМ, Епарх. 436, л. 1) (Лазарев В.Н. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы // История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 92), где нет никаких ангелов (а символы Евангелистов на иконах в описях всегда, без исключений, так и называются: «Евангелисты»).

¹³ В иконе первой пол. XVI в. «Премудрость созда себе дом» (ГТГ, инв. 28830) по сторонам головы Премудрости, окруженной нимбом в виде двух наложенных четырехугольников, есть надписи: «Божия Премудрость» [?] и «Божия Сила» [ср. 1 Кор. 1:23–24] (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Государственная Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII века. Т. II. М., 1963. С. 25–26. Кат. 365; София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России. М., 2000. С. 198–201. Кат. 65). Она, конечно, не является искомым доказательством: нет неоспоримых оснований утверждать, что она относится специально к данной фигуре. Но и ее нельзя, однако, совсем сбрасывать со счета.

¹⁴ Слово «сила» («силы») употребляется в Св. Писании, святоотеческой и богослужебной литературе в нескольких значениях, см.: PGL. P. 389–391.

¹⁵ Хлебников Д.В. «Спас в Силах»: штрих к вопросу интерпретации иконографии. С. 250–251; Он же. «Спас в Силах» и Псалтирь. С. 58; Он же. «Спас в Силах»: Факты и метафакты, критика и гипотезы // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. 8 (41). С. 64.

¹⁶ «Да над местными образами в тябле Деисус Спас Вседержитель в силах...»: Переписная книга Александро-Свирского монастыря 1646 г. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. № 15. Л. 39–39 об. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. С. 137).

¹⁷ В переписных книгах Корнилиева Комельского монастыря 1657 и 1676 гг.: «в церковь идучи на правой стороне икона большая Господь Саваоф в Силах» (Описная книга Введенского Корнилиево-Комельского монастыря переписи В.Г. Данилова-Домнина, составленная при передаче монастыря игумену Рафаилу и келарю Александру 2 декабря 1657 г. // Городок на московской дороге: историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994. С. 138; Переписные книги вологодских монастырей. С. 314); в описи Кириллова Белозерского монастыря 1668 г.: в церкви Иоанна Лествичника, справа от Царских дверей «образ Господь Саваоф в Силах» (Церкви и ризница Кирилло-Бело-

Деньми в Силах»¹⁸, «Отечество в Силах»¹⁹, «Богородица в Силах»²⁰, «Неопалимая Купина в Силах»²¹, «Что Тя наречем в Силах»²², «Дух Святый в Силах»²³ и даже «Крест в Силах»²⁴ и «образ нерукотворенный Господа нашего Иисуса Христа в Силах»²⁵.

И параллельно — русской иконописи прекрасно известны самые различные изображения, содержащие красные четвероконечные «звезды»; и в основном это именно те образы, которые, с эпитетом «в Силах», и называют письменные источники. Существенно, что в последних он известен с середины XVI в.: того самого времени, когда появляется и большая часть этих образов в их версии со «звездами». Некоторые из них, вероятно, имеют иконографию «Спаса в Силах» основой как композиции, так и названия. Обратим внимание: во многих случаях в изображениях со «звездами» мандорла не заполнена ангелами или их нет вовсе, как могут отсутствовать и символы Евангелистов.

зерского монастыря. По описным книгам 1668 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества. Т. II. СПб., 1861. С. 223).

¹⁸ В соловецкой описи 1582 г.: «образ трипядной... на золоте Деяния и мучения апостольская. Да на той же цки во облаце Спасов образ Ветъхии деньми в Силах» (Описи Соловецкого монастыря XVI века. Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003. С. 99).

¹⁹ Переписные книги Корнильева Комельского монастыря 1657 и 1676 гг.: «по правую сторону церковных дверей... Отечество в Силах» (Описная книга Введенского Корнильево-Комельского монастыря. С. 144; Переписные книги вологодских монастырей. С. 317); Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г.: в алтаре пядничный «образ Отечество в Силах» (Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря. С. 238); Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г. «да у чюдотворцова ж гроба образ местной, Отечество в Силах с Евангелисты» (Переписные книги вологодских монастырей. С. 58). В описи новгородского Юрьева монастыря 1723 г.: «по левую сторону царских дверей образ Отечества в Силах и лики святых отец и всех святых» (Опись Юрьева монастыря 1723 г. С. 218).

²⁰ Расходная книга Казенного приказа 1613–1614 гг. (Приходо-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. Т. IX. СПб., 1884. С. 174).

²¹ Писцовые книги Костромы 1627/1628–1629/1630 годов // Костромская икона XIII–XIX веков: Свод русской иконописи / Авт.-сост. Н.И. Комашко, С.С. Каткова. М., 2004. Приложение 1. С. 641.

²² Переписные книги Костромского Ипатиевского монастыря 1595 года. С. 3.

²³ Опись Николо-Коряжемского монастыря 1567 г. (Отписная Коряжемского Николаевского монастыря, по случаю поступления его в заведование игумена Иоакима // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 634).

²⁴ «Да на том же престоле другая одежда писана по полотну на левкасе, сверху Тайная Вечера, а спреди Крест в Силах с евангелисты, около херувими и серафими»: опись Павлова Обнорского монастыря 1682 г. (Опись Павлообнорского монастыря 1683 г. Доставлено Н.И. Суворовым // Известия Имп. Русского Археологического общества. Т. V. Вып. 3. СПб., 1865. Стб. 167).

²⁵ Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. (Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря. С. 150–151).

Спас в Силах

Иконография имеет несколько изводов, в том числе классический — Спас, сидящий на престоле, внутри звездчатых фигур, — и вариант без престола (Спас восседает на херувимах), как в среднике ростового деисусного чина из Ильинской церкви г. Белозерска (КБМЗ, инв. ДЖ 1006) (рис. 1). В ряде описей используется формулировка: «Спасов образ в Силах на престоле»²⁶. Не исключено, что акцентуация «престола» здесь указывает на то, что составители знали и вариант без престола; возможно, именно такой вариант имеет в виду опись Спасо-Каменного монастыря 1701 г.: «по правую сторону Царских дверей местных образов. Образ Господа Вседержителя, сидящей на херувимех с четырьмя евангелисты»²⁷.

Рис. 1. «Спас в Силах» (на херувимах). Средник деисусного чина из Ильинской церкви г. Белозерска. XVII в.

«Саваоф в Силах», «Ветхий деньми в Силах», «Отечество в Силах»

По структуре изображение соответствует иконографии Спаса в Силах: Ветхий Деньми с Младенцем в лоне (или без Младенца) окружен округлой мандорлой и четвероконечными «звездами» с символами Евангелистов. Встречается в монументальной живописи, на иконах, иконных прорисях²⁸, в мелкой пластике²⁹; нередко входит в состав многочастных композиций³⁰; может быть и средником деисус-

²⁶ Напр., в Соловецкой описи 1582 г. (Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 90).

²⁷ Переписные книги вологодских монастырей. С. 196.

²⁸ Маркелов Г. Книга иконных образцов. 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX веков. Т. I. СПб., 2001. № 163–165.

²⁹ См., напр. резное изображение на выносном кресте из Успенского собора московского Кремля. 1570 г. (ГММК, инв. ДК-1099/1-2) (Стерлигова И.А. Работы греческих резчиков на Руси: к изучению стиля древнерусской мелкой пластики первой половины XV века // Древнерусское искусство. Искусство средневековой Руси и Византии эпохи Андрея Рублёва. М., 2012. С. 251. Ил. 2).

³⁰ Напр., в иконописном подлиннике XVII в. при описании иконы «Воплощение»: «...а над Богородицею Господь Саваоф, в Силах, на обе страны благословляет, и из

ного чина³¹. Обычно в подобных изображениях присутствует только одна «звезда» (с символами Евангелистов), но бывают и обе (как и, чаще всего, в иконах Спаса в Силах); см. напр. икону XVII в. «Господь Саваоф, с Вознесением и Троицей в верхнем ряду» (ЦМиАР, КП 1764).

Вариант — образ «Новозаветной Троицы», заключенный в овальную мандорлу плюс в ту же четырехконечную «звезду» с символами. Как и предыдущий вариант, может быть средником деисусного чина, как икона из с. Семёновское под Москвой первой половины XVII в. (ЦМиАР, КП 345)³².

Как и иконы Спаса в Силах, оба варианта имеют изводы с престолом и без него³³.

«Богородица в Силах», «Неопалимая купина в Силах»

В рукописных сборниках XVII–XVIII вв. и иконописных подлинниках встречается вопрос-ответ: «чего ради Пресвятая Богородица пишется в Силах...»³⁴. Непонятно, почему бы образ «Богородицы в Силах» мог вызывать недоумение, если «Силы» здесь — просто ангелы: Честнейшая Херувим изображается в окружении или сопровождении ангелов систематически и в самых разнообразных вариантах.

Иконография, получившая название «Богоматерь Неопалимая купина», представляющая собой образ Одигитрии³⁵ в двухцветной

уст Святой Дух на Богородицу» (Григорьев Д.А. Русский иконописный подлинник // Записки Императорского Русского Археологического общества. Т. III. Вып. 1. Новая серия. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1887. С. 156).

³¹ См., напр. средник складня XVII в. ГТГ, инв. 14233 (Антонова В.И., Мневая Н.Е. Государственная Третьяковская галерея. Т. II. Кат. 797. Ил. 114).

³² 1000-летие русской художественной культуры. Каталог выставки / Научн. ред. А.В. Рындина. М., 1988. Кат. 141–149.

³³ См., напр.: Маркелов Г. Книга иконных образцов. Т. I. № 11, 12.

³⁴ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Книга IV. Примечания и дополнения / Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XXVI. СПб., 1881. С. 718.

³⁵ С последним положением согласны различные исследователи, см., напр.: Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2005. С. 154; Бунин С.В. Икона «Богоматерь Неопалимая Купина» сер. XVI в. из иконостаса собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря: иконография, исторические и религиозные аспекты // Ферапонтовские чтения. Вып. 6. Ферапонтово, 2015. С. 6; Сухова О.А. Икона «Богоматерь Неопалимая Купина» первой трети XVII века в собрании Муромского музея // Сообщения Муромского музея–2017: Материалы отчетной конференции МИХМ / Под ред. Ю.М. Смирнова. Владимир, 2018. С. 5. Об иконографии см.: Бусева-Давыдова И.Л. «Богоматерь Неопалимая купина»: к вопросу о смысле иконографии // VIII научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Сб. статей. Ярославль, 2004. С. 18–29; Головкина Д.С. «Богоматерь Неопалимая Купина»: иконография и символика // Искусство христианского мира. Сб. статей. Вып. 7. М., 2003. С. 205–220; Дешлер Ж.-П.

восьмиконечной звезде, составленной из двух наложенных четырехлучевых фигур, осложненный многочисленными символическими деталями, изображениями пророков и архангелов; распространена очень широко³⁶.

Замечательно, что собственно само изображение Одигитрии, помещаемое внутри «звезд», может относиться к различным иконографическим версиям: с разным положением рук, ног, разворотом головы Младенца и Богородицы³⁷; при этом все эти варианты носят одно и то же название «Купина Неопалимая», закрепленное надписью на иконе; очевидно, что признаком, дающим иконографии название, в данном случае являются именно «звезды».

Традиция называть «Неопалимой Купиной» именно такие изображения установилась, однако, сравнительно поздно; имя это в русских источниках прилагалось к различным образам. Так, есть и сведения, что «Купиной Неопалимой» называли тип поясной Оранты в «звездах»³⁸;

Икона Божьей Матери, именуемая «Неопалимая Купина». Интерпретация мистико-дидактической иконы // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия. Сб. статей. М., 2001. С. 315–322.

³⁶ Мнение К.Хр. Фельми о том, что «в иконографическом типе Неопалимой Купины проявляется мотив розы, пришедший на Русь, очевидно, с Запада, где он был, наряду с цветком лилии, распространенным атрибутом Богородицы», которое приводит В.П. Майер, видимо, с ним соглашаясь (*Майер В.П.* К вопросу о сложении и восприятии образа «Всевидающее око Господне» // XVII Научные чтения памяти И.П. Болотцевой (1944–1995). Ярославль, 2013. С. 191, 204. Прим. 23), хотя и замечает: «несомненна... связь иконографического элемента восьмиконечной звезды на иконах “Неопалимая Купина” и “Спас в силах”» (*Майер В.П.* К вопросу о сложении и восприятии образа «Всевидающее око Господне». С. 192), — ни на чем не основано. Не говоря уже о том, что восьмиконечная (или, реже, четвероконечная) «звезда» в русских иконах нисколько на цветок не походит, — эта графема встречается, кроме Богородичных, еще и в иконах Спаса, Троицы и других, очевидно, не являясь Богородичным символом; уже в XIV в. она известна, например, в виде нимба Премудрости, стоящей за спиной Евангелиста, в вологовских фресках. Заимствована эта графема, несомненно, с Балкан, где она широчайше распространена с начала XIV в. (в куполе церкви Богородицы Левишки, Призрень (*Davidov-Temerinski A.* Church of the Holy Virgin Ljeviška in Prisen. Belgrade, 2017. Fig. 20)), в то время как западноевропейской изобразительности совершенно неизвестна.

³⁷ Ср., напр. иконы: ГМЗРК, Инв. И-561 (Иконы Ростова Великого. М., 2003. Кат. 52), МГОМЗ, инв. ж-714 (София Премудрость Божия. Кат. 43); КБМЗ ДЖ-312 (Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2005. Кат. 38); ГТГ, инв. 19978 (*Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Государственная Третьяковская галерея. Т. II. Кат. 623).

³⁸ В каталоге собрания графа Уварова описана часть панагии «с изображением Знамения» с надписью: образ «Богородицы воплощение купина неопалими» ([*Уварова П.С.*] Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. Отд. VIII–XI. М., 1908. С. 72. № 138.). На «Панагии архиепископа Серапиона» (СПМЗ, инв. 67) «Знамение» в восьмиконечной «звезде» фланкируют изображения прор. Моисея и Давида на ободке створы (Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный

случается это и ныне³⁹. Называли так и более сложные композиции; см. в описи вологодского Софийского собора 1663 г.: «образ местной Неопалимые Купины Пречистые Богородицы... у четырех Евангелистов венцы серебряные... да мелких венцов у Апостолов двенадцать...»⁴⁰. Как известно, образы двенадцати апостолов не входят в традиционное изображение «Неопалимой Купины» как Оидигитрии в «звездах»; несомненно, имелась в виду другая иконография, например, подобная сюжету «Явление Богоматери по Успении в третий день» (см. прорись собр. А.М. Постникова⁴¹ и икону второй половины XVI в. (ГММК, инв. 54342 кп))⁴², где показано ростовое изображение Оранты в восьмиконечной «звезде», образы апостолов и др.

Окруженный четырех- или восьмиконечной звездой поясной образ Богородицы-оранты хорошо известен (древнейший русский пример — в церкви Спаса на Ильине в Новгороде); собственно на иконах он встречается реже, но обычен на внутренних сторонах крышек панагий⁴³, панагиарах⁴⁴, паникадилах⁴⁵, меднолитых наперсных

металл XI–XV века. М., 1996. С. 169–170. Кат. 21). Присутствие ветхозаветных пророков, особенно Моисея, может указывать на восприятие здесь этого образа как «Богоматери Купины». См. также: *Лифшиц Л.И.* Фрески Феофана Грека в Троицком приделе церкви Спаса на Ильине улице (Об иконографической программе росписи) // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. СПб., 2002. С. 273–275.

³⁹ *Кондаков Н.П.* Русская икона, IV. Текст. Ч. 2. Прага, 1933. С. 289; *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. С. 227. Скорее всего, «Знамение» в «звездах» имелось в виду и в описании Георгиевского собора Юрьева монастыря: «над деисусом «пророки... а в середине Божия Матерь Неопалимая Купины» (*Макарий (Миролюбов)*, архим. Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря, с литографированным видом оного. СПб., 1862. С. 18).

⁴⁰ *Суворов И.* Описание вологодского кафедрального Софийского собора. М., 1863. С. 14.

⁴¹ *Успенский М.И., Успенский В.И.* Древние иконы из собрания А.М. Постникова. СПб., 1899. Табл. LXXXVII; *Филимонов Г.Д.* Очерки русской христианской иконографии. София Премудрость Божия // Вестник Общества Древне-Русского искусства при московском публичном музее. 1874. № 1. С. 10–11.

⁴² София Премудрость Божия. С. 328–329. Кат. 120. Зд. названа как «София Премудрость Божия с преломлением хлебов ап. Петром и Похвалой Богоматери».

⁴³ *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. Кат. 101, 108–110, 113–115.

⁴⁴ *Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А.* Живопись Великого Новгорода. XV в. М., 1982. Кат. 36. С. 260.

⁴⁵ Государственный Русский музей. Древнерусское искусство. Новые поступления (1977–1987). Каталог выставки. Л., 1989. С. 26. Кат. 22; *Плешанова И.И.* Новгородские хоросы в собрании ГРМ // Памятники культуры. Новые открытия. 1985. М., 1987. С. 350. Ил. на с. 349.

образках⁴⁶ и т. д.⁴⁷ Подобные изображения могут быть средником пророческого чина; иконографический тип Богородицы в них, опять же, может варьироваться (см. средник пророческого ряда из Дионисьева Глушицкого монастыря начала XVI в.⁴⁸); известны и варианты с только одной «звездой»⁴⁹ (что случается и в иконах Спаса в Силах⁵⁰). В ряде случаев окружающие изображение Богородицы элементы повторяют структуру аналогичных деталей в иконах Спаса в Силах: округлая мандорла с вписанной в нее четвероконечной звездой окружена второй; обе — красного цвета (см. средник пророческого ряда домашнего иконостаса XVI в. в Музее икон, Реклингхаузен, Inv. N 202).

Видимо, как из названия иконографии «Спас в Силах» с ярким признаком — звездчатыми фигурами — брали эпитет «в Силах» и прилагали его к любым другим изображениям с подобными звездчатыми фигурами, точно так же изображение Богородицы со «звездами» — «Купина Неопалимая» (изначально, видимо, в типе оранты⁵¹), где эти фигуры являются самым бросающимся в глаза признаком (по которому эту икону всегда можно узнать издали, не видя других деталей), но сама купина (горящий куст) если и изображается, то в виде мелкой и ничем не выделенной детали в ряду других образов, — дала название любым другим изображениям Богородицы со «звездами».

Существуют также тронные⁵² или полнофигурные изображения Богородицы, заключенные в подобные «звезды».

⁴⁶ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. С. 389. Кат. 115; *Принцева М.Н.* Коллекция медного литья Ф.А. Каликина в собрании отдела истории русской культуры Эрмитажа // Памятники культуры. Новые открытия. 1984. М., 1986. Ил. с. 400.

⁴⁷ См., напр. серебряную тарель 1549 г. в ПМЗ (*Постникова М.М.* Серебряное дело Пскова XVI–XVII веков // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 157–173. Ил. с. 161, вклейка).

⁴⁸ ВГМЗ, инв. 7893 (*Рыбаков А.А.* Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. № 147; *Иконы Вологды XIV–XVI веков.* М., 2007. Кат. 29).

⁴⁹ ТКМ, инв. 9486 (Там же. № 260–262).

⁵⁰ См., напр. икону из Цареконстантиновской церкви в Вологде (*Иконы Вологды XIV–XVI веков.* Кат. 10).

⁵¹ Точнее, сначала «звезды», видимо, окружали одного Младенца, как в апсиде церкви Петра в с. Беренде (Болгария, вторая половина XIV в.) (*Бакалова Е.* Стенописите на църквата при село Беренде. София, 1976. Ил. 4–5) или в псковской иконе второй половины XIV– начала XV вв. «Собор Богородицы» в ГТГ, инв. 14906 (*Антонова В.И., Мневва Н.Е.* Государственная Третьяковская галерея: Т. I. Кат. 149. Ил. 101). Впоследствии же, увеличивая размер, их стали описывать вокруг фигуры Богородицы.

⁵² См., напр. лемковецкую икону XVI в. из Михайло-архангельской церкви с. Флоринка в Историческом музее г. Санок (Польша) (*Sanok, Muzeum Historyczne, nr. inv. 981*) (*Kłosińska J.* Icons from Poland. № 45; *Biskupski R.* Ikony w zbiorach polskich. Il. 33).

Следует заметить, что уже в XV в. эта форма иногда искажается — видимо, ввиду непонимания ее смысла (см. изображения Богородицы и Ветхозаветной Троицы в единой (без пересечения или наложения частей) восьмиконечной звезде на так наз. «Микулинской» панагии⁵³); то же происходит и с 8-угольным нимбом Саваофа на окладе вологодского Евангелия 1572 г. (ГИМ, Увар. 972/69⁵⁴).

«Что Тя наречем в Силах»

Текст «Что тя наречем...» нередко присутствует на иконах «Богоматерь Неопалимая Купина» вышеназванного извода, иногда — по краям звездчатых объектов⁵⁵ (т.е. *буквально* — в «Силах»). По надписи на иконе последняя и могла быть названа составителем описи, употребившим уникальную формулировку «Что Тя наречем в Силах».

Точно так же, по-видимому, и изображения Одигитрии в «звездах» получили название «Купина Неопалимая» из надписи на иконе: подобные изображения обычно сопровождаются изображениями пророков и их видений с соответствующими надписями и эпитетами Богородицы («Купина Неопалимая» — лишь один из них), в то время как сами «звезды» никакого отношения к собственно купине — горящему кусту — не имеют⁵⁶. Надпись «Бывшу Моисею в горе

⁵³ Предположение А.В. Рындиной (*Рындина А.В.* Малоизвестный памятник тверского искусства XV века // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 208) о связи изображений «Микулинской» панагии со звездами на тверских деньгах в свете «популярности» исламских орнаментальных мотивов совершенно неверно. Восьмиконечная звезда, действительно, встречается на одном из типов денег, чеканенных при тверском Великом князе Михаиле Борисовиче (1461–1486) (*Рубцов М.В.* Деньги Великого княжества Тверского. Тверь, 1996. С. 37, 217), но: 1) графические формы восьми- и *шестилучевых* звезд на монетах не имеют ничего общего с изображенными на панагиях; 2) такие монеты на полвека младше «Микулинской» панагии (при ее датировке А.В. Рындиной). Кроме того, М.В. Рубцов, специально интересовавшийся западными и восточными влияниями в нумизматике, так и не решает утверждать существование звезд на деньгах с Востока; 3) наконец, использование исламских мотивов (составляющих в данном случае значительную часть композиции) невозможно в столь значимых христианских изображениях, тем более — на сакральных предметах.

⁵⁴ *Уваров А.С.* Евангелие 1577 года, изображения Евангелистов и их символов // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Т. 21. Вып. 2. М., 1907. С. 7–37; *Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. Ил. 17 (см. здесь же замечание о том, что восьмиконечный нимб является «знаком творческой силы» (с. 89)); *Вздорнов Г.И.* Вологда. Л. [1972]. С. 107. Ил. 83; Иконы Вологды XIV–XVI веков. Ил. с. 69.

⁵⁵ КБМЗ, ДЖ-312 (Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Кат. 38).

⁵⁶ Исследователями предлагалось объяснение иконографии, исходящее из цветности «звезд»: «на иконах “Неопалимая купина” изображение Богоматери заключено

Хориве, явися ему купина огнем горящее и не стараше», располагаясь на верхнем поле⁵⁷, со временем могла начать использоваться как название иконы.

«Крест в Силах»

Известны и изображения Креста или Распятия в четверугольном или восьмиугольном звездчатом «сиянии»⁵⁸ (см. напр. двустороннюю икону-«тондо» последней четверти XVI в. «Собор Богородицы» с «Распятием» на обороте из с. Блажев Самборского района Львовской обл., НМЛ, I-2648)⁵⁹, где оба изображения заключены в подобные «звезды».

Возможно, так называли и изображения, подобные изданной Г.В. Маркеловым прориси с иконы XVII в. «Ты еси Иерей»⁶⁰ (рис. 2), также иногда содержащие звездчатые элементы⁶¹. Подобные изображения встречаются не слишком часто; составитель описи вполне мог не знать их названия и называл их буквально-описательно: «Крест в Силах».

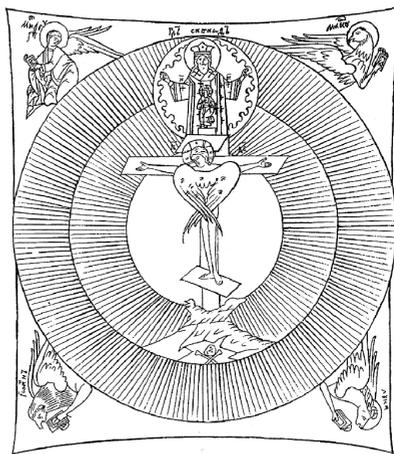

Рис. 2. «Ты еси Иерей по чину Мельхиседекову». Прорись XVII в.

в восьмиконечную звезду, состоящую из двух — красного и зеленого — четырехугольников... зеленый обозначает цвет куста (купины), а красный — охватившее купину пламя» (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Государственная Третьяковская галерея. Т. II С. 208), — но в цель такое толкование не попадает: оно никак не объясняет смысла самих (несущих эту цветность) графических форм; да и цветность их не закреплена и может меняться.

⁵⁷ Как в иконе второй половины XVI в. ГТГ, инв. 19978 (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Государственная Третьяковская галерея. Т. II Кат. 623).

⁵⁸ Изображение Креста с восьмиконечным «сиянием» есть уже в церкви Христа Пантократора в Дечанах (Сербия), фрески 1345–1348 гг.

⁵⁹ *Kosiv P.* Двобічні ікони XV–XVI століть на українських землях: спроба інтерпретації призначення та іконографії // Вісник Львівського університету. Серія: Мистецтвознавство. 2013. Вип. 13. С. 175. Іл. С. 179; *Федак М.І.* Іконостас кінця XVI – початку XVII ст. із церкви св. Миколая с. Тур'є на Старосамбірщині // Вісник Харківської Державної Академії Дизайну і Мистецтв. 2017. № 6. С. 94. Л. 6.

⁶⁰ *Маркелов Г.* Книга иконных образцов. Т. 2. № 270.

⁶¹ См., напр. икону в собрании икон в Реклингхаузене: *Бенчев И.* Иконы ангелов. Ил. с. 188.

«Образ нерукотворенный Господа нашего Иисуса Христа в Силах»

Если подразумевать именно образ со звездчатыми объектами, то русская традиция таких изображений, по-видимому, не знает. Но если все же представить себе подобный иконографический уникум, — довольно близкую аналогию найдем во фреске церкви Николы в дер. Shelcan (Албания), середины XVI в.; она неоднократно издана и в общем известна⁶². Изображение напоминает иконографию Спаса Нерукотворного без убруса (Св. Чрепие); окруженный нимбом лик взят в круг и двойной ромб с символами Евангелистов. Особенностью здесь является то, что лик — тройной: композиция представляет собой образ Пресв. Троицы.

Хотя иконография фрески весьма нетривиальна (как и «Образ нерукотворенный Господа нашего Иисуса Христа в Силах», если описью имелся в виду именно образ со звездчатыми объектами), заметим, что на Балканах интересующие нас формы в виде наложенных четверугольников распространены вообще чрезвычайно широко и встречаются порою в самых неожиданных местах (надо сказать, что изображаются они несколько иначе, чем в русской иконописи, и имеют иную цветность, что может указывать на несколько иную семантику).

В «Преображении» на западной стене церкви Вознесения в с. Лескоец середины XV в. (окрестности Охрида, Македония)⁶³ объекты в виде двух наложенных четверугольников окружают не Христа, а Моисея и Илию, каждого.

В центральном куполе церкви монастыря Ресава (Сербия, конец XIV — первая треть XV в.) наложенные четвероконечные «звёзды» окружали ныне утраченный медальон с поясным Пантократором, а в северном и южном пандативах — в «звезду» из наложенных четверугольников, из которой исходят «животные», заключена благословляющая Рука Господня⁶⁴; у главного входа в наос — в такую же звезду заключена рука Господня с душами праведных (рис. 3).

⁶² Σίσσιου Ιω. Εικόνες του Ονουφρίου τάχα και ζωγράφου στην Καστοριά // Niš and Byzantium VIII. Niš, 2010. Σ. 345. Εικ. 3; Дракоπούλου Ε. Τέχνη και χορηγία στην Αρχιεπισκοπή Αχρίδας μετά την οθωμανική κατάκτηση // Δασκάλα: Απόδοση τιμής στην καθηγήτρια Μαίρη Παναγιωτίδη-Κερίσογλου. Αθήνα, 2015. Σ. 147–148. Εικ. 9; Βιταλιώτης Ιω. Ο μεταβυζαντινός ζωγράφος Ονούφριος ο Κύπριος θεωρούμενος στο πλαίσιο της «Σχολής του Βερατίου» // Ελετηρίδα Κέντρου Μελετών Ιεράς Μονής Κύκκου. 12. 2019. Σ. 240. Εικ. 2.

⁶³ Суботик Г. Охридската сликарската школа од XV век. Охрид, 1980. Сл. 79.

⁶⁴ Проловић Ј. Сликарни програм купола и поткуполних простора у цркви манастира Ресаве // Зограф. 32. 2008. Црт. 4, 6а, 6б.

Рис. 3. Фреска Троицкой церкви монастыря Ресав
«Души праведных в руке Господней»

В церкви Топличского монастыря (Сербия), ок. 1537–1538 гг., восьмиугольник из наложенных четверугольников окружает Младенца в композиции «Видение Петра Александрийского»⁶⁵.

В сербской иконе XVII в. «Успение Стефана Дечанского» два наложенных четверугольника окружают возносимую ангелами душу Стефана⁶⁶.

Изображение св. Елизаветы с Иоанном, окруженное подобным объектом и представленное в виде «Знамения», есть в церкви в Bălinești, Молдавия⁶⁷.

Заметим кстати, что все эти примеры заставляют отказаться от популярного мнения о том, что подобные «квадраты» или «ромбы» означают «земную фигуру».

⁶⁵ Spaxiu J. Сликаството во наосот на северниот параклис на Топличкиот манастир // PATRIMONIUM.MK. Списание за културното наследство — споменици, реставрација, музеи. Година 5, број 10 / 2012. Ст. 4.

⁶⁶ Биxаљи-Мерин О. Фреске и иконе. Средњовековна уметност у Србији и Македонији. Београд, 1960. Ст. 78.

⁶⁷ Vătășianu V. Istoria artei feudale în Țările romine. Vol. I. Bucarest, 1959. Fig. 789.

Св. Дух в Силах

Изображения Св. Духа в образе голубя, помещенного в восьмиугольную звезду, хорошо известны. Другое дело, что подобные изображения не встречаются сами по себе, являясь частью другой композиции. Но в принципе — это можно себе представить

Интересующие нас звездчатые объекты со временем попадают во все большее число русских иконографий (см., например, икону «София премудрость Божия» в собрании ЦАК МДА) (рис. 4). Рискнем предположить, что в какой-то описи найдется и термин вроде «Премудрость в Силах»; можно прогнозировать выявление и других терминов с этим эпитетом: названными образами вовсе не исчерпывается круг изображений, содержащих интересующие нас звездчатые формы.

2. Как отмечено выше, считается, что слово «Силы» в названии иконографии Спаса в Силах означает — Силы Небесные, ангельские.

Но следует обратить внимание на то, что и в названных иконографиях главным внешним отличительным признаком, — который и мог с высокой степенью вероятности дать ей название, — являются вовсе не ангелы, а именно красные четвероконечные «звезды». Позволяю-

Рис. 4. «София Премудрость Божия в Силах». Икона XVII в.

щие сразу идентифицировать эти иконы даже издали, в отличие от заполняющих мандорлу ангельских сил, малоразличимых на стоящей иногда на значительной высоте иконе, особенно — на иконе старой и сильно потемневшей (это касается прежде всего тех икон, где образ Спаса в Силах, Саваофа в Силах и т.д. был лишь небольшой частью основного изображения). А простота и бесспорность идентификации, несомненно, были существенны для составителей церковных описей; не забудем, что именно в описях эти термины в подавляющем большинстве случаев и встречаются⁶⁸.

3. Ни один другой (без «звезд») вариант изображения Спаса или Богородицы в окружении ангелов никогда не имеет эпитета «в Силах» — ни в надписях на иконах, ни в письменных источниках, ни в традиции.

Так, например, в Сийском «первом» лицевом иконописном подлиннике (РНБ, ОЛДП, Ф. 88) есть различные варианты изображений Спаса во Славе с символами Евангелистов.

а) Классический «Спас в Силах» на престоле. Прорись с этим изображением (л. 310 (332)) подписана именно этим именем⁶⁹.

б) Изображение тронного Спаса в «звездах» (л. 120), как и в «Спасе в Силах», — но с символами Евангелистов, показанными отдельно, вне «звезд»; замечательно, что окружающей Христа мандорлы с ангелами в этом изображении нет; «звезды» — едва ли не единственное, что здесь есть общего с классическим изводом иконографии Спаса в Силах. На обороте листа написано: «Гдъ на силѣ»⁷⁰. То же изображение, но уже без подписанного названия, повторяется в Сийском подлиннике на л. 355 (368).

⁶⁸ Напр., в описи Соловецкого монастыря 1597 г.: «да деисус большой на золоте девятнадцать образов. Спасов образ написан в Силах» (Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 140). В описи 1668 г. Кирилло-Белозерского монастыря, церкви Преображения: «в деисусе образ Спасов, на престоле, в Силах»; то же в приделе Фёдора Стратилата, в церкви Евфимия, церкви Введения, церкви Предтечи (Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря. С. 213, 233, 234, 240, 249); в деревянной Казанской церкви вне монастыря: «над царскими дверми деисус, а в нем два образа (! – Д.Х.) Спасовы на престоле в Силах, по странам около тех образов семнадцать образов стоящих» (Там же. С. 339). См. также: *Хлебников Д.В.* «Спас в Силах»: штрих к вопросу интерпретации иконографии. С. 244.

⁶⁹ *Хлебников Д.В.* «Спас в Силах»: штрих к вопросу интерпретации иконографии. Ил. с. 245; *Он же.* «Спас в Силах»: Факты и метафакты. Рис. 1.

⁷⁰ *Покровский Н.В.* Лицевой Сийский иконописный подлинник. Вып. 3. СПб., 1897. С. 126, 128. № 99. Рис. 33; *Он же.* Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900. С. 445. Рис. 210. В обоих изданиях название переправлено на «Господь в силах». Воспроизведение см. также: *Хлебников Д.В.* «Спас в Силах»: Факты и метафакты, критика и гипотезы. Рис. 6.

Изменение названия иконографии здесь невозможно истолковать в том смысле, что Спас здесь восседает буквально *на силах*, хотя ангельские силы здесь, действительно, смещены в нижнюю часть композиции; Спас восседает все же на престоле.

в) Образ Спаса во Славе с символами евангелистов и в окружении ангелов, без кодекса и престола, не содержащий «звезд» и эпитета «в Силах» в названии не имеющий: прорись на л. 211 (181): «Господь Вседержитель, сей образ на Вологде в соборной церкви писан»⁷¹.

Сийский подлинник, разумеется, не является единым цельным систематическим классификационным сборником с четкой терминологией; это более или менее случайная подборка, составляющие его листы имеют разное происхождение и были созданы в разное время. Но, тем не менее, и его данные нельзя сбрасывать со счетов; вкупе с целой серией совершенно независимых свидетельств других источников они приобретают определенный вес и ценность.

4. «Херувимами и серафимами», — а не «силами», «ангельскими силами», «херувимскими силами» и т. д., — называет окружающих Спаса ангелов большинство описей, не употребляющих собственно термин «Спас в Силах». Те из них, конечно, которые вообще дают какое-то описание изображения, а не говорят, например, просто — «образ Спасов»⁷².

Мне известен всего один случай — Кирилловские описи 1601 и 1635 гг., — когда под «Силами» в названии иконографии (изображение на окладе Евангелия) явно подразумеваются ангелы: «Господь Саваоф в Силах Небесных»⁷³. Но нет ничего невозможного в том, что составитель этой описи, зная названия иконографий с эпитетом

⁷¹ *Покровский Н.В.* Лицевой Сийский иконописный подлинник. Вып. 3. № 133 (номер листа указан как 208); *Кондаков Н.П.* Лицевой иконописный подлинник. С. 90. Лиг. табл. № 10.

⁷² Ср. формулировки в описи Кириллова Белозерского монастыря 1601 г., которая говорит о полностью сохранившихся деисусах Успенского собора 1497 г. и церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи ок. 1534 г. (оба со «Спасом в Силах»: КБМЗ, инв. ДЖ 331 и КБМЗ, инв. ДЖ 1832) так: «над царскими дверми в деисусе образ Спасов Вседержителя на престоле. По обе стороны Спасова образа 20 образов стоячие» (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. И 18. С. 55); «а в церкви деисус стоячей. Образ Спасов на престоле, окрест херувими и серафими» (Там же. И 72. С. 157).

⁷³ В описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. «Евангелъе соборное в полдестъ, писменое, а на нем оклад серебрян, Господь Саваоф в силах небесных, около его деисус с празники, попово данье Федорово» (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. С. 122). То же — в описи 1635 г. (РНБ, Кирил.-Бел., 75/1314, л. 314).

«в Силах», не понимал его *смысла*⁷⁴ и впал в ту же самую ошибку, что и некоторые позднейшие исследователи⁷⁵, считая, что «Силы» в них означают ангелов, и употребил название не вполне адекватно (хотя и добавил — уникальный случай — слово «небесных»): жестко закрепленной номенклатуры иконных изображений, обязательной к употреблению, естественно, не было⁷⁶.

Нельзя не обратить внимания и на цитированную выше и совершенно *противоречащую этому пониманию* «Сил» формулу описей Павлова Обнорского монастыря: «Крест в Силах с евангелисты, *около херувими и серафими*» (курсив мой. — Д.Х.)⁷⁷: «херувими и серафими» упомянуты *отдельно от «Сил»*; под «Евангелистами» же здесь понимаются, как и во всех формулировках описей, безусловно, их символы (размещавшиеся в лучах четвероконечной «звезды»).

Похожая ситуация налицо и в иконе «Литургия» (оборот запрестольной иконы «Богоматерь Гора нерукоsecная») кисти Александра Казанцева, 1691 г. (ГРМ, ДРЖ 1476)⁷⁸: изображение Младенца в чаше под звездой окружено кругами и заключено в четвероконечную звезду с символами Евангелистов; в верхнем круге — Ветхий Деньми с восьмиконечным нимбом и Св. Дух в виде голубя в восьмиконечной звезде («Св. Дух в Силах»); над головой Ветхого Деньми надпись: «в

⁷⁴ Недоумение по поводу некоторых иконных образов в XVI–XVII вв., общеизвестно; иногда оно вызывало попытки нового перетолкования некоторых изображений и их деталей. В пример приведу систематически встречающееся (напр., в сборниках и азбуковниках) объяснение осьмиугольного нимба Саваофа: оу гдд саваофа, и оу стаго дха писати на образъ, вѣнецъ осмоуугленъ. осмоууглемъ во явлаетъ, яко той есть образъ(ъ) седми вѣкомъ(ъ) творца, и вѣдѣщаго вѣка творца (д. б.: «отца» — Д.Х.). седмый во настоящей сей вѣкъ наричетса... осмый вѣдѣщій вѣкъ глетса.... См. также толкование надписи в «венце» (нимбе) Спасителя в азбуковниках XVII в: В' вѣнцы гдд вга, и спа нашего иса хрпа пишѣтса три слова. ѿ. ѿ. н. сіа три слова образуютъ неизреченное има вѣже... азъ емь, еже есть... Нѣцыи же полкуютъ ихъ сице. ѿ. ѿ нвсз шедъ во своа прѣдохъ. о. они же ма не познаша. н. на крѣтѣ ма пригвоздиша (БАН, Арханг. 841 (Арх. С 209), л. 156).

⁷⁵ Со временем понимание смысла этих «звездчатых» форм нередко стиралось; описатели говорили просто — «в осьмиугольнике Господь Саваоф, Иисус Христос и Святой Дух», опись Спасо-Нередицкого монастыря 1829 г. (Гордиенко Э.А., Мoiseев С.В., Василевский М.Л. Описи Спасо-Нередицкого монастыря XVIII–XIX вв. // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 309).

⁷⁶ Существует мнение, что упоминаемое здесь Евангелие тождественно кодексу ГИМ, Увар. 972/69 (Преображенский А.С. О некоторых формах выражения авторского самосознания византийских и русских иконописцев // Художник в Византии и Древней Руси. Проблема авторства. Сб. статей. М., 2014. С. 91–92). На окладе этого кодекса «Отец Небесный», действительно, окружен ангельскими силами.

⁷⁷ Опись Павлообнорского монастыря 1683 г. С. 167.

⁷⁸ Бенчев И. Иконы ангелов. Ил. с. 197.

Рис. 5. «Литургия» Оборот запрестольной иконы «Богоматерь Гора нерукосечная». 1691 г.

силахъ» (рис. 5), но окружающие его ангелы подписаны отдельно: «херувими», а ангелы в нижнем круге — «серадими».

5. Существуют весьма нетривиальные изображения Спаса во Славе, детали которых свидетельствуют о смешении понятий, когда звездчатые формы напрямую связывались с ангелами.

а) Икона «Ты еси Иерей» второй половины XVII в. из ц. Рождества Богородицы с. Капотня под Москвой (в МГОМЗ)⁷⁹. Изображение представляет собой образ Спаса в Силах, совмещенный с иконографией «Великий Архиерей» («архиерейская шапка», омофор и саккос); совмещение этих образов не редкость для XVII в. В данном же случае к ним добавлена еще и тема «Предста Царица»: фигуру Спаса фланкируют крылатые Богородица и Предтеча, оба в миндалевидных мандорлах, в венцах и со свитками. По обеим сторонам обоих — антропоморфные ангелы.

Изображение усложнено апокалиптическими деталями: семь светильников на спинке престола, семь звезд в деснице, исходящий из уст меч; глазами покрыта и четверица животных, и шестокрылы

⁷⁹ Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. Табл. 81; Бенчев И. Иконы ангелов. Ил. с. 198.

Рис. 6. Спас Еммануил во Славе. Фреска церкви Рождества Богородицы в с. Сливница (Македония). 1611–1612 гг.

в мандорле, и даже спинка престола. На последней, кроме глаз, начертаны слова *сѣъ сѣъ сѣъ*, что добавляет еще и профетологическую и литургическую окраску.

б) Фреска на южной стене нартекса церкви Рождества Богородицы в македонском с. Сливница (близ оз. Преспа) с изображением Еммануила во Славе в составе акафистного цикла⁸⁰ (Младенец бысть, прежде век сый Бог наш) (рис. 6).

Заметим, что названные изображения имеют совершенно различное и независимое происхождение и связаны быть не могут. Но в обоих есть одна и та же особенность: со «звездами» здесь непосредственно связаны ангельские силы. Именно — в русской иконе ангелы заполняют не только мандорлу, но и красные лучи с символами Евангелистов, чего никогда не бывает в иконах «Спаса в Силах» и иконографически близких композициях («Саваоф в Силах», «Отчество в Силах» и т. д.). Во фреске же — сами лучи «звезд» покрыты очами и крыльями, подобно колесам в иконах «Спаса в Силах», — и, тем самым, понимаются здесь как силы Небесные.

⁸⁰ Поповска-Коробар В. Сливничкиот циклус на Богородичиниот акатист // Patrimonium. МК V. № 10. 2012. Ст. 2.

Похоже, и иконописец и автор фрески знали, что звездчатые формы назывались «Силами», но смысл этого названия остался им неизвестен (возможно, уже был утрачен традицией), — и они были ассоциированы с ангельскими небесными чинами и интерпретированы именно как последние (об утрате понимания смысла этой графемы македонским фрескистом свидетельствует и то, что вместо окружающей Еммануила традиционной четырех- или восьмиконечной формы здесь показана многоугольная, что иногда случается в некоторых поздних изображениях).

6. В состав композиции Страшного Суда нередко входят изображения, близкие к «Спасу в Силах» по иконографии (и иногда так и называемые в литературе), в «звездах»⁸¹.

Ф.И. Буслаев приводил описание композиции Страшного Суда по иконописному подлиннику XVIII в.: «с краю горный Иерусалим... от города облак силы, а в облаке Отец на престоле, а около херувимы маленькие... под облаком и под силою (это два разных объекта. — Д.Х.) Господь воссел судить на престол славы Своей»⁸². Если доверять адекватности формулировок приведенного описания, то «Силою» или «Силами» здесь нельзя считать изображенных около престола херувимов, которые упомянуты отдельно, а также сам «облак». Вероятно, имелся в виду именно звездчатый объект, подобный изображаемому в иконах Спаса в Силах.

7. Лицевой Чудовский Толковый Апокалипсис в известном «Егоровском сборнике» последней четверти XVI в. (РГБ, ф. 98 (Егор.), № 1844) содержит ряд изображений Спаса во Славе (в том числе с символами Евангелистов и/или в заполненной ангелами мандорле). В их числе — всего лишь один раз — и Спас в Силах (л. 61)⁸³. А напротив миниатюры со Спасом в Силах — в тексте (л. 60 об.): и наполниа цркви дыма ѿ славы бжїа и ѿ силы его (Откр. 15 : 8)⁸⁴. Смысл этой фразы (как и ее толкование) не позволяет относить слово «Сила» к ангелам в окружающей Спаса мандорле (кроме того, Силы Небесные — всегда во мн. числе).

⁸¹ Впервые — в церкви Богородицы Левишки, Призрень, Македония, фреска свода притвора, ок. 1307–1313 гг. (*Панић Д., Бабић Г.* Богородица Љевишка. Београд, 1975. С. 138. Сл. 30; *Живковић Б.* Богородица Љевишка. Цртежи фресака / Споменаци српског сликарства средњег века 9. Београд, 1991. С. 76–77; *Davidov-Temerinski A.* Church of the Holy Virgin Ljeviška in Prisen. Fig. 41).

⁸² *Буслаев Ф.И.* Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 187.

⁸³ Миниатюра издана: Русская Библия. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. VIII. М., 1992. Ил. на с. 476.

⁸⁴ Текст см.: Великие Минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883. Стб. 1758–1759 (26 сентября).

При этом связь этой фразы с миниатюрой очевидна: здесь ангел из числа окружающих Спаса четырех существ, показанных в огненных «лучах», подает оттуда другим ангелам «фиал» с огнем (видимо, с тем же самым огнем, что и в «лучах»), что является прямой иллюстрацией к следующему фрагменту:

Сущее	Толк
и единъ ѿ четыреи животныхъ дасть седмимъ ангеломъ седмь фиалъ златыхъ исполнь гнрости бга, живоущаго въ вѣки вѣкомъ. аминь.	такоже въ езекии пишеть, ѿ первыхъ присно на вторыхъ разумы приходитъ на небесѣхъ по прихатно, по великомуу дионисию.
и наполниа цркви дыма ѿ славы бжїа и ѿ силы его	страшно и оужасно гнрость вию сказаетъ, еаже исполнитса церкви и на достойныа находитъ въ время соудное.

Очевидно, что под «Силою» здесь следует понимать именно Божественный огонь (на миниатюре — в красных лучах с символами Евангелистов)

8. Если допустить хотя бы в первом приближении, что «силами» или «силою» могла называться фигура в виде одной или двух наложенных четвероконечных «звезд», — причины и поводы пока оставим в стороне, — станут понятны и некоторые другие смутные выражения рзда источников.

В документах Мастерской и Оружейной палаты по приходу и расходу денег упоминается (1728 г.) «образ Спасителей Еммануилев... венец с короною золотой; в коруне 5 запон... в пятой запоне 12 алмазцев... да 12 яхонтов, да в литерах и *в силах* (курсив мой. — Д.Х.) яхонтовых и изумрудных искр мелких 104»⁸⁵.

Опись московского Успенского собора 1701 г.: «по правую сторону царских дверей местной образ всемилостиваго Спаса, сидящий на престоле... риза чеканная... слова чеканные ж накладные... венець серебряной... а в словах, во оне 22 алмаза... а во оте и в наше 34 яхонтика... да над отом *в силе* (курсив мой. — Д.Х.) 4 яхонтика червчатых...»⁸⁶.

Употребление слов «сила», «силы» в цитированных фрагментах, кажется, не имеет другого объяснения; во всяком случае, оно не должно относиться к изображениям ангелов, особенно во втором случае, где оно стоит в единственном числе.

⁸⁵ Успенский А. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Вып. 3. Документы XVIII–XIX вв. бывшего Архива Оружейной палаты. М., 1906. С. 146.

⁸⁶ Описи Московского Успенского собора, от начала XVII века по 1701 год включительно // Русская историческая библиотека. Кн. III. СПб., 1876. Стб. 568.

NB: здесь возможно понимать под «силой», «силами» не только часть собственно иконного изображения. Так, известно, что иногда иконные украшения (накладные металлические на венцах и окладах, в том числе — содержащие в себе надписи⁸⁷) имели форму звезды, например: «... и с образною звездою, что ставят в венец к образу, а у ней 5 жемчужин»⁸⁸. Если они имели форму четырех- или восьмиконечника, образованного наложенными четырехугольниками⁸⁹, — тогда, ввиду сходства их форм с объектами, изображаемыми на иконах, — случайного или нет, — нельзя не допускать вероятность того, что и такие декоративные «образные звезды» могли иногда называть «силой» или «силами». Так же нерегулярно, как в письменных источниках использовался и эпитет «в Силах» и при описании икон.

9. В церкви Пантократора в Дечанах (Сербия), в акафистном цикле жертвенника (фрески 1345–1348 гг.), слова кондака 3 сила вишняго весни те (Лк. 1 : 35) сопровождают изображение Богородицы, на которую нисходит поток «Славы» из сегмента с выступающими острыми лучами (рис. 7), который выглядит совершенно так же, как интересующий нас объект Спаса в Силах: мандорла с острыми лучами, — но показанный лишь в нижней своей части (ср., напр., с вышеупомянутой иконой из Цареконстантиновской ц. в Вологде).

10. Наконец, в «Житии Василия Нового»⁹⁰, пространнейшем и распространенном памятнике агиографии, которое известно содержащимся в нем описанием видения о Страшном Суде⁹¹, есть место, где, при описании приготовлений к Суду, появляется огненный столп:

⁸⁷ Подобные восьмиугольные «звезды» окружают монограммы Христа и Богородицы в балканских фресках с XIV в., напр. в апсидном изображении Богородицы-Платитеры в церкви св. Афанасия του Μουζάκη в Кастории (1374–1386 гг.) и ряде других (*Παζαράς Ν. Οι τοιχογραφίες του Αγίου Αθανασίου Μουζάκη και η ένταξη τους στη μνημειακή ζωγραφική της Καστοριάς και της ευρύτερης περιοχής. Τόμος Β΄. Εικόνες. Θεσσαλονίκη, 2013. Εκ. 25, 48, 207, 302–303, 378*). Бывают они и шестиугольные, из двух треугольников (*Ibid. Εκ. 299, 301*).

⁸⁸ Опись Новгорода 1617 года / Под общ. ред. В.Л. Янина. Ч. 1. М., 1984. С. 56.

⁸⁹ Те же восьмиугольные «звезды», но шитые, широчайше распространены на облачениях (в описях так и называются «звездами»); см., напр. стихарь из Успенского собора московского Кремля, ГММК, инв. ТК-492 (*Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитьё. Каталог / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2004. Кат. 96*).

⁹⁰ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Ленинград, 1987. С. 142–143. Древнерусский перевод: Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Т. I: Исследования. Тексты / Изд. подг. Т.В. Пентковская, Л.И. Щёголева, С.А. Иванов / Памятники славяно-русской письменности. Новая серия. М., 2019.

⁹¹ Изд.: *Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Одесса, 1911.*

Рис. 7. Фреска в жертвеннике церкви Христа Пантократора. Монастырь Дечаны (Сербия), 1345–1348 гг. (прямоугольником выделены рассматриваемые в тексте детали)

«творческая Сила Всевышнего» (ἡ δημιουργικὴ δύναμις τοῦ Ὑψίστου⁹²); «Сила» разделяется на четыре «части» (стороны, направления, по странам света) и касается «твари»: в южнославянском переводе — четырьмя краями; в древнерусском — несколько иначе; она касается четырех концов мира (и косноуса четьремъ оугломъ твари; каі ѿшато тѡν τεσσάρων ᾠγωνῶν τῆς κτίσεως), после чего кости умерших соединяются и они встают⁹³. Описанная огненная «Сила», растянувшаяся на четыре конца земли, находит соответствие в красной четырехконечной «звезде» на иконах Спаса в Силах; обратим внимание, что в ее «лучах» («углах») размещены апокалиптические «животные», символизировавшие, кроме Евангелий, еще и страны света⁹⁴.

⁹² Веселовский А.Н. Видение Григория о последних днях / Разыскания в области русского духовного стиха. XXIV // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. LIII. № 6. СПб., 1891. Приложение. С. 20. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. С. 460–461.

⁹³ Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. С. 482–483, 673.

⁹⁴ Хлебников Д.В. «Спас в Силах»: о некоторых литературных параллелях иконографии // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 6. С. 164, 166, 167.

Итак, некоторые косвенные основания связывать с «Силой» в иконографии Спаса в Силах *не ангелов*, — или *не только ангелов*, — но еще и красные звездчатые фигуры, как кажется, есть. Это обстоятельство может дать основание связать иконографию и ее название с Житием Василия Нового, откуда красные звездчатые объекты и могли получить наименование «Сил».

Вполне вероятно, что эпитет «в Силах» не был изначальным, а был добавлен к названиям иконографий позднее; например, при некотором изменении семантики «звездчатых» форм в русских иконах, на которое может указывать изменение их цветности сравнительно с балканскими памятниками, как более ранними, так и современными им. Саму же изначальную семантику этих форм, как и их происхождение, на данный момент мы оставляем в стороне: русская иконопись взяла их в уже «готовом» виде.

Конечно, предложенные основания связывать с «Силой» в иконографии Спаса в Силах именно звездчатые фигуры — косвенные, и каждый высказанный выше тезис, отдельно взятый, сам по себе уязвим. Но их комплекс придает гипотезе уже большую основательность. Часть материала дана в более или менее «сыром» виде, но одной из задач автора и было — вызвать дискуссию, ревизию и более глубокое изучение материала.

В одной из следующих статей будет совершена попытка более подробно рассмотреть возможные взаимоотношения иконографии Спаса в Силах и ее названия с Житием Василия Нового, а также другими возможными источниками.

Сокращения

PG — *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1857–1866. Vol. 1–161.

PGL — *A Patristic Greek Lexicon* / Ed. by G. W.H. Lampe. Oxford: Oxford University Press, 1991. XLVII, 1568 p.

БАН — Библиотека Российской Академии наук

ВГМЗ — Вологодский государственный историко-культурный и художественный музей-заповедник

ГИМ — Государственный Исторический музей

ГМЗРК — Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»

ГММК — Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

КБМЗ — Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

МГОМЗ — Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник (ранее — музей «Коломенское»)

НМЛ — Львовский музей украинского искусства, ныне — Львовский Национальный музей

ПМЗ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

РГБ — Российская Государственная библиотека

РНБ — Российская Национальная библиотека

СПБНИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН

СПМЗ — Сергиево-Посадский музей-заповедник

ТКМ — Тотемский краеведческий музей

ЦАК МДА — Церковно-археологический кабинет Московской духовной академии

ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва

References

Aleksandrovych V. *Drevneyshiy obratzsy i nachalo bytovaniya ikonografii Spasa vo slave v iskusstve starokiyevskoy traditsii* [The Earliest Examples and the Beginning of the Iconography of The Saviour in Glory in the Art of Ancient Kievan Tradition] // *V kamne i v bronze. Sbornik statey v chest' Anny Peskovoy* [In Stone and Bronze. Collected Articles in Anna Peskova's Honour]. Saint Petersburg: Nevskaya knizhnaya tipografiya, 2017, pp. 43–52.

Antonova V.I., Mneva N.Ye. *Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya: Katalog drevnerusskoy zhivopisi XI – nachala XVIII veka* [State Tretyakov Gallery: Catalogue of the 11th – Early 18th-centuries Old Russian Painting]. Moscow: Iskusstvo, 1963. Vol. I. 394 p., 116 figures; Vol. II. 570 p., 179 il.

Bakalova E. *Stenopisite na tsurkvata pri selo Berende* [The murals of the Church near the Village of Berende]. Sofiya: Bŭlgarski khudozhnik, 1976. 143 p.

Bentchev I. *Ikony angelov. Obrazy nebesnykh poslannikov* [Icons of Angels. Images of Heavenly Envoys]. Moscow: Interbuk-biznes, 2005. 256 p.

Bihalji-Merin O. *Freske i ikone Srednjovekovna umetnost u Srbiji i Makedoniji* [Frescoes and Icons. The Medieval Art in Serbia and Macedonia]. Belgrade: Prosve-ta, 1960. 18 p., 48 figures.

Biskupski R. *Ikony w zbiorach polskich* [Icons in Polish Collections]. Warszawa: Wydawnictwa artystyczne i filmowe, 1991. 43 s., 151 ill.

Bratchikova Ye.K. *Siyskoye Yevangeliye XVII v. (zapisi i illyustratsii k nim)* [The 17th-century Siyskoye Gospel (notes and illustrations to them)] // *Khrizograf. Is. 3. Srednevekovyye knizhnyye tsenry: mestnyye traditsii i mezhregional'nyye svyazi. Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 5–7 sent. 2005 g.* [Medieval Book Centers: Local Traditions and Interregional Links. Proceedings of the International Academic Conference, Moscow, Sept. 5–7, 2005]. Moscow: SkanRus, 2009, pp. 310–321.

Bryusova V.G. *Russkaya zhivopis' XVII veka* [The 17th-century Russian Painting]. Moscow: Iskusstvo, 1984. 340 p.

Bunin S.V. *Ikona “Bogomater’ Neopalimaya Kupina” serediny XVI v. iz ikonostasa sobora Rozhdestva Bogoroditsy Ferapontova monastyrya: ikonografiya, istoricheskiye i religioznyye aspekty* [The Mid-16th-century Icon “The Virgin of the Burning Bush” from the Iconostasis of the Nativity of the Virgin Cathedral of the Ferapontov Monastery: Iconography, Historical and Religious Aspects] // *Ferapontovskiy chteniya. Is. 6. 2015, pp. 4–17.*

Buseva-Davydova I.L. *“Bogomater’ Neopalimaya kupina”: k voprosu o smysle ikonografii* [“The Virgin of the Burning Bush”: On Iconographical Meaning] //

- VIII nauchnyye chteniya pamyati I.P. Bolottsevoy [The 8th Academic Readings in I.P. Bolottseva's Memory]. Yaroslavl': Avers Press, 2004, pp. 18–29.
- Buslayev F.I. *Drevnerusskaya literatura i pravoslavnoye iskusstvo* [The Old Russian Literature and Orthodox Art]. Saint Petersburg: Liga Plyus, 2001. 349 p.
- Davidov-Temerinski A. *Church of the Holy Virgin Ljeviška in Prisren*. Belgrade: Institute for the Protection of Cultural Monuments of Serbia, 2017. 79 p.
- Dekorativno-prikladnoye iskusstvo Velikogo Novgoroda. Khudozhestvennyy metall XI–XV veka* [Decorative and Applied Arts of Veliky Novgorod. The 11th – 15th-centuries Art Metal Work]. Moscow: Nauka, 1996. 511 p.
- Deschler J.-P. *Ikona Bozh'ey Materi, imenuyemaya "Neopalimaya Kupina". Interpretatsiya mistiko-didakticheskoy ikony* [The Icon of the Virgin, called the "Burning Bush". An Interpretation of the Mystic and Didactic Icon] // *Russkaya pozdnyaya ikona ot XVII do nachala XX stoletiya* [Russian Late Icon from the 17th to the Early 20th Centuries]. Moscow: GosNIIR, 2001, pp. 315–322.
- Fedak M.I. *Ikonostas kintsya XVI – pochatku XVII st. iz tserkvy sv. Mykolaya s. Tur'ye na Starosambirshchyni* [The Late 16th – Early 17th-centuries Iconostasis from the Church of St. Nicholas in the village of Turye in the Staryi Sambir District] // *Visnyk Kharkivs'koyi derzhavnoyi akademiyi dyzaynu i mystetstv.* 2017. № 6, pp. 90–98.
- Filimonov G.D. *Ocherki russkoy khristianskoy ikonografii. Sofiya Premudrost' Bozhiya* [Essays on Russian Christian Iconography. Sophia, the Wisdom of God] // *Vestnik Obshchestva drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom publichnom muzeje.* 1874. № 1. *Issledovaniya*, pp. 1–20.
- Golovkova D.S. "Bogomater' Neopalimaya Kupina": *ikonografiya i simvolika* ["The Virgin of the Burning Bush": Iconography and Symbolism] // *Iskusstvo khristianskogo mira* [The Art of the Christian World]. Is. 7. Moscow: Izdatel'stvo PSTBI, 2003, pp. 205–220.
- Grigorov D.A. *Russkiy ikonopisnyy podlinnik* [Russian Iconographic *Podlinnik*] // *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Memoirs of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. III. Is. 1. New Series. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1887, pp. 21–167.
- Ikony Vologdy XIV–XVI vekov* [The Icons of the 14th–16th-centuries Vologda]. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. 824 p.
- Ikony Kirillo-Belozerskogo muzeya-zapovednika* [The Icons of the Kirillo-Belozersky Museum-Reserve]. Moscow: Severnyy palomnik, 2005. 336 p.
- Ikony Rostova Velikogo* [The Icons of Rostov Veliky]. Moscow: Severnyy palomnik, 2003. 447 p.
- Khlebnikov D.V. "Spas v Silakh" i Psaltir': *yeshche k voprosu o proiskhozhdenii nazvaniya ikonografii* ["The Saviour in Majesty" and the Psalter: Once More on the Origin of the Title of Iconography] // *Khristianskoye chteniye.* 2018. № 6, pp. 51–66.
- Kłosińska J. *Icons from Poland*. Warsaw: Arkady, 1989. 164 c.
- Kondakov N.P. *Litseyvoy ikonopisnyy podlinnik* [The Illuminated Icon Painting *Podlinnik*]. Vol. 1. *Ikonografiya Gospoda Boga i Spasa nashego Iisusa Khrista* [Iconography of Our Lord and Saviour Jesus Christ]. Saint Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1905. 97 p., 143 figures.
- Kosiv R. *Dvobichni ikony XV–XVI stolit' na ukrayins'kykh zemlyakh: sprobа interpretatsiyi pryznachennya ta ikonografii* [The 15th–16th-centuries Bilateral Icons in the Ukrainian Lands: An Attempt to Interpret Their Use and Iconography] // *Visnyk Lvivs'koho universytetu.* Series: *Mystetstvoznavstvo.* 2013. Is. 13, pp. 168–181.
- Lazarev V.N. *Zhivopis' i skulptura velikoknyazheskoy Moskvy* [Painting and Sculpture of the Grand-Ducal Moscow] // *Istoriya russkogo iskusstva* [History of

Russian Art] / Ed. by I.E. Grabar', V.S. Kemenov, V.N. Lazarev. Vol. III. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, pp. 71–214.

Lidov A.M. *Ikona. Mir svyatykh obrazov v Vizantii i Drevney Rusi* [Icon. The World of Holy Images in Byzantium and Old Rus]. Moscow: Feoriya, 2014. 406 p.

Lidov A.M. *Ikonostas: itogi i perspektivy issledovaniya* [Iconostasis: Research Results and Prospects] // *Ikonostas. Proiskhozhdeniye — Razvitiye — Simvolika* [Iconostasis. Origin — Development — Symbolism] / Ed. and comp. by A.M. Lidov. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000, pp. 11–29.

Lifshits L.I. *Freski Feofana Greka v Troitskom pridele tserkvi Spasa na Il'ine ulitse (Ob ikonograficheskoy programme rospisi)* [The Frescoes of Theophanes the Greek in the Trinity Aisle of the Church of the Transfiguration on Ilyina Street (On the Iconographic Painting Programme)] // *Drevnerusskoye iskusstvo. Vizantiya, Rus', Zapadnaya Yevropa: Iskusstvo i kul'tura* [Old Russian Art: Byzantium, Rus, Western Europe: Art and Culture]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2002, pp. 269–288.

Likhachev N.P. *Materialy dlya istorii russkogo ikonopisaniya* [Materials for the History of Russian Icon Painting]. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1906. 18 p., 209 figures.

Makariy (Mirolyubov), archimandrite. *Opisaniye Novgorodskogo obshchezhitel'nogo pervoklassnogo Yur'yeva monastyrya, s litografirovannym vidom onogo* [A Description of the First Class Saint George's (Yuriev) Coenobitic Monastery in Novgorod, with its lithographed view]. Saint Petersburg: Tipografiya E. Veymara, 1862. 143 p.

Markelov G. *Kniga ikonnykh obrazov. 500 podlinnykh prorisey i perevodov s russkikh ikon XV–XIX vv.* [A Book of Icon Designs. 500 Authentic the 15th–19th-centuries Russian Icon Tracings and Transfers]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2001. Vol. I. 552 p.; Vol. II. 636 p.

Matveyeva A.B. *Freski Andrey Rubleva i stenopis' XII veka vo Vladimire* [Andrei Rublev's Frescoes and the 12th-century Mural Painting in Vladimir] // *Andrey Rublev i yego epokha* [Andrei Rublev and His Time] / Ed. by M.V. Alpatov. Moscow: Iskusstvo, 1971, pp. 142–170.

Mayasova N.A. *Drevnerusskoye litsevoye shit'yo. Katalog* [Old Rus Pictorial Embroidery. Catalogue] / Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Krem" [State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin"]. Moscow: Krasnaya ploshchad', 2004. 495 p.

Mayyer V.P. *K voprosu o slozhenii i vospriyatii obraza "Vsevidyashcheye oko Gospodne"* [Regarding the Composition and Perception of the Icon "All-Seeing Eye of God"] // *XVII Nauchnyye chteniya pamyati I.P. Bolottsevoy (1944–1995)* [The 17th Academic Readings in Memory of I.P. Bolottseva (1944–1995)]. Yaroslavl': YaKhM, 2013, pp. 188–209.

Nikolayeva T.V. *Proizvedeniya melkoy plastiki XIII–XVII vv. v sobranii Zagorskogo muzeya. Katalog* [The 13th–17th-centuries Small Statuary Works in the Collection of the Zagorsk Museum. Catalogue]. Zagorsk: [s. e.], 1960. 338 p.

Panić D., Babić G. *Bogoroditsa Ljeviška* [Our Lady of Ljeviš]. Belgrade: Srpska kniževna zadruga, 1975. 149 p.

Pleshanova I.I. *Novgorodskiy khorosy v sobranii GRM* [Novgorod Coronae Lucis in the Collection of the State Russian Museum] // *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya* [Monuments of Culture. New Discoveries]. 1985. Moscow: Nauka, 1987, pp. 345–356.

Podobedova O.I. *Moskovskaya shkola zhivopisi pri Ivane IV* [Moscow School of Painting under Ivan IV]. Moscow: Nauka, 1972. 197 p.

Pokrovskiy N.V. *Litseyoy Siyskiy ikonopisnyy podlinnik* [The Illustrated Siysky Real Icon Painting]. Is. 3. *Pamyatniki drevney pis'mennosti* [Monuments of Ancient Writing]. Vol. CXXII. Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1897. 160 p.

Pokrovskiy N.V. *Ocherki pamyatnikov khristianskoy ikonografii i iskusstva* [Essays on the Monuments of Christian Iconography and Art]. Saint Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1900. 481 p., 88 figures.

Popovska-Korobar V. *Slivničkiot ciklus na Bogorodičniot akatist* [The Cycle of the Virgin Mary Akathist] // *Patrimonium*. MK V. N 10. 2012, pp. 259–273.

Postnikova M.M. *Serebryanoye delo Pskova XVI–XVII vekov* [Silver Artwork of the 16th–17th-centuries Pskov] // *Drevnerusskoye iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Pskova* [Old Russian Art. Pskov Artistic Culture]. Moscow: Nauka, 1968, pp. 157–173.

Preobrazhenskiy A.S. *O nekotorykh formakh vyrazheniya avtorskogo samoznaniya vizantiyskikh i russkikh ikonopistsev* [On Some Expression Forms of the Author's Identity of Byzantine and Russian Icon Painters] // *Khudozhnik v Vizantii i Drevney Rusi. Problema avtorstva* [The Artist in Byzantium and Old Rus. The Problem of Authorship]. Moscow: TsMIR, 2014, pp. 59–119.

Printseva M.N. *Kollektsiya mednogo lit'ya F.A. Kalikina v sobranii otdela istorii russkoy kul'tury Ermitazha* [The Collection of F.A. Kalikin's Copper Casting in the Collection of the Department of the History of Russian Culture in the Hermitage] // *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya*. 1984. Moscow: Nauka, 1986, pp. 396–408.

Prolović J. *Slikani program kupola i potkupolnih prostora u crkvi manastira Resave* [The Painting Programme of the Domes and Subdome Space in the Church of the Resava Monastery] // *Zograf*. 32. 2008, pp. 131–150.

Putsko V.G. *Vizantiyskoye nasledie v iskusstve Moskovskoy Rusi (XIV–XV vv.) (Okonchaniye)* [The Byzantine Heritage in the Art of Muscovite Rus ("The Saviour in Majesty" in the 14th–15th-centuries Russian Painting) (the end)] // *Vizantiyskiy vremennik*. Vol. 57 (82). 1997, pp. 234–245.

Rozov N.N. *O genealogii russkikh litseyvykh psaltirey XIV–XVI vekov* [On the Genealogy of the 14th–16th-centuries Russian Illustrated Psalters] // *Drevnerusskoye iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Moskvy i prilozhashchikh k ney knyazhestva XIV–XVI vv.* [Old Russian Art. The Artistic Culture of Moscow and Adjacent Principalities in the 14th–16th Centuries]. Moscow: Nauka, 1970, pp. 226–257.

Rubtsov M.V. *Den'gi Velikogo knyazhestva Tverskogo* [Money of the Grand Duchy of Tver']. Tver': LEAN, 1996. 295 p.

Rybakov A.A. *Vologodskaya ikona. Tsentry khudozhestvennoy kul'tury zemli Vologodskoy XIII–XVIII vekov* [Vologda Icon. The Centers of Artistic Culture in the Vologda Region in the 13th–18th Centuries]. Moscow: Galart, 1995. 435 p.

Ryndina A.V. *Maloizvestnyy pamyatnik tverskogo iskusstva XV veka* [A Little-known Masterpiece of the 15th-century Tver' Art] // *Drevnerusskoye iskusstvo. Problemy i atributsii* [Old Russian Art. Problems and Attributions]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 199–222.

Ryndina A.V. *O liturgicheskoy simvolike drevnerusskikh serebryanykh panagiy* [On the Liturgical Symbolism of Old Russian Silver Panagias] // *Vostochnokhristianskiy khram. Liturgiya i iskusstvo* [East Christian Church. Liturgy and art] / Ed. and comp. by A.M. Lidov. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1994, pp. 204–219.

Shchennikova L.A. *Deisusnyy chin so "Spasom v silakh" (istoki ikonografii)* [The Deesis Tier with "The Saviour in Majesty" (the Origins of Iconography)] // *Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya* [The Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin: Materials and Studies]. Moscow: GIKMZ "Moskovskiy Kreml'", 1999, pp. 54–86.

Smirnova E.S., Laurina V.K., Gordiyenko E.A. *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XV v.* [The Painting of Veliky Novgorod in the 15th Century]. Moscow: Nauka, 1982. 575 p.

Spahiu J. *Slikarstvo vo naosot na severniot paraklis na Topličkiot manastir* [Painting in the Nave of the North Chapel of the Toplica Monastery] // *Patrimonium. MK. Spisanie za kulturnoto nasledstvo – spomenici, restavracija, muzei*. Year 5. Is. 10. 2012, pp. 215–240.

Sterligova I.A. *Raboty grecheskikh rezchikov na Rusi: k izucheniyu stilya drevnerusskoy melkoy plastiki pervoy poloviny XV veka* [The Works of Greek Carvers in Rus: A Study of the Style of Old Russian Small Statuary in the First Half of the 15th Century] // *Drevnerusskoye iskusstvo. Iskusstvo srednevekovoy Rusi i Vizantii epokhi Andrey Rubleva* [Old Russian Art. The Art of Medieval Russia and Byzantium in the Time of Andrei Rublev]. Moscow: Art-Volkhonka, 2012, pp. 251–260.

Subotić G. *Ohridskata slikarskata škola od XV vek* [The 15th-century Ohrid Painting School]. Ohrid: Institut za istoriju umetnosti, 1980. 237 p.

Sukhova O.A. *Ikona "Bogomater' Neopalimaya Kupina" pervoy treti XVII veka v Muromskom muzeye* [The Icon "The Virgin of the Burning Bush" of the First Third of the 17th Century in the Murom Museum] // *Soobshcheniya Muromskogo muzeya – 2017: Materialy otchetnoy konferentsii MIKhm* [Proceedings of the Murom Museum – 2017: The Materials of the Conference]. Vladimir: [s. e.], 2018, pp. 5–47.

Tolchan A. *Solovetskiy iconostas* [The Solovetsky Iconostasis]. Vilnius: Petro ofsetas, 2000. 104 p.

Uvarov A.S. *Yevangeliye 1577 goda, izobrazheniya yevangelistov i ikh simvoly* [The 1577 Gospel, Images of the Evangelists and Their Symbols] // *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. 21. Is. 2. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1907, pp. 7–37.

Uspenskiy M.I., Uspenskiy V.I. *Drevniye ikony iz sobraniya A.M. Postnikova* [The Ancient Icons from the A.M. Postnikov Collection]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo pri Sankt-Peterburgskom Arkheologicheskom institute, 1899. 98 p.

Vătăşianu V. *Istoria artei feudale în Țările române* [The History of Feudal Art in the Romanian Principalities]. Vol. I. Bucharest: Acad. Republicii Populare Romine. 1959. XI. 1018 p., 910 figures.

Vzdornov G.I. *Vologda*. Leningrad: Avrora, [1972]. 131 p.

Živković B. *Bogorodica Ljeviška. Crteži fresaka* [Our Lady of Ljeviš. Sketches of the Frescoes] // *Spomenici srpskog slikarstva srednjeg veka* [Monuments of the Serbian Medieval Painting]. 9. Belgrade: Republički zavod za zaštitu spomenika kulture, 1991. 88 p.

Βιταλιώτης Ιω. Ο μεταβυζαντινός ζωγράφος Ονούφριος ο Κύπριος θεωρούμενος στο πλαίσιο της «Σχολής του Βερατίου» // *Επετηρίδα Κέντρου Μελετών Ιεράς Μονής Κύκκου* 12. 2019. Σ. 233–278.

Δρακοπούλου Ε. Τέχνη και χορηγία στην Αρχιεπισκοπή Αχρίδας μετά την οθωμανική κατάκτηση // *Δασκάλα: Απόδοση τιμής στην καθηγήτρια Μαίρη Παναγιωτίδη-Κεσίσογλου*. Αθήνα: Πανεπιστήμιο Αθηνών, Σαριπόλειο Ίδρυμα, 2015. Σ. 139–160.

Παζαράς Ν. Οι τοιχογραφίες του Αγίου Αθανασίου Μουζάκη και η ένταξή τους στη μνημειακή ζωγραφική της Καστοριάς και της ευρύτερης περιοχής. Τόμος Β'. Εικόνες. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 2013. π. 200 σ.

Σίσιου Ιω. *Εικόνες του Ονούφριου τάχα και ζωγράφου στην Καστοριά* // *Niš and Byzantium*. VIII. 2010. Σ. 335–354.

А.А. Дроздов, В.Д. Долженко, М.Н. Андреев, В.В. Лунин*

**ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА СМАЛЬТОВЫХ СТЕКОЛ
НА УСТЬ-РУДИЦКОЙ ФАБРИКЕ М.В. ЛОМОНОСОВА**

A.A. Drozdov, V.D. Dolzhenko, M.N. Andreev, V.V. Lunin

**THE TECHNOLOGICAL STUDIES OF SMALT GLASS
MANUFACTURE AT M.V. LOMONOSOV'S
UST'-RUDITSA FACTORY**

Аннотация. Основанная М.В. Ломоносовым в 1753 г. в деревне Усть-Рудица фабрика «делания изобретенных им разных цветов стекол, и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких других галантерейных вещей и уборов» прекратила свое существование не позднее 1768 г. Проведенный нами анализ составов смальтовых стекол, произведенных в химической лаборатории М.В. Ломоносова и на Усть-Рудицкой фабрике в 1749–1767 гг., позволил реконструировать уникальную технологию их производства. Она заключается в использовании двух фритт — высокосвинцовой «желтой фритты» и поташной «белой фритты», а также костной муки и извести. На первых этапах работы со стеклом ученый использовал готовые фритты, произведенные на других предприятиях. В качестве добавок, вызывающих глушение стекол, помимо кости ученый использовал белый мышьяк и антимоний. Таким образом, можно предположить, что именно М.В. Ломоносов

* *Дроздов Андрей Анатольевич*, искусствовед, кандидат химических наук, доцент химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Drozdov Andrey Anatol'yevich, Art Historian, PhD Candidate in Chemistry, Associate Professor, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University

+7-916-557-42-83; camertus@mail.ru

Долженко Владимир Дмитриевич, кандидат химических наук, доцент химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Dolzhenko Vladimir Dmitriyevich, PhD Candidate in Chemistry, Associate Professor, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University

Андреев Максим Николаевич, аспирант химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Andreyev Maksim Nikolayevich, PhD Student, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University

Лунин Валерий Васильевич, профессор, академик РАН, президент химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Lunin Valeriy Vasil'yevich, Full-Member of Russian Academy of Sciences, Professor, President of Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University

впервые в России стал использовать кость для глушения стекла. Варьируя соотношение двух фритт, ученый получал стекла разной окраски при неизменном количестве одного и того же красителя. Именно этим объясняется уже давно установленный факт, что, используя сравнительно небольшой набор красителей (оксидов меди, железа, марганца, кобальта, сурьмы, соединений золота и серебра), ученый добился создания широкой палитры смальтовых стекол. Впервые проведенная нами математическая обработка данных по анализу смальт позволила рассчитать составы отдельных компонентов в стекле и соотношение компонентов шихты. Высказано предположение, что именно уникальность этой технологии и ее привязка к смальтовым стеклам послужила препятствием для ее использования на других предприятиях. Однако труды М.В. Ломоносова не пропали бесследно. Навыки «составления материи», опыт использования красителей, в том числе и создания стекла «золотой рубин», научный подход к технологическому процессу, безусловно, были заложены на его фабрике в Усть-Рудице.

Ключевые слова: цветные стекла, смальты, усть-рудницкая фабрика М.В. Ломоносова, технология производства смальт, поташ, фритта.

Abstract. The factory founded by M.V. Lomonosov in the village of Ust'-Ruditsa in 1753 for "manufacturing glass of different colors invented by him, and beads from it, bead stringings and all kinds of other haberdashery items and garments" ceased to exist no later than 1768. The article presents the results of the analysis of smalt glasses made in M.V. Lomonosov's chemical laboratory and the Ust'-Ruditsa factory in 1749–1767. It allows reconstructing the unique technology of their production. This technique consists in the use of two frits – a high lead "yellow frit" and a potash "white frit", as well as bone ash and lime. At the first stages of working with glass, the scientist employed ready-made frits produced at other factories. In addition to the bone ash the scientist used white arsenic and antimony as additives that cause the clouding of glass. Thus, we can assume that it was M.V. Lomonosov who, for the first time in Russia, added bone ash as glass opacifier. Using one and the same amount of colorant he managed to change color by varying the ratio of two frits. This explains the long-established fact that, with the help of a relatively narrow set of colorants (copper, iron, manganese, cobalt, antimony, gold and silver compounds), the scientist created the wide palette of smalt glasses. The first attempted mathematical processing of smalt analysis data allows defining the compositions of individual components in glass and the ratio of charge components. It has been suggested that the uniqueness of this technology and its specificity for smalt glass manufacturing served as an obstacle to its employment at other factories. However, M.V. Lomonosov did not work in vain. The skills of "compiling matter", using colorants, producing "golden ruby" glass and the scientific approach to the technological process were undoubtedly developed at his factory in Ust'-Ruditsa.

Keywords: colored glass, smalt, M.V. Lomonosov's Ust'-Ruditsa factory, smalt technology, potash, frit.

Сырьем для производства стекла в разные исторические эпохи служили песок, измельченная кварцевая галька, а также различные флюсы, составленные на основе золы разной степени очистки или природного минерала троны. В средневековой Европе стекла изготавливали на основе зольного флюса, богатого калием и кальцием. Во второй половине XVII в. в Центральной Европе была разработана рецептура мелового стекла, в которой кальций вводили в виде мела, а в Англии — рецептура свинцового хрусталя. Европейские стекла XVIII в. по составу близки меловому стеклу, но в отличие от него, могут содержать небольшую добавку оксида свинца. Составы русских стекол этого времени, производимые на казенных заводах и крупных частных предприятиях, до настоящего времени практически не изучены.

В истории не только русского, но и мирового стеклоделия особое место занимает созданная М.В. Ломоносовым Усть-Рудицкая фабрика «делания изобретенных им разных цветов стекол, и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких других галантерейных вещей и уборов»¹. Основанная великим русским ученым в 1753 г., фабрика не просуществовала и полтора десятка лет. В 1767 или 1768 г. работы на фабрике прекратились, вскоре были разрушены и печи². Несмотря на краткий период деятельности предприятия, до наших дней дошли многочисленные фрагменты мозаичных смальт, которые хранятся в музейных и частных собраниях³. Более 58 тысяч фрагментов стекол

¹ Усть-Рудицкая жалованная грамота // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 20. Оп. 2. Д. 8.

² Сидоров Н.И. Из истории мозаических составов М.В. Ломоносова // Известия АН СССР. VII серия. Отделение физико-математических наук. 1930. Вып. 7. С. 679–706; Сидоров Н.И. Усть-Рудицкая фабрика М.В. Ломоносова // Известия АН СССР. Сер. общественных наук. 1937. № 1. С. 149–174. Об истории усадьбы см: Козлов Д.В. Усть-Рудица — заповедник русской души // Музейная жизнь дворцов и парков: материалы науч.-практ. конференции ГМЗ «Гатчина» (14–17.11.2018). Гатчина, 2018. С. 148–161.

³ Наиболее полная коллекция усть-рудицких стекол хранится в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамере) в Санкт-Петербурге. Она составлена из 29 образцов колотых смальт (инв. МЛ189–МЛ216), поступивших в 1948 г. из Государственного Эрмитажа (они были переданы наследниками ученого), и 430 образцов стекла из раскопок В.В. Данилевского (инв. 4048–4478) — это остатки изделий (дно чернильницы), продукты экспериментальных варок из разрушенных тиглей. Основную часть собрания представляют части дисков из глушеного цветного стекла, предназначенные для выработки смальт. Усть-рудицкие смальты хранятся также в Народном музее форта «Красная горка» в Лебяжьем (директор А.И. Сенотрусов), Сосновоборском городском музее и Краеведческом музее г. Ломоносова, куда они были подарены краеведом А.В. Хвальским. Авторы признательны А.И. Сенотрусову и А.В. Хвальскому за предоставление образцов смальт для изучения и совместную поездку на место фабрики.

были обнаружены в ходе археологических раскопок, проводимых в 1949–1953 гг. сотрудниками Ленинградского Политехнического института под руководством академика В.В. Данилевского⁴. Проведенное в 1950-е гг. исследование смальтовых стекол М.В. Ломоносова позволило в общих чертах изучить их состав⁵, выявить набор красителей и охарактеризовать окраску стекол по шкале цветности⁶. В центре внимания современных исследователей оказались культурологические аспекты деятельности М.В. Ломоносова в Усть-Рудице⁷, а также исследование состава и микроструктуры смальт и огнеупорных материалов⁸. В общих чертах технология изготовления смальт рассмотрена в иконографическом аспекте по миниатюрам Усть-Рудицкой жалованной грамоты⁹. На протяжении последних пятидесяти лет специальных исследований стекол М.В. Ломоносова не проводилось, и технология их производства так и осталась неизученной. С целью восполнить этот пробел нами проведен систематический анализ со-

⁴ Результатом этих исследований явилась монография: *Данилевский В.В. Ломоносов и художественное стекло*. М., 1964. В архиве Института археологии РАН хранятся только отчеты за 1949 и 1950 гг. В отчете за 1950 г. открытый лист отсутствует. Современное местонахождение раскопанных в результате экспедиции стекол нам неизвестно. В отчете 1949 г. указано, что все находки вывезены в Ленинградский Политехнический институт. По устным свидетельствам местных жителей, работавших на раскопках, часть смальт была вывезена на грузовиках в Москву для использования их в мозаичном наборе. В ГИМ хранится выполненный из кусочков смальт сувенир, изготовленный участниками экспедиции к 70-летию И.В. Сталина с надписью «Дорогому Иосифу Виссарионовичу Сталину от трудов М.В. Ломоносова. Усть-Рудицкая экспедиция. 1949». О его изготовлении упоминается в отчете 1949 г. Авторы благодарят Е.К. Столярову (Институт археологии РАН) и Е.П. Смирнову (ГИМ) за предоставленные сведения.

⁵ *Безбородов М.А., Чеканал В.Л.* Химический состав цветных стекол М.В. Ломоносова // Доклады АН СССР. 1953. Т. ХСІ. № 3. С. 609–611.

⁶ *Данилевский В.В., Ляликов К.С.* Спектрофотометрическое и колориметрическое исследование мозаичных стекол и других цветных стекол Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Вып. 5. М.; Л., 1961. С. 141–150.

⁷ *Осипов Д.В.* Усадьба Ломоносова Усть-Рудица — фабрика цветного стекла. М., 2011.

⁸ *Севастьянова Т.Н., Калинин Е.О., Сапрыкина Н.Н., Холкина Е.А.* Анализ огнеупорных материалов, найденных на месте Усть-рудицкой фабрики М.В. Ломоносова неразрушающими методами анализа // Вестник СПбГУ. Сер. физика и химия. 2017. Т. 4(62). Вып. 3. С. 326–336; *Тихонов П.А., Калинина М.В.* Физико-химическое исследование цветных смальт и стекловаренных тиглей из раскопок Химической лаборатории и Усть-Рудицкой фабрики М.В. Ломоносова // Ломоносов: сб. статей и материалов. Т. X. СПб., 2011. С. 407–416. Технологические аспекты производства стекла на Усть-Рудицкой фабрике остались вне поля зрения авторов.

⁹ *Тункина И.В.* Усть-Рудицкая жалованная грамота М.В. Ломоносова из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН // Сборник статей и материалов, посвященных 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. СПб., 2011. С. 140–174.

ставов смальт, как найденных на месте Усть-Рудицкой фабрики, так и предоставленных для изучения¹⁰.

Варка смальт на Усть-рудицкой фабрике осуществлялась в небольших глиняных тиглях цилиндрической или конической формы объемом от 0,8 до 2,5 л, в которые загружали измельченную смесь красителя и фритты¹¹. Фритту готовили в горшках объемом от 5 до 16 л. В лабораторных записях М.В. Ломоносова за 1751 г.¹² упоминаются два вида фритты: белая прозрачная (бессвинцовая), на основе поташа и «белого песка», и желтая (свинцовая), сваренная из сурика и «желтого песка». Эта запись является единственным сохранившимся свидетельством разработанной великим русским ученым уникальной технологии производства цветного стекла. Фритты представляли собой не спекшуюся пористую массу, а уже сваренные стекла, которые выработывали, закаляли и измельчали. Состоящая из оксида свинца и кремнезема желтая фритта — это практически бесщелочное высокосвинцовое стекло $PbO-SiO_2$, хорошо известное еще древнерусским стеклоделам. Определить его состав помог случай. На стенке одного из фрагментов стекловаренного горшка, найденного в отвалах в районе плотины Усть-Рудицкой фабрики, были обнаружены остатки прозрачного стекла желтого цвета, которые на основе анализа могут быть отождествлены с желтой фриттой. Исследованное стекло **1** (таблица 1) представляет собой высокосвинцовый состав (61,3% PbO), относимый к группе бесщелочных стекол $PbO-SiO_2$. Варка его велась без добавления золы или поташа.

¹⁰ МАЭ РАН имени Петра Великого. Акты передачи ВВ461 от 20.10.2015 и ВВ463а от 04.02.2016; СПбГУ. Акт передачи от 20.10.2015.

¹¹ Термин «фритта» имеет в исторической технологии различные значения. В археологии Древнего Востока фриттами называют стеклокерамические материалы, которые по сравнению со стеклом содержат меньше флюса, т.е. подобно керамике имеют зернистое строение. В технологии производства стекла под фриттой понимают недоваренное стекло, в котором только началось стеклообразование. Такой двухстадийный процесс производства стекла описан у Георгия Агриколы, который изучил венецианскую технологию. Фритта представляет собой спекшуюся пористую массу, легко отделимую от тигля. «Такое стекло еще не свободно от шлака. Поэтому ему дают остыть, вынимают из печи и дробят на куски. В этой же печи нагревают горшки, в которые позже кладут раздробленное стекло» (*Георгий Агрикола. О горном деле и металлургии. Кн. XII. М., 1962. С. 534*). Фритту измельчали, переносили в горшок, который помещали в печь для варки стекла. Во времена М.В. Ломоносова на крупных стекольных заводах Европы редко прибегали к фриттованию как отдельной технологической операции. Раскопки Данилевского в Усть-Рудице также не обнаружили пористых фритт. Это позволяет предположить, что данный термин использовался М.В. Ломоносовым в значении «полуфабрикат», т.е. практически готовое стекло, которое измельчали (например, выливанием расплавленной массы в воду) и использовали для составления новой шихты.

¹² ААН. Ф. 20. Оп.1. № 5. Л. 56 об.

Состав исследованных стекол из Усть-Рудницы

№	Образец	Состав, масс. % (Ag и Au в ppm, 1 ppm = 0.0001%)													
		SiO ₂	K ₂ O	CaO	MgO	Na ₂ O	MnO	Al ₂ O ₃	As ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	SO ₃	Sb ₂ O ₃	P ₂ O ₅	PbO	Другие
1	Янтарное стекло из тигля	32.53	2.00	0.48	0.13	0.40	0.04	1.99	0.00	0.70	0.15	0.04	0.07	61.35	Ag 43
2	Синее стекло из тигля	67.70	13.34	4.97	1.02	7.36	0.05	0.57	0.01	0.40	0.00	0.05	0.25	0.80	CuO 3.39 Ag 11
3	Темно-зеленое стекло из тигля	42.50	3.46	0.93	0.10	0.07	0.04	0.57	0.02	0.25	0.00	0.26	0.00	51.72	Ag 14
4	Темно-зеленая смальта	39.47	4.91	2.30	0.17	1.86	0.01	0.33	0.68	0.20	0.00	0.05	0.75	43.22	CuO 5.88 Ag 83
5	Зеленовато-коричневая смальта	43.34	5.00	3.66	0.19	1.86	0.05	0.63	0.10	0.21	0.35	0.51	0.10	41.51	CuO 2.41 Ag 21
6	Малахитовая смальта	46.06	2.87	3.26	0.13	1.72	0.08	0.10	0.15	0.07	0.21	0.81	0.53	41.34	NiO 0.36 Cu 2.27 Ag 11
7	Бирюзовая смальта	47.12	4.58	2.04	0.23	2.22	0.01	0.24	0.88	0.17	0.19	0.07	0.54	40.36	CuO 1.3
8	Желто-зеленое стекло из тигля	43.20	8.44	6.95	0.18	0.40	0.12	0.58	0.23	0.13	0.00	0.13	1.80	37.78	
9	Молочно-белая смальта	41.90	4.19	4.54	0.10	0.20	0.07	0.13	1.34	0.07	0.30	0.10	1.46	45.56	
10	Молочно-белая смальта	47.13	5.54	5.64	0.14	0.28	0.07	0.22	1.60	0.11	0.15	0.06	1.61	37.42	Ag 11
11	Оранжевая смальта	39.89	5.74	3.40	0.26	1.18	0.30	1.65	0.07	2.03	0.15	0.11	0.80	26.04	CuO 37.71 Ag 38
12	Темно-зеленая смальта	45.51	11.62	4.84	0.23	0.32	0.05	0.27	0.06	0.15	0.69	0.17	2.50	28.82	CuO 4.68
13	Опаловая смальта	52.12	9.58	3.46	0.29	1.48	0.02	0.25	1.62	0.19	0.25	0.03	0.99	29.66	
14	Бледно-розовая смальта из тигля	52.57	5.58	10.83	0.21	2.74	0.10	1.30	0.46	0.14	0.00	0.11	1.78	28.21	Au 22 SnO ₂ 0.06

Таблица 1 (окончание)

№	Образец	Состав, масс.% (Ag и Au в ppm, 1 ppm = 0.0001%)													
		SiO ₂	K ₂ O	CaO	MgO	Na ₂ O	MnO	Al ₂ O ₃	As ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	SO ₃	Sb ₂ O ₃	P ₂ O ₅	PbO	Другие
15	Розовая смальта из тигля	52.12	5.26	6.74	0.30	3.69	0.09	0.35	1.19	0.10	0.00	0.03	0.04	32.11	Au 66 SnO ₂ 0.63
16	Кобальтовая смальта	54.98	9.61	6.96	0.24	0.42	0.16	0.24	2.05	0.16	0.41	0.02	1.19	23.34	CoO 0.07 NiO 0.05
17	Диск темно-зеленого стекла	52.33	10.42	6.88	0.34	2.98	0.16	1.44	0.48	0.50	0.14	0.96	0.59	18.69	CuO 3.94 Ag 13
18	Синее стекло	67.41	11.74	2.84	0.39	2.19	0.04	0.65	1.12	0.48	0.38	0.04	0.40	11.58	CoO 0.18 NiO 0.2
19	Купоросная с зеленью смальта	72.45	10.11	3.21	0.34	5.21	0.02	0.23	0.00	0.26	0.37	0.02	0.25	4.32	CuO 3.13
20	Красно-коричневая смальта	75.01	15.86	2.75	0.31	0.58	0.02	0.24	0.00	0.57	0.36	0.02	0.11	3.76	Au 194 SnO ₂ 0.33
21	Синяя купоросная смальта	75.01	12.05	3.13	0.42	3.06	0.02	0.30	0.01	0.23	0.56	0.06	0.28	2.91	CuO 1.86
22	Фрагмент сосуда, голубая смальта	65.42	16.21	5.95	0.16	0.20	0.06	0.31	0.42	0.50	0.61	0.05	4.16	0.88	CuO 4.96
23	Голубоватое стекло	56.85	20.95	10.71	0.62	1.61	0.09	0.40	0.87	0.29	0.36	0.05	5.05	0.44	CuO 1.59
24	Голубое стекло	63.30	14.15	12.07	0.97	1.59	0.29	0.88	0.46	0.33	0.20	0.03	4.24	0.17	CuO 1.1
25	Темно-синяя смальта	49.09	9.73	6.25	0.31	0.37	1.00	0.62	0.49	0.61	0.64	0.34	3.38	26.60	CuO 0.31
26	Розовая смальта	64.70	0.55	0.36	0.06	9.94	1.29	2.82	0.01	0.30	0.26	0.02	0.00	19.54	
27	Желтое стекло	42.15	0.29	0.15	0.06	0.05	0.01	1.58	0.01	0.52	0.00	0.13	0.00	55.00	Ag 10

Остальные элементы, входящие в состав стекла **1**, можно рассматривать как примеси, попавшие в стекло вместе с кварцем или при контакте с материалом горшка. Использование при варке желтой фритты не чистого белого, а обычного (желтого, хотя и не сильно железистого) песка объясняется ее применением для варки исключительно цветных составов. Окраску этим смальтам обеспечивали специально вводимые красители, на фоне которых окрашивающие примеси в самой фритте уже не вносят существенного вклада.

Все другие исследованные нами образцы усть-рудичских смальт представляют собой свинцовые стекла с сильно отличающимся друг от друга содержанием свинца, ни в одном из которых свинца не содержится больше, чем в стекле **1**. Это позволяет предположить, что при их варке помимо желтой фритты использованы и другие компоненты, прежде всего, упоминаемая М.В. Ломоносовым белая фритта. Первоначально мы предполагали, что она представляла собой не что иное, как недоваренное «белое», т.е. бесцветное стекло, идущее на производство посуды. Однако анализ составов показал ошибочность этой гипотезы. Результаты аналитического определения составов исследованных нами образцов опубликованы¹³. Анализируя полученные нами результаты, мы исходили из предположения, что весь содержащийся в смальтах калий попадает в стекло из одного источника, а именно из поташа. Отталкиваясь от опубликованного в литературе состава поташа, полученного по богемской технологии XVII в.¹⁴, мы провели оценочный расчет, который показал, что часть оксида фосфора и большую часть оксида кальция вводили в стекло не с поташом, а из других источников. Такой добавкой скорее всего была кость, состоящая из гидроксиапатита $\text{Ca}_5(\text{PO}_4)_3\text{OH}$.

Известно, что рецепт глушения стекол костной мукой, разработанный в XVII в в Центральной Европе, вошел в книгу Иоганна Кункеля “*Ars vitraria experimentalis*”¹⁵, которая была известна Ломоносову. Используя соотношение $\text{CaO}/\text{P}_2\text{O}_5$ в этом минерале, мы выделили в стеклах ту часть кальция, которая вводилась в стекло в виде кости. Оставшийся кальций попадал в стекло из третьего источника. Его количество не коррелирует с содержанием в стеклах серы, поэтому таким источником не мог быть гипс. В лабораторном журнале ученого

¹³ Андреев М.Н., Дроздов А.А., Краснобров В.Д. Комплексное исследование состава и микроструктуры исторических стекол // Вестник Моск. ун-та. Сер. Химия. 2019. Т. 60. Вып. 6. С. 435–446.

¹⁴ Cilova Z., Woitsch J. Potash — a key raw material of glass batch for Bohemian glasses from 14th–17th centuries // Journal of Archeological Science. 2012. Vol. 39. P. 371–380.

¹⁵ Kunckel J. *Ars Vitraria Experimentalis, oder Vollkommene Glasmacher-Kunst*, Frankfurt (Main), u.a., 1679.

не сохранилось записей, упоминающих использование им не только гипса, но и известняка, мела либо другого кальций-содержащего сырья. Известные нам по записке И.И. Ползунова¹⁶ составы шихты для варки стекла на Казенном заводе в Барнауле 1755 г. также не упоминают использование ни одного из этих компонентов. В то же время известняк и мел активно использовались в середине XVIII в. в центрально-европейском стеклоделии. Считается, что рецепт мелового (содержащего добавку мела) стекла был разработан богемским технологом Михаэлем Мюллером (1639–1709), работавшим управляющим на одном из крупнейших предприятий этого района — на гуте Хелмбашка (Янушек) в районе Вимперка на границе Богемии с Баварией¹⁷. В книге И. Голтвинского¹⁸ в качестве дополнительного источника кальция упоминается мел или известь. В связи с отсутствием в районе Усть-Рудицкой фабрики залежей мела, можно предположить, что этим компонентом была известь, получаемая обжигом известняка. Так как известняки Ленинградской области содержат в своем составе 5–9% MgO (местами его содержание достигает 13%)¹⁹, неудивительно, что в некоторых усть-рудицких смальтах оказывается сильно завышенное содержание магния²⁰. Вместе с известняком в шихту попадала и небольшая часть кремнезема, а также часть алюминия и железа.

Последовательно вычитая из состава смальтовых стекол содержание в них оксида свинца, поташа (доля поташа оценена по калию), фосфата кальция (его доля оценена по остаточному фосфору) и извести (оценена по оставшемуся кальцию), а также добавки (оксиды мышьяка и сурьмы) и красители, мы получаем остаток, главными компонентами которого являются оксиды кремния (основной компонент) и натрия. После отделения того количества натрия, которое попадает в шихту с поташом, мы получаем натрий, вводимый в стекло в виде еще одного, дополнительного, источника. В этом источнике отсутствует корреляция между массой натрия и серы, поэтому им не может являться сульфат натрия. Мы предполагаем, что таким ис-

¹⁶ ГААК. Ф.1. Оп.1. Д.193. Л. 61–66.

¹⁷ *Hrubý P., Hejhal P., Kašák K., Malý K., Valkony J.* The deserted baroque glassworks in the cadastral territory of Nová ves near Božejov (District of Pelhřimov) // *Studies in Post-Medieval Archaeology*. 3. 2009. P. 479–500.

¹⁸ *Голтвинский И. Я.* Наставления, основанные на опытах и долговременных наблюдениях, делать лучшим и выгоднейшим образом всякого рода стекло и хрусталь. М., 1805. С. 45.

¹⁹ Геология СССР. Т. 1. Ленинградская, Псковская и Новгородская области. Геологическое описание. М., 1971. С. 157.

²⁰ Повышенное содержание в стекле (образцы 25, 17) сразу двух элементов, магния и марганца, может свидетельствовать о введении в шихту в качестве красителя пьемонтской магнезии — двойного карбоната магния и марганца.

точником являлась поваренная соль, которую всыпали в горшки в ненормированном количестве для ускорения процесса варки. Известно, что хлорид натрия дает эвтектику с карбонатом натрия, что позволяет получить расплав при более низкой температуре²¹. В процессе варки хлор улетучивается в виде хлороводорода, который поглощается щелочной футеровкой печи, а ионы натрия остаются в стеклофазе. Вычитая из массы остатка весь натрий в виде оксида, мы получаем массу кварца, добавляемого в шихту.

Таким образом, на первом этапе расчетов мы выделили в составе каждой из смальт поташ, оксид свинца, кость (фосфат кальция), известь, поваренную соль (учтена в виде Na_2O в стекле) и кварцевый песок.

Если исходить из предположения, что при варке стекла использовались две фритты, то практически весь кремнезем, содержащийся в стекле, должен вводиться в составе этих фритт. Основываясь на известном составе желтой фритты, мы рассчитали предполагаемый состав белой фритты. Расчеты, проведенные по разным смальтам, дают близкие составы белой фритты: она содержала примерно одну пятую часть поташа (по массе), а остальное (67–87%, среднее 79,5%) — кварцевый песок. Полученная для всех изученных смальт зависимость суммарной массы оксидов, входивших в состав поташа от массы кварца, выражается наклонной областью, расположенной вдоль прямой линии, где точки показывают разброс реальных значений. Использование полученного среднего значения белой фритты позволило нам внести корректировки в исходный состав поташа, тем самым оптимизировав все значения. Для определения состава фритт и долей компонентов («белая фритта», «желтая фритта», «известь», «соль», «кость») мы использовали МНК, оптимизируя функционал Δ^2 :

$$\Delta^2 = \sum_{j,k} (\sum_k E_{j,k} \cdot \delta_{i,j} - S_{j,i})^2$$

где $\delta_{i,j}$ — доля компонента j в составе стекла i , $E_{j,k}$ — доля оксида k в компоненте j , $S_{j,i}$ — доля оксида k в стекле i . В составе «кости» фиксировали соотношение оксидов кальция и фосфора. Для начального приближения в качестве состава «желтой фритты» использовали состав образца 1, а в качестве начального состава «белой фритты» — состав образца (2), не содержащего свинца. Далее варьировали полный состав фритт

²¹ «Поваренная соль легко плавится, оттого она, будучи примешана к массе, делает ее жидкою при слабом жаре и тем должна содействовать скорейшей передаче тепла от стенок плавильного горшка к рыхлой нерасплавившейся массе. После образования стекла, поваренная соль, как вещество более легкое, чем стекло, всплывает вверх его и может быть удалена». — Стеклозное производство / Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1864. С. 45.

и содержание магния в известняке. В результате оптимизации для извести был получен следующий состав: CaO — 98,6%, MgO — 1,4%.

Результат оптимизации состава фритт без учета содержания железа, магния и марганца приведен в таблице 2.

Таблица 2

Расчитанные средние составы желтой и белой фритт Усть-рудницкой фабрики

Компонент шихты	Состав, массовые %					
	SiO ₂	PbO	K ₂ O	CaO	P ₂ O ₅	Na ₂ O
Желтая фритта	33.5	63.5	2.14	0.59	0.16	0.00
Белая фритта	82.7	0.00	16.1	0.71	0.04	0.04

Это позволило уточнить состав поташа по сравнению с богемским, который был использован при расчете *ab initio*. Усредненный состав поташа, используемого Ломоносовым, выраженный в виде комбинации оксидов, составляет: K₂O — 90,0%, CaO — 4,0%, SiO₂ — 5,6%, P₂O₅ — 0,2%, Na₂O — 0,2% (содержание MnO и Fe₂O₃ не учитывали).

Состав белой фритты (>16% K₂O, <1% CaO, >79% SiO₂) отличается от состава «белой материи», т.е. бесцветного поташного стекла, производимого на Петербургском заводе (11–15% K₂O, 8–10% CaO, 70–77% SiO₂). В белой шихте содержится гораздо меньше кальция, так как специально соединения кальция в нее не вводили²². На фазовой диаграмме бинарной системы K₂O-SiO₂ белой фритте соответствует ликвидус с температурой 1150 °С. Иными словами, в процессе варки белая фритта плавилась, хотя и сохраняла при этой температуре значительную вязкость. В отличие от нее желтая фритта — это легкоплавкое свинцово-кремнеземное стекло, которое переходит в расплав при гораздо более низкой температуре — 940 °С. Поэтому в условиях варки она имеет гораздо меньшую вязкость, что и позволяло вычерпать ее из горшка практически полностью. Действительно, на исследованном нами фрагменте горшка внутренний слой стекла на стенке имеет толщину не более 3 мм. Скорее всего, обе фритты выливали в холодную воду, при этом стекло рассыпалось на мелкие куски. Такое закаленное стекло и использовали для приготовления смальт.

Проведенное нами исследование составов показало, что технология приготовления смальтовых стекол из двух фритт, разработанная

²² Состав «белой материи» хорошо укладывается в комбинацию белой фритты и извести, что теоретически не исключает предварительного фриттования поташа с кварцем на начальной стадии производства бесцветного стекла. В этом случае белая фритта может оказаться полупродуктом при варке стекла. Однако никаких свидетельств о применении фриттования на русских заводах в XVIII в. нет.

Ломоносовым в лаборатории на Васильевском острове, была перенесена и на фабрику. Из записки ученого следует, что для лабораторных нужд фритты заказывали. Местом их производства почти наверняка можно считать Петербургский завод на Фонтанке как единственное отраслевое предприятие, расположенное в столице. Впоследствии на фабрике варку фритт осуществляли своими силами. Для создания смальт Ломоносов смешивал две фритты в разных соотношениях, добавляя к ним известь (или известняк), кость, а также специальные добавки (оксид мышьяка — «белый мышьяк» и оксид сурьмы — «антимоний») и красители. Варьируя соотношение двух фритт и немногочисленные красители, а также различные их комбинации, ученый добился получения богатой палитры стекол самой различной окраски. Как показывают проведенные нами оценочные расчеты, во многих рецептах соотношение двух фритт легко аппроксимируется в виде отношения двух целых чисел (табл. 3). Это позволяет предположить, что в основе разработанных Ломоносовым рецептов лежали простые соотношения между двумя важнейшими компонентами шихты.

Таблица 3

Массовые отношения желтой и белой фритт в стекле

Образец	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Желтая фритта	1	0	9	7	5	5	2	2	7	4	4	5
Белая фритта	0	1	2	2	2	2	1	1	4	3	3	4

Образец	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Желтая фритта	1	1	1	7	3	1	1	1	1	0	0	0
Белая фритта	1	1	1	10	5	4	12	15	18	1	1	1

Массовые доли отдельных компонентов шихты, входящих в состав стекла, приведены в таблице 4²³. Строка «добавки» включает в себя вещества, вводимые в стекло помимо основных компонентов. В первую очередь, это белый мышьяк, антимоний и красители. Наибольшее количество добавок присутствует в образце 11. Это оранжевая смальта, окрашенная медью. Согласно данным анализа, в ней присутствует 18,2% CuO, а также 0,1% Sb₂O₃, которые и вносят основной вклад в формирование этой величины.

В литературе никогда не поднимался вопрос о причинах глушения усть-рудицких смальт. Известно, что присутствие в силикатных стеклах небольшого количества фосфатов приводит к фазовому

²³ Соль NaCl представлена массовой долей оксида Na₂O в стекле, в образовании которого участвует натрий из хлорида натрия.

**Состав стекол, выраженный через массовые доли
отдельных компонентов шихты в виде оксидов**

Образец	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Соль	0.4	7.3	0.1	1.8	1.8	1.7	2.2	0.4	0.3	0.3	1.2	0.3
Кость	0.0	0.5	0.0	1.5	0.0	1.0	1.0	3.9	3.5	3.4	1.7	5.6
Желтая фритта	97	1	82	68	65	65	64	59	59	48	41	45
Белая фритта	0	81	18	20	26	28	31	29	33	37	32	38
Известь	0.0	4.2	0.3	0.9	3.1	2.1	0.9	4.2	3.1	3.8	2.0	1.1
Добавки	2.9	5.4	0.0	7.7	3.9	1.3	1.6	3.5	1.5	7.5	22.6	10.2

Образец	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Соль	1.5	2.4	3.0	0.4	3.0	2.2	5.2	0.6	3.0	0.2	1.6	1.6
Кость	2.1	4.0	0.1	2.6	1.2	0.8	0.5	0.2	0.5	9.5	13.0	9.4
Желтая фритта	47	41	46	37	29	18	7	6	5	1	1	0
Белая фритта	44	48	47	51	52	74	84	89	88	79	72	78
Известь	1.7	4.7	4.0	5.0	5.8	1.8	2.3	2.0	2.2	0.0	1.2	5.2
Добавки	4.0	0.2	0	4.0	9.2	3.2	1.0	2.9	1.3	9.9	12.0	5.8

разделению. В свинцовых составах оно усиливается при введении оксида мышьяка. При этом в объеме всего стекла образуются мелкие капли второй стеклофазы, в которой в зависимости от количества фосфата происходит кристаллизация кварца (или его полиморфных модификаций — кристобалита, тридимита — это определяется температурой²⁴) или гидроксипатита²⁵ и его мышьякового аналога, а в свинцовых составах также и арсенатов свинца²⁶. Все это приводит к тому, что стекло постепенно теряет прозрачность за счет рассеяния света на границе раздела фаз. Этот процесс «помутнения» стекла может занять несколько часов. Поэтому неудивительно, что часть стекол вырабатывали из горшков еще до потери ими прозрачности. Затем эти стекла подвергали вторичной термообработке в пристроенных к варочной печи «каленицах», где их помещали в песок.

На скорость процесса фазового разделения в стекле влияет не только температура, но и другие характеристики среды, в частности, влажность воздуха. Известно, что в присутствии паров воды стекла

²⁴ *Strnad Z., Douglas R.W.* Nucleation and crystallisation in the soda-lime-silica system // *Physics and Chemistry of Glasses*. 1973. Vol. 14. N 2. P. 33–36.

²⁵ *Commons C.H.* Past and present practice and theory of opaque glass // *American Ceramic society bulletin*. September 15, 1948. Vol. 27. N 9. P. 337–344.

²⁶ *Rooksby H.P.* Lead arsenate and lead phosphate in opal glasses // *Journal of the Soc. of Glass Technology*. 1939. Vol. XXIII. P. 76–81.

быстрее теряют прозрачность из-за возникновения ОН-центров на границе раздела фаз²⁷. При выдерживании стекол в дровяной печи, в которой камера непосредственно связана с топкой, глушение достигается быстрее, чем в современных электропечах, если в их камеру специально не вводить водяной пар. Среди изученных нами стекол есть прозрачные, которые по количеству введенного в них глушителя не отличаются от смальт. Они как раз и представляют собой полуфабрикаты, которые не успели подвергнуть вторичной термообработке в «каленицах». В результате частичного глушения получаются полупрозрачные опаловые смальты, окраска которых в тонком слое возникает за счет релеевского рассеяния (образец 13) при полном отсутствии красителей. При большем времени выдержки в «каленице» получаются смальты молочного цвета (образец 9).

Исследованный нами фрагмент второго горшка содержит прозрачное стекло 2 бледного сине-фиолетового цвета с низким содержанием свинца. Несмотря на наличие в составе небольшого количества оксида свинца, его можно рассматривать как стекло, сваренное на основе белой фритты, извести и кости и окрашенное марганцем и медью. Входящее в его состав железо происходит из «желтого песка», используемого при варке желтой фритты. Заметим, что по содержанию оксидов кальция и фосфора данный состав превосходит большинство исследованных нами смальт, но при этом он прозрачный. Это как раз и объясняется тем, что оставшееся на стенке горшка стекло не подвергали вторичной термообработке. Из близкого по составу стекла выработан сосуд, фрагмент которого исследован (образец 22). Составы, содержащие большое количество свинца, глушились еще в процессе варки в силу более низкой вязкости. Процесс фазового разделения, приводящий к потере стеклом прозрачности, определяется скоростью массопереноса, которая контролируется диффузией. Уже глушенные смальты, обнаруженные В.В. Данилевским на обломках горшков²⁸, представляют собой высокосвинцовые составы.

Среди исследованных нами смальт особняком стоит образец смальты нежно-розового цвета, окрашенной марганцем (образец 26). В отличие от других усть-рудичских стекол он содержит большое количество натрия и алюминия. Ввиду отсутствия в его составе кости, мышьяка и сурьмы, глушителем в нем может выступать только оксид алюминия. Источником натрия могла служить сода или поваренная

²⁷ Jewell J.M., Shelby J.E. The role of water content in the phase separation of soda-lime silicate glasses: the effect of heat treatment on properties // *Physics and Chemistry of Glasses*. 1991. Vol. 32. N 3. P. 81–86.

²⁸ Данилевский В.В. Ломоносов и художественное стекло. М., 1964. С. 284–288.

соль, которой в XVIII в. ее иногда заменяли. Использование сульфата натрия исключено ввиду низкого содержания серы.

Особую группу составляют оранжевые смальты (образец 11), глушеные оксидом меди (I). На микрофотографиях²⁹ четко видны дендриты куприта, имеющие форму звезд или отдельных кристаллитов, хаотически расположенных в стеклофазе. При варке этого стекла кость не использовали. Шихту составляли из двух фритт с небольшой добавкой извести. В качестве красителя использовался оксид меди, который добавляли в стекло в большом количестве. В процессе варки стекло получалось прозрачным, темно-зеленого цвета (образец 17), так как содержало медь (+2). Можно предположить, что в конце варки в тигель со стеклом добавляли уголь или древесные опилки, в результате чего медь восстанавливалась до (+1). Стекло выработывали на железный лист, при этом оно еще оставалось зеленым, но уже содержало красные прожилки, состоящие из кристаллов куприта. Чтобы превратить этот полупродукт в оранжевую смальту, необходимо ввести в его расплав древесный уголь.

При создании цветных стекол ученый использовал строго научный подход, основанный на нескольких сериях тщательно спланированных экспериментов. Полное отсутствие лабораторных записей за 1749, 1750, 1752 и последующие годы (частично сохранился лабораторный журнал Ломоносова 1751 г. и «генварской трети» 1752 г.³⁰), а также рецептурных книг Усть-рудицкой фабрики не позволяет изучить детально гигантскую работу, проделанную ученым. Мировое стеклоделие не знает других примеров, когда ученый-химик в XVIII в. системно занимается разработкой десятков новых составов стекол.

В деталях реконструировать работу ученого невозможно. Но отдельные вехи этого пути уже понятны³¹. Первые годы опыты с цветными составами Ломоносов проводил в созданной им Химической лаборатории на Васильевском острове. Варку стекла в лаборатории он осуществлял в небольших глиняных тиглях, которые после варки разбивал для извлечения стекла. Это экспериментальные плавки. В МАЭ РАН хранятся несколько стекол, которые имеют форму тигля. Их размер позволяет оценить диаметр тиглей, используемых ученым, — примерно один вершок (4,4 см). Впоследствии эти стекла, полученные

²⁹ См. прим. 13.

³⁰ ААН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 56 об. Лабораторный журнал и лабораторные записи М.В. Ломоносова, предисловие и переводы Б.Н. Меншуткина // Ломоносов. Сборник статей и материалов / Под ред. А.И. Андреева, Л.Б. Модзалевского. М.; Л., 1940. С. 9–65.

³¹ Дроздов А.А., Андреев М.Н., Кузнецов Д.В., Петрова О.Ю. Деятельность лаборатории М.В. Ломоносова по изучению силикатных стекол // К истории лабораторий: теория, практика, учебно-образовательная деятельность. Материалы Междунар. науч. конференции, Москва, 20–21 ноября 2017 г. М., 2017. С. 89.

в ходе экспериментальных плавок, по-видимому, были перевезены на фабрику, где их и обнаружили в результате раскопок В.В. Данилевского. Интересно, что в некоторых из этих проб ученый вообще не использует кость. Стекло получается прозрачным (образцы 2, 3, 27), либо глушится за счет введения мышьяка (образец 15). Две другие пробы (образцы 8, 14) хотя и содержат в своем составе кость, лишь слегка помутнели, до конца не потеряв прозрачность.

Для окрашивания стекол Ломоносов применяет соединения железа, меди, кобальта, марганца. Набор красителей скромный, но используя их различные сочетания, он добивается множества различных цветовых оттенков. Особенно известны полученные ученым на основе соединений золота смальты розового, палевого, малинового и пурпурного цветов. В стеклоделии такие составы называют стеклом «золотой рубин»³². Для его производства ученый использовал Кассиев пурпур — частицы золота микронного размера, находящиеся на поверхности оксида олова. Олово присутствует в усть-рудицких смальтах только одновременно с золотом. Один из образцов рубиновой смальты (образец 15), являющийся продуктом экспериментальной плавки, содержит особенно много олова. Это свидетельствует о широком размахе экспериментальной работы ученого. Комбинация двух красителей, золота и железа, придает смальте красно-коричневый («мясной», по описанию Ломоносова) цвет (образец 20).

Источником меди служили не природные карбонаты (малахит, азурит), а полисульфидные руды, так как меди в смальтах сопутствует кобальт, никель, цинк, серебро, а возможно, и мышьяк, который вводили в стекло отдельно. Так, в оранжевой смальте (образец 11) на 1 г меди приходится около 2 мг цинка, 0,3 мг кобальта, 1 мг никеля, 0,3 мг серебра. Источником кобальта могли служить сульфиды или арсениды, в которых он присутствует одновременно с никелем и железом. На фоне этих двух красителей кобальт, даже присутствуя в равной с ними массовой доле, окрашивает стекло в яркий синий цвет (образцы 16, 18).

Научный подход Ломоносова к созданию смальтовых стекол, который М.А. Безбородов проиллюстрировал записями в лабораторном журнале ученого³³, мы можем дополнить сравнительным анализом некоторых усть-рудицких смальт. Известно, что медь(+2) окраши-

³² Дроздов А.А., Андреев М.Н. Стекло «золотой рубин» — история создания и анализ исторических составов // История и педагогика естествознания. 2018. № 4. С. 49–54; Дроздов А., Андреев М., Карандашев В. Золотой рубин Ломоносова // Кот Шредингера. 2017. Ноябрь–декабрь. С. 104–105.

³³ Сравнительный анализ нескольких опытов по варке рубиновых стекол приведен в кн.: Безбородов М.А. М.В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. М.; Л., 1948. С. 120–127.

вает стекла в различные оттенки синего и зеленого цвета. Окраска стекла зависит от его состава. Так, синяя купоросная (образец 21), «купоросная с празеленью» (образец 19), бирюзовая (образец 7) и малахитовая (образец 6) смальты содержат в своем составе близкое количество (1,3 – 3,2%) CuO , который выступает в роли красителя. В то же время, окраска этих стекол заметно отличается друг от друга благодаря тому, что при разработке рецептуры ученый использовал различные соотношения белой и желтой фритт, а также извести. Чем больше в стекле содержится зеленой фритты и чем выше содержание кальция (вводимого с известью или костью), тем более зеленую окраску приобретает стекло. Смальты 7 и 4 близки по химическому составу, но значительно отличаются по содержанию красителя. Можно предположить, что ученому было известно, что концентрация меди как красителя также влияет на цвет стекла: чем больше в нем ионов Cu^{2+} , тем оно зеленее.

Можно привести и другие доказательства систематической работы Ломоносова над составами цветных стекол. За несколько лет напряженной работы в лаборатории ученый опробовал все возможные сочетания исходных компонентов. Он варьировал не только соотношение двух фритт, но и вводил разные массы других добавок, таких как известь и кость. В результате этой скрупулезной работы ученому удалось разработать рецептуру глушенных стекол самых разных цветов. Тем самым он заложил научные основы стеклоделия, намного опередив свое время. Именно поэтому научный подвиг Ломоносова так и остался подвигом ученого-одиночки. Спустя три года после его смерти Усть-рудицкая фабрика прекратила существование, а рецептура цветных смальт, по-видимому, оказалась утраченной. Попытки обучить в Химической лаборатории присланного Канцелярией от строений ученика Петра Дружинина также не принесли успеха. Работая мастером Петербургского Стекланного завода, он не смог внедрить на нем ни одного из рецептов ученого.

Усть-рудицкая рецептура, основанная на использовании двух фритт, была рецептурой лабораторной, которую трудно было перенести на более крупное, чем Усть-рудицкая фабрика, предприятие. Она была рассчитана на камерное производства смальт самых различных оттенков. Экспорт усть-рудицкой технологии не состоялся скорее по объективным, чем по субъективным причинам³⁴. Так получилось, что

³⁴ Прошедший обучение у Ломоносова Петр Дружинин оказался не тем «честным и трезвым человеком», которого хотел видеть своим учеником великий русский ученый. Сохранилась и опубликована переписка Ломоносова с Канцелярией от строений. См.: *Биярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординар. акад. Биярским. СПб., 1865. С. 161–165.

интерес к цветному стеклу возобновился уже на Потемкинском заводе в конце 1770-х гг., по-видимому, через знакомство с английской рецептурой³⁵. Прямой связи между рецептами Ломоносова и рецептурой русского цветного стекла конца XVIII в не прослеживается, хотя опыт Усть-Рудицы не прошел бесследно³⁶. Навыки «составления материи», опыт использования красителей, в том числе и при создании стекла «золотой рубин», научный подход к технологическому процессу, безусловно, были заложены в Усть-Рудице. С этих позиций можно считать, что работы Ломоносова стали предтечей расцвета русского стеклоделия в 1780–1800-е гг.

References

Andreyev M.N., Drozdov A.A., Krasnobrov V.D. *Kompleksnoye issledovaniye sostava i mikrostruktury istoricheskikh stekol* [A Complex Study of the Composition and Microstructure of Historical Glass Pieces] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 2. *Chimiya*. 2019. Vol. 60. Is. 6, pp. 435–446.

Bezborodov M.A. *M. V. Lomonosov i yego rabota po khimii i tekhnologii silikatov* [M.V. Lomonosov and His Work on Chemistry and Technology of Silicates]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. 284 p.

Bezborodov M.A., Chekanal V.L. *Khimicheskiy sostav tsvetnykh stekol M.V. Lomonosova* [The Chemical Composition of M.V. Lomonosov's Stained Glass] // *Doklady AN SSSR*. 1953. Vol. XCI. № 3, pp. 609–611.

Bilyarskiy P.S. *Materialy dlya biografii Lomonosova* [Materials for Lomonosov's Biography] / Collected by extraordinary academician Bilyarskiy. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1865. 820 p.

Danilevskiy V.V. *Lomonosov i khudozhestvennoye steklo* [Lomonosov and Art Glass]. Moscow: Nauka, 1964. 442 p.

Danilevskiy V.V., Lyalikov K.S. *Spektrofotometricheskoye i kolorimetricheskoye issledovaniye mozaichnykh stekol i drugikh tsvetnykh stekol Lomonosova* [Spectro-

³⁵ Дроздов А.А. Традиции и новаторство в производстве художественного стекла в России XVIII — первой трети XIX в. // Материалы конференции «Актуальные исследования в области декоративно-прикладного искусства, архитектуры, этнографии», 17–19 декабря 2018 г. Государственный Эрмитаж (*в печати*). Рецептура производства стекла на Потемкинском заводе восходит к Усть-Рудице и не имеет ничего общего с английской.

³⁶ Высказывалось предположение, что рецепты Ломоносова попали на завод Орловых и легли в основу производства цветного стекла на этом предприятии. Изучение составов стекол показало ошибочность этой гипотезы. В то же время мы не исключаем, что на Милятинский завод Орловых (через родственные связи с потомками Ломоносова — см.: Рачук Е.И. Милятинский завод Орловых // Газета «Пламя труда» (г. Дятьково, 1977). № 79–81) попало некоторое количество уже готовой усть-рудицкой смальты, которую использовали для декорирования некоторых изделий. Парные вазы из ГРМ (ст1652) с надписью «Хрустальной фабрики М.Ф. Орлова, 1839 г, в селе Милятине, писал Павел Волков» украшены цветной эмалью, которая по цвету и фактуре очень близка красной усть-рудицкой смальте.

photometric and Colorimetric Research of Mosaic Glass and Lomonosov's Other Colour Glass Pieces] // *Lomonosov. Sbornik statey i materialov* [Lomonosov. Collection of Articles and Materials]. Is. 5. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961, pp. 141–150.

Drozhdov A.A., Andreyev M.N. *Steklo "zolotoy rubin" — istoriya sozdaniya i analiz istoricheskikh sostavov* ["Golden Ruby" Glass. The History of Creation and Analysis of Historical Compositions] // *Istoriya i pedagogika yestestvoznaniya*. 2018. № 4, pp. 49–54.

Geologiya SSSR [Geology of the USSR]. Vol. 1. *Leningradskaya, Pskovskaya i Novgorodskaya oblasti. Geologicheskoye opisaniye* [Leningrad, Pskov and Novgorod Regions. Geological Description]. Moscow: Nedra, 1971. 503 p.

Goltvinskiy I.Ya. *Nastavleniya, osnovannyye na opytakh i dolgovremennyykh nablyudeniyyakh, delat' luchshim i vygodneyshim obrazom vsyakogo rodu steklo i khrustal'* [The Instructions, Based on Experiments and Long-Term Observations, How to Make Any Kind of Glass and Crystal in the Best and Most Profitable Way]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1803. 180 p.

Laboratornyy zhurnal i laboratornyye zapisi M.V. Lomonosova [M.V. Lomonosov's Laboratory Journal and Laboratory Records] / Introd. and trans. by B.N. Menshutkin // *Lomonosov. Sbornik statey i materialov* [Lomonosov. Collection of Articles and Materials] / Ed. by A.I. Andreyev, L.B. Modzalevskiy. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1940, pp. 9–65.

Osipov D.V. *Usad'ba Lomonosova Ust'-Ruditsa — fabrika tsvetnogo stekla* [Lomonosov's Estate of Ust'-Ruditsa, the Coloured Glass Factory]. Moscow: Serbryanyy vek, 2011. 170 p.

Sevast'yanova T.N., Kalinin Ye.O., Saprykina N.N., Kholkina Ye.A. *Analiz ognepurnyykh materialov, naydennykh na meste ust'-ruditskoy fabрики M.V. Lomonosova nerazrushayushchimi metodami analiza* [The Non-Destructive Analysis of Fire-Proof Materials Found at the Site of M.V. Lomonosov's Ust'-Ruditsa Factory] // *Vestnik SPbGU. Ser. Fizika i Khimiya*. 2017. Vol. 4 (62). Issue 3, pp. 326–336.

Sidorov N.I. *Iz istorii mozaicheskikh sostavov M.V. Lomonosova* [From the History of M.V. Lomonosov's Mosaic Compositions] // *Izvestiya AN SSSR. VII ser. Otdeleniye fiziko-matematicheskikh nauk*. 1930. Is. 7, pp. 679–706.

Steklyannoye proizvodstvo [Glass Production] / Ed. by D.I. Mendeleev. Saint Petersburg: Tovarishchestvo "Obshchestvennaya pol'za", 1864. 374 p.

Tunkina I.V. *Ust'-Ruditskaya zhalovannaya gramota M.V. Lomonosova iz fondov Sankt-Peterburgskogo filiala arkhiva RAN* [M.V. Lomonosov's Ust'-Ruditsa Grant Charter from the Funds of the Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] // *Sbornik statey i materialov, posvyashchennykh 300-letiyu so dnya rozhdeniya M.V. Lomonosova* [Collection of Articles and Materials on the 300th Anniversary of M.V. Lomonosov's Birth]. Saint Petersburg: SPbNTS RAN; SPbGPU, 2011, pp. 140–174.

Поступила в редакцию
24 апреля 2019 г.

А.А. Грызунова*

**ПОРТРЕТЫ ТОМАСА ЛОУРЕНСА ИЗ СОБРАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ИСКУССТВ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА В МОСКВЕ**

A.A. Gryzunova

**PORTRAITS BY THOMAS LAWRENCE FROM THE
COLLECTION OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM
OF FINE ARTS IN MOSCOW**

Аннотация. На рубеже XVIII–XIX вв. придворный английский портретист сэр Томас Лоуренс (1769–1830) смог запечатлеть и раскрыть индивидуальность выдающихся личностей эпохи, которые были связаны одновременно и с Россией, и с Великобританией. Сам художник в России так и не побывал. Тем не менее, его творчество было здесь известно, российские заказчики и частные коллекционеры собирали его произведения. О популярности художника говорит тот факт, что было сделано несколько копий его лучших работ. В первой половине XX в. часть этих работ попала в коллекции российских музеев, в том числе, с 1924 г., они находились в Музее изящных искусств (позже получившем название Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Цель данной статьи — показать связи художника с Россией на примере небольшого, но разностороннего собрания портретов его работы из фондов ГМИИ имени А.С. Пушкина: Александра I, Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой (урожденной Браницкой), Николая Александровича Саблукова, Антонио Кановы, Джулии Пилл (урожденной Флойд), Салли Сиддонс. В статье проведены сравнения живописных изображений с их копиями и с письменными воспоминаниями современников, даны описания, проведена реконструкция истории создания портретов и их копий, кратко рассмотрено бытование этих работ. Также обозначены основные этапы биографий российских моделей Лоуренса, содержащие факты связи заказчиков и с Россией, и с Великобританией. Хотя в целом творчество Томаса Лоуренса довольно подробно изучено зарубежными специалистами, статья заполняет определенную лакуну. Это одно из первых исследований, посвященных связям художника с Россией, где дается характеристика работ Лоуренса из коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина. Автором приводятся уникальные данные из Архива внешней политики Российской империи,

* Грызунова Анна Алексеевна, искусствовед, галерея «Три Века»
Gryzunova Anna Alekseyevna, Art historian, Art Gallery “Tri Veka”
+7-916-755-88-65; korovkina.anna14@gmail.com

архива князя Воронцова, а также впервые публикуется на русском языке письмо Роберта Пилла Томасу Лоуренсу от 17 января 1825 г.

Ключевые слова: английское искусство, парадный портрет, русско-английские связи, музейные собрания, коллекционирование, Томас Лоуренс.

Abstract. At the turn of the 18th–19th centuries an English court portraitist Sir Thomas Lawrence (1769–1830) was able to capture and reveal the character of his outstanding contemporaries who were associated both with Russia and Great Britain. The artist himself never visited Russia. Nevertheless, his work was known here, and Russian patrons and private collectors accumulated his works. The popularity of the artist is evidenced by the fact that several copies of his best works were made. In the first half of the 20th century part of these works were added to the collections of Russian museums, including the Museum of Fine Arts (later called the Pushkin State Museum of Fine Arts), where they have been held since 1924. The purpose of this article is to show the artist's ties with Russia using the example of a small but diverse collection of Lawrence's portraits from the funds of the Pushkin Museum of Fine Arts: Alexander I, Elizaveta Ksaverievna Vorontsova (née Branitskaya), Nikolai Alexandrovich Sablukov, Antonio Canova, Julia Peel (née Floyd), and Sally Siddons. The article compares the original painted images with their copies and written memoirs of contemporaries, gives descriptions, reconstructs the history of the creation of portraits and their copies, and briefly discusses the provenance of these works. The article also indicates the main phases of the life of Lawrence's Russian models, relating facts about the patrons' ties with both Russia and Great Britain. Although in general the work of Thomas Lawrence has been studied in sufficient detail by foreign experts, the article closes a certain gap. This is one of the first studies on the artist's relations with Russia which describes Lawrence's works from the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts. The author provides unique data from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the archive of Prince Vorontsov, and also publishes for the first time in Russian the letter written by Robert Peel to Thomas Lawrence, dated January 17, 1825.

Keywords: English art, ceremonial portrait, Russian-English relations, museum collections, collecting, Thomas Lawrence.

* * *

Произведения Томаса Лоуренса из коллекции Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве опубликованы в каталоге¹ и путеводителе² по прошедшей в 1956 г. в дан-

¹ Выставка произведений английского искусства: живопись, скульптура, рисунок, гравюра, предметы прикладного искусства из музеев СССР: каталог / М-во культуры СССР, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина / Под ред. Б.Р. Виппера. М., 1956. 94 с.

² Георгиевская Е.Б., Есинова Г.А., Левитин Е.С. Выставка английского искусства XVI–XX вв. Путеводитель / М-во культуры СССР. Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1956. 48 с.

ном музее первой выставке английского искусства из собрания музеев СССР и в общем каталоге живописи музея³, выпущенном в 1995 г. Во вводной статье сводного каталога присутствует общая информация о формировании коллекций всего музея, а в небольшом разделе, посвященном английскому искусству, содержится перечень произведений мастера, хранящихся в коллекции, сведения об их происхождении и даты создания. В каталоге и путеводителе по выставке на примере представленных на выставке работ кратко изложена история английского искусства. Однако подробной информации о произведениях британской живописи из фондов ГМИИ им. А.С. Пушкина, тем более о картинах Томаса Лоуренса, эти издания не предоставляют. Между тем на примере достаточно разнородной коллекции его картин можно рассмотреть в разных ракурсах не просто творчество художника, но и проблему русско-британских связей — и на уровне государственного заказа, и на уровне частного, семейного.

Важно отметить, что в основном произведения из собрания музея представляют собой копии или эскизы, в связи с чем особенно значимой для нашего исследования является монография Майкла Леви⁴, содержащая материалы по истории создания их живописных оригиналов. Также следует отметить статью Е.П. Ренне «Т. Лоуренс и его русские модели», вошедшую в каталог состоявшейся в Третьяковской галерее в 1997–1998 г. выставки «Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев»⁵. Документальные сведения были обнаружены нами в Архиве князя Воронцова⁶, Архиве внешней политики Российской империи⁷ и книге «Сумка для писем сэра Томаса Лоуренса»⁸ Дж. С. Лэйарда, который издал эпистолярное наследие мастера из Королевской академии художеств. Целью нашего исследования является освещение связей английского художника Томаса Лоуренса с Россией на примере произведений из фондов ГМИИ им. А.С. Пушкина, которую мы предполагаем решить, используя ком-

³ Данилова И.Е. Каталог живописи / Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1995. 775 с.

⁴ Levey M. Sir Thomas Lawrence. New Haven; Lonon, 2005. 345 p.

⁵ Ренне Е.П. Томас Лоуренс и его русские модели // Незабываемая Россия: Русские и Россия глазами британцев, XVII–XIX век: (Каталог выставки). Москва, 1997. С 94–102.

⁶ Бартнев П.И. Архив князя Воронцова. Т. 37. М., 1895.

⁷ Об отправленном портрете Государя императора Александра 1-ого писанном живописцем Лоренсом // Архив внешней политики Российской империи. Административные дела. Оп. II-26. 1822. Д. 10.

⁸ Layard G.S. Sir Thomas Lawrence's Letter-Bag... with Recollection of the Artist by Elizabeth Croft. London, 1906. 296 p.

плексный историко-культурный подход и метод стилистического анализа произведений, проведя формально-стилистический анализ работ Лоуренса из собрания музея, изучив биографию и воспоминания художника и его современников, сравнив живописные изображения с их копиями.

К концу XVIII в. «художественные достижения англичан получили признание широкой публики, и это не замедлило сказаться на притоке в Россию английских портретистов, граверов, архитекторов, мастеров садово-паркового искусства»⁹. Для украшения Царского Села Екатерина Великая приглашала шотландского архитектора Чарльза Камерона, который прожил в России более 30 лет. Английский инженер М. Кларк работал в соавторстве с такими выдающимися зодчими, как К. Росси и В. Стасов. Также Академия художеств отправляла своих студентов изучать английское искусство.

Второй этап англомании в России пришелся на первую четверть XIX в., время царствования внука Екатерины Александра I. В связи с тем, что среди его приближенных было много англоманов (Панин, Кочубей, Новосильцев, Чарторыйский и пр.), его правление в 1802–1807 гг. даже называли английским¹⁰. А в 1814 г. Александр лично побывал в Англии.

Лучше всего узнать английскую культуру удавалось русским, которые выезжали в Великобританию; в первую очередь это были представители дворянских родов: Воронцовы, Чернышевы, Куракины, Орловы и пр. Также на территории Санкт-Петербурга находилась британская колония, около полутра тысяч англичан постоянно жили в столице. «Их образ жизни давал ясное представление о том, как живут люди в Англии, каковы их привычки, интересы, жизненные установки»¹¹.

Начало связей в области живописи отмечают с 1773 г., когда четверо студентов Академии художеств (П.П. Хитров, О.А. Савинов, М.И. Бельский, Г.И. Скородумов) были отправлены в пенсионерскую поездку в Лондон, а не как обычно в Рим или Париж. Позже английское влияние чувствуется в портретах П.И. Соколова и Д.Г. Левицкого. Поздние работы Ф.С. Рокотова часто сравнивают с произведениями Гейнсборо¹². Хорошо знал художественный язык английских живопис-

⁹ Литвинов С.В. Англомания в России как социокультурное явление (последняя треть XVIII — середина XIX вв.). Дисс. ... канд. культурологи. М., 1998. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹ Там же. С. 59.

¹² Ферцев А.В. Феномен англомании в России XVI — первой половины XIX вв.: культурологический аспект. Саранск, 2004. С. 92.

цев и В. Л. Боровиковский¹³. В Санкт-Петербурге творил гравер Дж. Уокер, и благодаря его работам в России были известны английские мастера Дж. Ромни, У. Хор и Дж. Рейнольдс. Творчество последнего было известно благодаря заказу Екатериной II и ее фаворитом князем Г.А. Потёмкиным трех аллегорических полотен: «Младенец Геракл, удушающий змей, подосланных Герой», «Амур развязывает пояс Венеры» и «Воздержанность Сципиона Африканского», ныне украшающих собрание Государственного Эрмитажа. Рейнольдс был известен и как теоретик живописи¹⁴. Вместе с картинами он выслал императрице копию своих речей в должности президента Королевской академии художеств, которые были незамедлительно переведены на русский язык служившим в Коллегии иностранных дел И.И. Татищевым¹⁵.

Стоит отметить, что некоторым современникам Лоуренса, а именно англичанам Джорджу Доу (1781–1829) и Кристине Робертсон (1796–1854), удалось, по приглашению императорского двора, поработать в Санкт-Петербурге. Томас Лоуренс был одним из английских портретистов, который также должен был приехать в Россию. По приказу Екатерины II по поводу его приглашения в Россию с президентом Королевской академии художеств в Лондоне Дж. Рейнольдсом общался российский дипломат Семен Романович Воронцов:

«Лейстер-Филдс Мая 25. 1790

Сэр,

В связи с беседой, которую я имел честь вести с вашим превосходительством в прошлое воскресенье, я обратился к мистеру Лоуренсу. Он говорит, что обстоятельства у него складываются таким образом, что он мог бы оставить Англию не более, чем на один год. Поэтому он желает знать, достаточен ли такой срок, или же предполагается, что он должен будет прожить в России дольше.

С величайшим почтением...

Джошуа Рейнольдс»¹⁶.

Е.П. Ренне отмечает, что «так и осталось невыясненным, почему Лоуренс не приехал в тот первый раз — помешало ли ему большое количество заказов, или Екатерине не понравилось, что художник оговаривал сроки своего пребывания при ее дворе»¹⁷. Вместо него

¹³ Подробнее см.: *Андреева Г.Б.* Русско-английские связи в области живописи второй половины XVIII — первой трети XIX века. Ижевск, 1998.

¹⁴ *Ферцев А.В.* Указ. соч. С. 93–94.

¹⁵ *Кросс Э.* Англофилия у трона = *Anglophilia on the throne: Британцы и русские в век Екатерины II: каталог выставки.* Лондон, 1992. С. 73.

¹⁶ *Кроль А.Е.* Неопубликованное письмо Джошуа Рейнольдса из архива Воронцовых // *Сообщения Государственного Эрмитажа.* Вып. 18. Ленинград, 1960. С. 42–44.

¹⁷ *Ренне Е.П.* Указ. соч. С. 97.

через два месяца был рекомендован Дж. Хопнер, который в итоге также по неясным причинам не приехал в Россию.

Во второй раз у Лоуренса была возможность посетить Россию в 1814 г., когда принц-регент Георг предложил ему выполнить портреты Александра I, прусского короля Фридриха Вильгельма I и себя, Георга, по отдельности, а не создавать групповой портрет союзников в войне с Наполеоном, как планировалось изначально. Поэтому можно с уверенностью говорить, что Лоуренс мог приехать в Россию для написания портрета императора. Но все же ему не пришлось ехать в северную столицу — Александр I позировал ему в Ахене в 1818 г.¹⁸ В серию из более 20 портретов, которая украшает зал Ватерлоо в Виндзорском дворце, помимо изображения Александра I входят портреты генералов М.И. Платова, Ф.П. Уварова и А.И. Чернышева и уполномоченных Российской империи на Венском конгрессе 1815 г. К.В. Нессельроде и И.А. Каподистрия. Английская портретная школа в лице Т. Лоуренса была высоко оценена российским императором. Именно так появилась идея создания аналогичной галереи героев Отечественной войны 1812 г. — Военной галереи в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге, и для ее создания в 1819 г. в Россию приехал главный соперник Лоуренса Джордж Доу¹⁹.

Таким образом, Лоуренс так и не побывал в Санкт-Петербурге, однако его творчество было известно в России благодаря тому, что он писал русских моделей, и благодаря тем произведениям, которые попали в отечественные коллекции. К тому же благодаря активному развитию русско-английских связей на рубеже XVIII–XIX вв., позировать английскому художнику было престижно, а его произведения могли легко вписаться в общее убранство дворянского дома. Какие-то произведения были куплены позже на аукционах или в антикварных магазинах путешествующими в Великобританию русскими. Так, постепенно, работы Лоуренса стали появляться в российских частных собраниях. После революции 1917 г. из частных коллекций они переместились в собрания крупных музеев России. Часть работ с изображением русских моделей так и остались на территории Великобритании, о чем свидетельствует, например, портрет Екатерины Семёновны Пембрук, хранящийся в имении графов Пембрук в Уилтоне, и живописный портрет княгиня Д.Х. Ливен из коллекции Британской галереи Тейт. В целом, можно предположить, что Лоуренса выбирали в роли портретиста сами перечисленные выше русские модели, а по-

¹⁸ Ренне Е.П. Указ. соч. С. 97.

¹⁹ Подробнее см.: Андреева Г.Б. Гений войны, блага и красоты. Писал Королевский Академик. Джордж Доу. М., 2012.

купались его произведения охотно потому, что художник изобразил российского императора Александра I и представителей его свиты, и это задало некую моду на его работы среди высшей знати, которая была одновременно связана и с Россией, и с Великобританией.

Реорганизация Музея изящных искусств (позже получившего имя Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) и расширение его коллекции оригинальными произведениями искусства, в том числе картинами, произошло после постановления Народным комиссариатом по просвещению 27 марта 1924 г.²⁰ Именно тогда работами Томаса Лоуренса пополнилась Картинная галерея музея, и сейчас это собрание сопоставимо по количеству произведений с собранием Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Произведения Т. Лоуренса были переданы из Оружейной палаты Московского Кремля, Русского музея, Воронцовского дворца-музея в Алушке, Государственной Третьяковской галереи, Рогожско-Симоновского музея. Передана в ГМИИ им. А. С. Пушкина была и коллекция Д.И. Щукина (из недолго существовавшего Музея старой западной живописи), в которую также входила одна из графических работ Лоуренса.

Именно в этом музее в марте–апреле 1956 г. прошла первая выставка английского искусства в России. На ней было показано 90 полотен, и она дала толчок к изучению английской живописи в СССР. По итогам выставки И.А. Кузнецова писала, что нужно пересмотреть оценки известных английских портретистов, например, Хопнера и Реберна, и внимательнее изучить авторство портрета дамы в черном неизвестного мастера, расположенного в экспозиции среди работ Лоуренса²¹.

Разберем подробнее произведения из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. Их можно разделить на две группы. К первой относятся те портреты, которые изображают русских заказчиков Лоуренса, а ко вторым — те произведения, которые связаны с Россией по другому критерию: они находятся на данный момент в коллекции отечественного музея.

Рассмотрим первую группу, изображающую русских моделей Лоуренса.

Как уже было сказано выше, в 1818 г. российский император Александр I позировал Томасу Лоуренсу в Ахене. Это была долгая и кропотливая работа. Судя по воспоминаниям Лоуренса, найденным в его письмах, император позировал ему семь раз. После первого же

²⁰ Данилова И.Е. Указ. соч. С. 6.

²¹ Кузнецова И.А. Некоторые проблемы изучения английского искусства в связи с выставкой в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина // Труды Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. 1960. С. 157.

сеанса Александр и сопровождающий его английский посол лорд Стюарт были довольны первоначальным эскизом. Генерал-адъютант Волконский, над чьим портретом в тот момент работал Джордж Доу в соседнем помещении, также видел первый эскиз и одобрил его, но отметил, что «выражение бровей слишком серьезное»²². В ГМИИ им. А.С. Пушкина хранится этюд маслом 91 x 73 см (копия, находившаяся ранее в Воронцовском дворце в Алушке), который изображает Александра в пол-оборота и по пояс, что-то подобное по композиции и видел Волконский.

Лоуренс несколько раз переделывал композицию. В итоге Александр был изображен опирающимся на правую ногу. В целом его образ получился достаточно скромным, что, пожалуй, не самый удачный выбор для изображения военной фигуры на поле боя²³. Специалисты отмечают, что в скрупулезно выполненном портрете Лоуренс передал загадочность личности императора Александра²⁴.

25 ноября 1818 г. законченным портретом восхищалась вдовствующая императрица Мария Федоровна. Особенно ее впечатлило то, как верно передано выражение лица Александра. В итоге была заказана копия, прибывшая в 1822 г. из Лондона в Эрмитаж. Ее вместе с портретом кисти Жерара видел посетивший в тот же год столицу английский капитан Мэтью Джонс. Ему больше понравился портрет, выполненный французом, так как Лоуренс привлек к работе над картиной учеников²⁵, и поэтому она показалась ему менее качественной.

Как сообщает архивное дело «Об отправленном портрете Государя императора Александра I-ого писанном живописцем Лоренсом», доставка портрета происходила под руководством русских представителей в Лондоне. О стоимости оплаты работы художника и транспортировки можно судить по одному из писем этого дела: «Долг мой требует довести при сем до сведения Вашего Превосходительства, что за оной портрет заплачено мною помянутому художнику 630 фунтов, за рамы онаго ... 46 ф. И за укладку с ящиками 22 ф. За страхование сей драгоценной картины в 720 ф. По 5-ти гиней за 100 фунтов стоит 39 ф. 18 шил: сверх того за погрузку оной с таможенными издержками заплачено 6 ф. 16 шил. 6 п. Так, что сея Картина обошлась здесь ценою в 744 ф. 14 шил. 6 пенсов стерлингов»²⁶.

²² *Layard G.S.* Op. cit. P. 138.

²³ *Levey M.* Op. cit. P. 208.

²⁴ *Ibid.* P. 210.

²⁵ *Андреева Г.Б.* Указ. соч. С. 136–137.

²⁶ Об отправленном портрете Государя императора Александра I-ого писанном живописцем Лоренсом // Архив внешней политики Российской империи. Административные дела. Оп. II-26. 1822. Д. 10.

Данный портрет позже попал в Оружейную палату Московского Кремля, а потом в 1925 г. — в собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина. Именно эта работа была представлена на выставке в Таврическом дворце в 1905 г. Размер этого повтора 268 x 175 см, оно немного меньше оригинала, размер которого составляет 273,8 x 179,5 см.

В 1805–1806 гг. Лоуренс создал портрет известного дипломата и государственного деятеля Семена Романовича Воронцова (1744–1832), ныне хранящийся в собрании Государственного Эрмитажа. С 1782 г. Воронцов был полномочным министром в Венеции, а в 1784–1796 гг. и 1801–1806 гг. — российским послом в Великобритании.

Позже коллекция портретов Воронцовых существенно пополнилась. Были выполнены изображения Екатерины Пембрук-Воронцовой в 1808 г., Михаила Семеновича Воронцова в ореоле воинской славы и его жены Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, урожденной Браницкой (1792–1880) в 1821 г. Последний является довольно большим эскизом (72 x 63 см) и хранится в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина. Попал он в музей из коллекции Д. И. Щукина в 1924 г.

Портрет был написан, когда Елизавета с мужем гостили у его отца С. Р. Воронцова и его сестры леди Пембрук в Англии в июле–октябре 1821 г. Об этом сообщают записи в дневнике М. С. Воронцова: «Мы снова вернулись в Уилтон, где оставались до начала октября. Затем мы провели пятнадцать дней в Лондоне, и именно в это время Лоуренс заканчивал мой портрет»²⁷. Сведений о похожем живописном портрете Елизаветы Воронцовой нет. Эскиз выполнен карандашом, сангиной и белилами на холсте. Поясная композиция вписана в овал, шею украшает крупный крест, карандашом намечено белое платье и красный платок. Тщательно прорисованы локоны прически и аккуратные некрупные черты лица. Красным карандашом выделен румянец на щеках и алые губы. Легкий и нежный образ, созданный Лоуренсом подтверждается воспоминаниями Ф. Ф. Вигеля, который описывает встречу М. С. Воронцова и Екатерины в Париже в 1815 г.:

«Она не могла ему не понравиться: нельзя сказать, что она была хороша собой, но такой приятной улыбки, кроме ее, ни у кого не было, а быстрый, нежный взгляд ее миленьких небольших глаз пронзал насквозь. К тому же польское кокетство пробивалось в ней сквозь большую скромность, к которой с малолетства приучила ее русская мать, что делало ее еще привлекательней»²⁸.

²⁷ Бартенев П. И. Указ. соч. С. 72.

²⁸ Петтинова Е. Ф. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биография и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1996. С. 740.

Елизавета Воронцова славилась гостеприимством и благотворительностью, когда семья жила в Тифлисе. В 1807 г. она была пожалована фрейлиной, в 1838 г. статс-дамою, а в 1850 г. получила Екатерининскую ленту и была возведена в княжеское достоинство. Даже в пожилом возрасте «такие люди как Пушкин, Раевский и многие, многие другие, без памяти влюблялись в княгиню Воронцову»²⁹.

Еще одна модель Лоуренса, его покровитель Джон Джулиус Ангерстейн (1735–1823), родился в 1735 г. в Санкт-Петербурге. Существует сомнительное предположение, что он являлся сыном императрицы Елизаветы Петровны и негоцианта Эндрю Пулетта Томсона³⁰. В возрасте 14 лет Джон Джулиус переехал с семьей в Англию. После смерти Эдварда Ллойда Ангерстейн возглавлял так называемый Лондонский Ллойд — известный рынок страхования в столице Великобритании. Ангерстейн вошел в историю также как коллекционер живописи старых мастеров, художники Томас Лоуренс и Бенджамин Вест являлись основными его советчиками в формировании личной коллекции. Она была небольшая, однако составила ядро Национальной галереи в Лондоне, ее после смерти Ангерстейна в 1824 г. выкупило для государства правительство Ливерпуля³¹.

Одна из дочерей Дж. Ангерстейна от первого брака Джулия в 1804 г. вышла замуж за генерал-майора Конногвардейского полка Николая Александровича Саблукова (1776–1848). Его портрет сейчас находится в частном собрании в Англии, а вот копия этой картины XIX в. — в коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Точная дата создания оригинала неизвестна. Однако с уверенностью можно сказать, что Николай Саблуков на портрете изображен уже после войны 1812 г., и имеет вид решительного человека, такого, каким его знали современники³². Томас Лоуренс создал классический романтический образ, показав Саблукова то ли на фоне грозowych туч, то ли на поле битвы в окружении порохового дыма и с плотно скрещенными на груди руками, что обычно говорит о том, что модель не стремится открываться перед зрителем. Изображение поясное, акцент сделан на лице модели, оно выделяется на темно-синем фоне и будто подсвечено огнем.

Если говорить о личности модели, то генерал-майор Саблуков известен благодаря своим «Запискам» о времени императора Павла I и его кончине. Он получил хорошее домашнее образование и в юности

²⁹ Петинова Е.Ф. Указ соч. С. 741.

³⁰ Ренне Е.П. Указ соч. С. 102.

³¹ National gallery. [Official site]. — URL: <http://www.nationalgallery.org.uk/paintings/sir-thomas-lawrence-john-julius-angerstein-aged-about-55> (дата обращения: 19.04.2018).

³² Ренне Е.П. Указ соч. С. 101.

учился за границей, служил в блестящем аристократическом Конногвардейском полку, был начальником Комиссариатского отделения и управляющим Счетной экспедицией Морского министерства. В 1809 г. по прошению он был уволен в отставку с мундиром лейб-гвардии Конного полка. Уехал в Англию, где пробыл до 1812 г.³³ Используя свои родственные связи, он выполнял поручения правительства России по вопросу о займе у Англии³⁴. Во время Отечественной войны служил в кавалерийском отряде барона Корфа, показал себя как «человек беззаветной храбрости»³⁵. Потом опять удалился в Англию и больше на службу не возвращался.

ГМИИ им. А.С. Пушкина располагает также несколькими работами Лоуренса, не связанными своим происхождением с Россией.

Так, с 1924 г. в музее находится еще одна копия работы Лоуренса — портрета скульптора Антонио Кановы из коллекции мемориального музея Кановы в Поссаньо. Ранее эта копия находилась в собрании Г.И. Кристи в Москве, а с 1918 г. в 5-м Пролетарском (Рогожско-Симоновском) музее.

Лоуренс познакомился с Антонио Кановой в Париже. Первоначальный портрет был написан позже в Лондоне, куда скульптор приехал в 1815 г. Портрет отличает удивительное сходство с моделью, свою работу художник выставил в 1816 г. в Королевской академии художеств³⁶. Однако Лоуренс взял портрет с собой в Рим в 1819 г., где Канова еще раз позировал ему, чтобы «создать более идеальное произведение искусства»³⁷. Канова показан почти в профиль, и всё полотно будто наполнено байронической аурой, это отражено, например, в изображении костюма³⁸. На момент написания портрета скульптору было около 60 лет. Известно, что Канова носил черный парик, во многом за счет этого на портретах он выглядит моложе³⁹.

Существуют и другие портреты Антонио Кановы, например, Джона Джексона 1820 г. На нем скульптор изображен на фоне фрагмента одной из своих работ — мраморного надгробия эрцгерцогини Марии Кристины Австрийской (1798–1805 гг., церковь Августинцев в Вене). Лоуренс же решил показать гениальность Кановы иначе —

³³ Петина Е. Ф. Указ. соч. С. 552–553.

³⁴ Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 544.

³⁵ Петина Е. Ф. Указ. соч. С. 554.

³⁶ Levey M. Op. cit. P. 178.

³⁷ Honour H. A List of Artists who Portrayed Canova // Studi in onore di Elena Bassi. Venice, 1988. P. 164.

³⁸ Levey M. Op. cit. P. 178.

³⁹ Honour H. Op. cit. P. 156.

через изображение вдохновленного взгляда⁴⁰. Лоуренсу редко приходилось писать портреты творческих людей. В своих письмах брату он с надеждой пишет: «Возможно моя живопись будет связана с его славой»⁴¹.

Лоуренс хотел, чтобы сходство изображения и модели вызвало интерес к данной работе и его творчеству в целом. Он смог этого добиться: известно как минимум двадцать повторений или копий этого портрета. В работе Джэксона может быть и больше сходства, но нет такого живого образа⁴².

Одним из повторений стало произведение из российского собрания. Оно также выполнено маслом на холсте и имеет схожие с оригиналом размеры 91 × 73 см (работа в музее Поссаньо — 91,4 × 71,1 см). Портреты почти идентичны, но есть небольшие отличия в прорисовке деталей и сохранности. Работа, находящаяся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, сохранила больше верхнего красочного слоя, более четко видны изображения колонн на заднем плане и одежда модели. Изобразив Канову в красном домашнем бархатном халате, Лоуренс создал очень камерный образ. Скорее всего, этот халат принадлежал самому художнику, он специально дал его модели во время сеанса. Позже этот элемент одежды еще раз был написан в 1824 г. в портрете Джона Джулиуса Ангерстейна, который создавался по воспоминаниям. Образ Кановы выполнен по традиционным канонам романтического портрета: фигура модели показана в три четверти и укрупнена, использован темный красный фон, а свет и белый воротник сорочки акцентирует внимание на одухотворенном лице известного скульптора.

В коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина также с 1924 г. хранится небольшой (25 × 19,5 см) живописный портрет на дереве, представляющий Джулию Пилл, урожденную Флloyd. Данная работа является этюдом к портрету, выполненному в 1825 г. и хранящемуся на данный момент в частном собрании в США⁴³. Ранее этюд находился в собрании В.В. Ратьковой-Рожновой в Москве, а с 1918 г. в Русском музее.

В настоящее время эта работа находится как бы в тени более известного портрета леди Пилл 1826–1827 гг. Однако она выставлялась в Королевской академии художеств в 1825 г. и несколько раз копировалась. Так, например, в Национальной портретной галерее в Лондоне хранится гравюра с этого портрета, созданная в 1909 г. Также сохранилось письмо, в котором заказчик работы, мистер Роберт Пилл, дает высокую оценку именно этому изображению 1825 г.:

⁴⁰ Levey M. Op. cit. P. 179.

⁴¹ Honour H. Op. cit. P. 164.

⁴² Levey M. Op. cit. P. 180.

⁴³ Ibid. P. 262.

«Стэнхоп стрит, 17 января 1825

Мой дорогой сэр — честно говоря, я сомневаюсь, что наш таинственный разговор на французском порадовал Вас больше, чем наши ремарки на английском; однако я должен признаться, что наше восхищение портретом Мисс Пилл безусловно. Я посчитал его, как и мистер Крокер, в высшей степени прекрасным. Я не желаю никаких больше изменений помимо доработки изображения платья. Я удивляюсь, как можно было соединить столько простоты и скромности со всей этой элегантностью и благородством.

Крокер сказал на французском, что Вы приписываете свой успех умению изображать идеальную сущность характера, способности рисовать, и что Вы считаете этот навык наименее важной отраслью в живописном искусстве, чем некоторые другие, как чувство цвета и многое другое, и что он считает это главным критерием для художника. Он сказал, что Вы, очевидно, тратите зря первые два часа позирования, так как потом мало используете эти материалы — но Вы фактически изучаете выражение и характер модели, и что это были самые важные два часа...

Искренне Ваш,
Роберт Пилл»⁴⁴.

В этом письме показано, насколько ценили современники подготовительную работу Лоуренса, его этюды и зарисовки играют огромную роль в изучении творчества мастера.

На этюде, представленном в ГМИИ им. А.С. Пушкина, леди Пилл изображена сидящей без головного убора на фоне пейзажа. Публикация оригинального изображения, хранящегося в личной коллекции, нами не была найдена. Однако при сравнении гравированного изображения из Национальной портретной галереи и этюда из московского собрания видно, что по композиции работы очень схожи. Также стоит отметить, что гравюра ближе по размеру к живописному оригиналу, чем этюд, ее размер 60,8 см x 46 см. Композиционно этот образ очень выразителен. Фигура немного сдвинута в сторону и показана снизу, отчего образ и получается таким «благородным», как его назвал мистер Пилл, и возвышенным. А вот «элегантен» он благодаря плавному изгибу тела и пастельным тонам. Взгляд зрителя перетекает от слегка повернутой в сторону головы вниз по полукругу рук и далее по юбке платья до нижней части картины. Романтическое настроение передано выбором осеннего пейзажа на заднем плане и взгляда модели, направленного от зрителя. Атласное белое ампирное платье украшено небольшими жемчугом и позолоченными деталями и

⁴⁴ *Layard G. S. Op. cit. P. 191.*

дополнено Лоуренсом розовыми шалью и шляпой, которые создают декоративный цветовой акцент.

Как упоминалось выше, существует более известный живописный портрет леди Пилл 1826–1827 гг. На этот раз модель показана в шляпе в фас. По широкой и яркой манере письма этот образ специалисты сравнивают со «Свояченицей Сусанной» («Соломенная шляпка») 1622–1625 гг. кисти Питера Пауля Рубенса, которая на тот момент хранилась в личной коллекции семьи Пилл⁴⁵.

В ГМИИ с 1925 г. хранится еще одна работа Лоуренса — небольшой по размеру (39,5 x 33,5 см) написанный маслом на холсте портрет Салли Сиддонс (1775–1803). До 1911 г. эта работа находилась в собрании великого князя Сергея Александровича, потом была подарена великой княгиней Елизаветой Федоровной и великой княжной Марией Павловной Третьяковской галерее.

В 1790-х гг. Лоуренс был вовлечен в запутанные отношения с двумя дочерьми известной актрисы Сары Сиддонс — Салли и Марией⁴⁶. В 1796 г. художник влюбился в старшую из сестер, Салли, а затем в Марию, которая на своем смертном одре в 1798 г. взяла у сестры обещание не выходить за него замуж. В итоге Лоуренс снова признавался в своей преданности Салли. Но та, сомневаясь, всё же ему отказала и умерла в 1803 г., так и не выйдя замуж⁴⁷.

Современники отмечали, что Салли Сиддонс была очень похожа на свою мать. Это можно заметить, сравнив графический портрет миссис Сиддонс, выполненный Лоуренсом в 1790 г., и живописную работу из российской коллекции. Обе женщины показаны в фас, поэтому легко узнать схожий контур острого носа, вытянутый овал лица, небольшой рот и схожий разрез глаз. Биограф актрисы Томас Кэмпбелл так характеризовал внешность Салли Сиддонс: «Она не была очень красивой, но ее лицо было как у матери, с сияющими глазами и удивительной смесью прямодушия и нежности»⁴⁸.

На портрете показана только голова, и слегка намечены плечи модели. Художник делает акцент именно на лице, выражение которого очень экспрессивно, завораживающий взгляд больших темно-синих глаз Салли Сиддонс направлен прямо на зрителя. Цвет глаз подчеркнут Лоуренсом с помощью изображения голубой ленты в темных волосах.

⁴⁵ Levey M. Op. cit. P. 278.

⁴⁶ Подробнее см.: Knapp O. (ed.) An Artist's Love Story Told in the Letters of Sir Thomas Lawrence, Mrs. Siddons and her Daughters. London, 1904.

⁴⁷ Levey M. Op. cit. P. 106.

⁴⁸ Campbell T. Life of Mrs. Siddons // Tait's Edinburgh Magazine. 1834. P. 477.

Существует и другое, более лиричное изображение Лоуренсом Салли Сиддонс, где она показана в белом платье, сидящей на большом камне в лесной чаще. Однако в этой работе нет той экспрессии, которая отличает небольшой портрет из московского музея.

Таким образом, опираясь на небольшое количество произведений Томаса Лоуренса из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина можно сделать выводы о том, что в России хранятся в основном копии мастера, повторения на холсте или дереве, эскизы или малоформатные живописные портреты. Однако все эти произведения, вне зависимости от того, изображают они русских или не связаны своим происхождением с Россией, одинаково отражают творческую концепцию выдающегося британского художника, глубокий психологизм его работ. Они помогают изучить некоторые аспекты феномена англomanии в России в конце XVIII — начале XIX в. и сформировать представление в целом об английской школе живописи, так как Лоуренс, занимавший пост президента Королевской академии художеств, являлся одним из передовых мастеров своего времени.

References

Andreyeva G.B. *Geniy voyny, blaga i krasoty. Pisal Korolevskiy Akademik. Dzhordzh Dou* [The Genius of War, Good and Beauty. Painted by the Royal Academician. George Dow]. Moscow: Pinakoteka, 2012. 271 p.

Danilova I.Ye. *Katalog zhivopisi* [A Catalogue of Painting] / Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina [Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow: Mazzotta, 1995. 775 p.

Fertsev A.V. *Fenomen anglomaniy v Rossii XVI — pervoy poloviny XIX vv.: kul'turologicheskiy aspekt* [The Phenomenon of Anglomania in the Russia of the 16th – First Half of the 19th Centuries: A Cultural Aspect]. PhD Candidate in Philosophy Diss. Saransk: Mordovskiy gosudarstvennyy universitet, 2004. 141 p.

Georgiyevskaya Ye.B., Yesipova G.A., Levitin Ye.S. *Vystavka angliyskogo iskusstva XVI–XX vv. Putevoditel'* [Exhibition of the English Art of the 16th–20th Centuries. A Guide]. Moscow: Iskusstvo, 1956. 48 p.

Knapp O. (ed.) *An Artist's Love Story Told in the Letters of Sir Thomas Lawrence, Mrs. Siddons and her Daughters*. London: George Allen, 1904. 238 p.

Krol' A.Ye. *Angliyskiye portrety XVIII veka* [English portraits of the 18th Century]. Leningrad: Izdatel'stvo gosudarstvennogo Ermitazha, 1939. 46 p.

Krol' A.Ye. *Neopublikovannoye pis'mo Dzhoshua Reynol'dsa iz arkhiva Vorontsovykh* [An Unpublished Letter by Joshua Reynolds from the Vorontsov Family Archives] // *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. Is. 18. 1960, pp. 42–44.

Kross E. *Anglofiliya u trona: Britantsy i russkiye v vek Yekateriny II: katalog vystavki* [Anglophilia at the Throne: The British and the Russians in the Age of Catherine II: A Catalogue of the Exhibition.]. London: Britanskiy sovet, 1992. 122 p.

Layard G.S. *Sir Thomas Lawrence's Letter-Bag... with Recollection of the Artist by Elizabeth Croft*. London: George Allen, 1906. 296 p.

Levey M. *Sir Thomas Lawrence*. New Haven; London: Yale University Press, 2005. 345 p.

Litvinov S.V. *Anglomaniya v Rossii kak sotsiokul'turnoye yavleniye (poslednyaya tret' XVIII – seredina XIX v.)* [Anglomania in Russia as a Sociocultural Phenomenon in the Last Third of the 8th – the Middle of the 19th Centuries]. PhD Candidate in Culturology Diss. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1998. 210 p.

Petinova Ye.F. *Znamenityye rossiyanе XVIII–XIX vekov. Biografiya i portrety. Po izdaniyu velikogo knyazya Nikolaya Mikhaylovicha “Russkiye portrety XVIII i XIX stoletiy”* [Famous Russians of the 18th–19th-centuries. Biography and Portraits. On Grand Duke Nikolai Mikhailovich's Edition of “The 18th–19th-centuries Russian Portraits”]. Saint Petersburg: Lenizdat, 1996. 523 p.

Renne Ye.P. *Tomas Lourens i yego russkiye modeli* [Thomas Lawrence and His Russian Models] // *Nezabyvayemaya Rossiya: Russkiye i Rossiya glazami britantsev, XVII–XIX veka (Katalog vystavki)* [Unforgettable Russia: Russians and Russia through the British Eyes in the 18th–19th-centuries (Exhibition Catalogue)]. Moscow: Trilistnik, 1997, pp. 94–102.

Vystavka proizvedeniy angliyskogo iskusstva: zhivopis', skul'ptura, risunok, gravyura, predmety prikladnogo iskusstva iz muzeyev SSSR: katalog [Exhibition of Works of English Art: Painting, Sculpture, Drawing, Engraving, Objects of Applied Art from the Museums of the USSR: A Catalogue] / Ed. by B.R. Wipper. Moscow: Iskusstvo, 1956. 94 p.

Поступила в редакцию
3 апреля 2019 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом;

Текст представляется в редакцию в распечатанном виде и на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — на отдельных листах и в отдельных файлах на usb-накопителе.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом от 250 до 300 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью нужно сопроводить выпиской из протокола заседания профильной кафедры исторического факультета МГУ с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей, в том числе от авторов, не работающих и не обучающихся на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.